Кукинская
С 306
S27

А. С. МАКАРЕНКО

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ И ШКОЛЕ

ОГИЗ ◆ 1941
ГКАЛОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. С. МАКАРЕНКО

9 306/527

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ И ШКОЛЕ

ОГИЗ
Чкаловское издательство
1941

СОДЕРЖАНИЕ

Общие условия семейного воспитания 3
О родительском авторитете 10
Дисциплина 17
Игра 26
Воспитание в труде 35
Семейное воспитание 43
Воспитание культурных навыков 51
Половое воспитание 59
Воспитание детей в школе и семье 67
Отношения, стиль и тон в коллективе 79
„Педагогика индивидуального действия“ 91
Дисциплина, режим, наказания и поощрения 108
Некоторые педагогические выводы из моего опыта 130

Госуд ростовская ордена Ле ина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
19104-47
2011122044

Редактор А. Тройкин.

Тираж 6000. ФВ 1907. Подписано к печати 19/VI 1941 г. Печ. л. 9,25. Авт. л. 10,562. Тип. зн. в печ. л. 51920. Цена 3 р. 10 к.

Типография издательства „Чкаловская Коммуна“ г. Чкалов, Ленинская, 42
Заказ № 1104.

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

Дорогие родители,
граждане Советского Союза!

Воспитание детей — важная область нашей жизни. Наши дети — это будущие граждане нашей страны и граждане мира. Они будут творить историю. Наши дети — это будущие отцы и матери, они тоже будут воспитателями своих детей. Наши дети должны вырасти прекрасными гражданами, хорошими отцами и матерями. Но и это — не все: наши дети — это наша старость. Правильное воспитание — это наша счастливая старость, плохое воспитание — это наше будущее горе, это — наши слезы, это — наша вина перед другими людьми, перед всей страной.

Дорогие родители, прежде всего вы всегда должны помнить о великой важности этого дела, о вашей большой ответственности за него.

Сегодня мы начинаем целый ряд лекций по вопросам семейного воспитания. В дальнейшем мы будем говорить подробно об отдельных деталях воспитательной работы: о дисциплине и родительском авторитете, об игре, о пище и одежде, о вежливости и т. д. Все это — очень важные отделы, говорящие о полезных методах воспитательной работы. Но прежде чем говорить о них, обратим ваше внимание на некоторые вопросы, которые имеют общее значение, которые относятся ко всем отделам, ко всем деталям воспитания, которые всегда нужно помнить.

Прежде всего обращаем ваше внимание на следующее: воспитать ребенка правильно и нормально гораздо легче, чем перевоспитать. Правильное воспитание с самого раннего детства это — вовсе не такое трудное дело, как многим кажется. По своей трудности это дело по силам каждому человеку, каждому отцу и каждой матери. Хорошо воспитать своего ребенка легко может каждый человек, если только он этого действительно захочет, а, кроме того, это — дело приятное, радостное, счастливое. Совсем другое — перевоспитание. Если ваш ребенок воспитывался неправильно, если вы что-то прозевали, мало о нем думали, а то бывает и поленились, запустили ребенка, — тогда уже многое придется переделывать, поправлять. И вот эта работа поправки, работа перевоспитания — уже не такое легкое дело. Перевоспитание требует и больше сил и больше знаний, больше терпения, а не у каждого родителя все это найдется. Очень часто бывают такие случаи, когда семья уже никак не может справиться с трудностями перевоспитания, и приходится отправлять сына или дочку в трудовую колонию. А бывает и так, что и ко-

лония ничего поделать не может, и выходит в жизнь человек не такой, как нужно. Возьмем даже такой случай, когда переделка помогла, вышел человек в жизнь и работает. Все смотрят на него и все довольны, и родители в том числе. Но того никто не хочет подсчитать, сколько все-таки потеряли. Если бы этого человека с самого начала правильно воспитывали, он больше взял бы от жизни, он вышел бы в жизнь еще более сильным, более подготовленным, а значит и более счастливым. А, кроме того, работа перевоспитания, переделки, это — работа не только более трудная, но и горестная. Такая работа, даже при полном успехе, причиняет родителям постоянные огорчения, дергает нервы, часто портит родительский характер.

Советуем родителям всегда помнить об этом, всегда стараться воспитывать так, чтобы ничего потом не пришлось переделывать, чтобы с самого начала все было сделано правильно.

Очень много ошибок в семейной работе получается оттого, что родители как будто забывают, в какое они живут время. Бывает, родители на службе, вообще в жизни, в обществе выступают как хорошие граждане Советского Союза, как члены нового социалистического общества, а дома, среди детей живут по-старинке. Конечно, нельзя сказать, что в старой дореволюционной семье все было плохо, многое из старой семьи можно перенять, но нужно всегда помнить, что наша жизнь принципиально отличается от старой жизни. Нужно помнить, что мы живем в бесклассовом обществе, что такое общество существует пока только в СССР, что нам предстоят большие бои с умирающей буржуазией, большое социалистическое строительство. Наши дети должны вырасти активными и сознательными строителями коммунизма.

Родители должны подумать, чем отличается новая советская семья от старой. В старой семье, например, отец имел больше власти, дети жили в полной его воле, и податься им от отцовской власти было некуда. Многие отцы такой властью и злоупотребляли, относились к детям жестоко, как самодуры. Государство и православная церковь такую власть поддерживали, — это было выгодно для общества эксплоататоров. В нашей семье дело обстоит иначе. Например, наша девушка не будет ждать, пока ей родители найдут жениха. Но и наша семья должна руководить чувствами своих детей. Очевидно, что наше руководство уже не может пользоваться в этом деле старыми способами, а должно находить новые. В старом обществе каждая семья принадлежала к какому-нибудь классу, и дети этой семьи обыкновенно оставались в том же классе. Сын крестьянина и сам обыкновенно крестьянствовал, сын рабочего тоже становился рабочим. Для наших детей предоставлены очень широкие просторы выбора. В этом выборе решающую роль играют не материальные возможности семьи, а исключительно способности и подготовка ребенка. Наши дети, стало быть, пользуются совершенно несравненным простором. Об этом знают и отцы, об этом знают и дети. При таких условиях становится просто невозмож-

ным никакое отцовское усмотрение. Для родителей теперь нужно рекомендовать гораздо более тонкое, осторожное и умелое руководство.

Семья перестала быть отцовской семьей. Наша женщина пользуется такими же правами, как и мужчина, наша мать имеет права, равные правам отца. Наша семья подчиняется не отцовскому единовластью, а представляет собою свободный советский коллектив. В этом коллективе родители обладают известными правами. Откуда берутся эти права?

В старое время считалось, что отцовская власть имеет небесное происхождение: так угодно богу, о почитании родителей существовала особая заповедь. В школах батюшки толковали об этом, рассказывали детям, как бог жестоко наказывал детей за неуважение к родителям. В советском государстве мы детей не обманываем. Наши родители, однако, тоже отвечают за свою семью перед всем советским обществом и советским законом. И поэтому и наши родители имеют некоторую власть и должны иметь авторитет в своей семье. Хотя каждая семья составляет коллектив равноправных членов общества, все же родители и дети отличаются тем, что первые руководят семьей, а вторые воспитываются в семье.

Обо всем этом каждый родитель должен иметь совершенно ясное представление. Каждый должен понимать, что в семье он — не бесконтрольный хозяин, а только старший ответственный член коллектива. Если эта мысль хорошо будет понята, то правильно пойдет и вся воспитательная работа.

Мы знаем, что эта работа не у всех одинаково успешно протекает. Это зависит от многих причин и прежде всего зависит от применения правильных методов воспитания. Но очень важной причиной является и самое устройство семьи, ее структура. В известной мере эта структура находится в нашей власти. Можно, например, решительно утверждать, что воспитание единственного сына или единственной дочери гораздо более трудное дело, чем воспитание нескольких детей. Даже в том случае, если семья испытывает некоторые материальные затруднения, нельзя ограничиваться одним ребенком. Единственный ребенок очень скоро становится центром семьи. Заботы отца и матери, сосредоточенные на этом ребенке, обыкновенно превышают полезную норму. Любовь родительская в таком случае отличается известной нервозностью. Болезнь этого ребенка или его смерть переносятся такой семьей очень тяжело, и страх такого несчастья всегда стоит перед родителями и лишает их необходимого спокойствия. Очень часто единственный ребенок привыкает к своему исключительному положению и становится настоящим деспотом в семье. Для родителей очень трудно бывает сдерживать свою любовь к нему и свои заботы, и волей неволей они воспитывают эгоиста.

Только в семье, где есть несколько детей, родительская забота может иметь нормальный характер. Она равномерно распределяется между всеми. В большой семье ребенок привыкает с са-

мых малых лет к коллективу, приобретает опыт взаимной связи. Если в семье есть старшие и младшие дети, между ними устанавливается любовь и дружба в самых разнообразных формах. Жизнь такой семьи предоставляет ребенку возможность упражняться в различных видах человеческих отношений. Перед ними проходят такие жизненные задачи, которые единственному ребенку недоступны: любовь к старшему брату и любовь к младшему брату это совершенно различные чувства, уменье поделиться с братом или сестрой, привычка посочувствовать им. Мы уже не говорим, что в большой семье на каждом шагу, даже в игре, ребенок привыкает быть в коллективе. Все это очень важно именно для советского воспитания. В буржуазной семье этот вопрос не имеет такого значения, так как там все общество построено на эгоистическом принципе.

Бывают и другие случаи неполной семьи. Очень болезненно отражается на воспитании ребенка, если родители не живут вместе, если они разошлись. Часто дети становятся предметом распри между родителями, которые открыто ненавидят друг друга и не скрывают этого от детей.

Необходимо рекомендовать тем родителям, которые почему-либо оставляют один другого, чтобы в своей ссоре, в своем расхождении они больше думали о детях. Надо стараться разрешить свои несогласия более деликатно. Можно скрыть от детей и свою неприязнь и свою ненависть к бывшему супругу. Трудно, разумеется, мужу, оставившему жену и детей, как-нибудь продолжать их воспитание. И если он не может благотворно влиять на свою старую семью, то уж лучше всего постараться, чтобы она совсем его забыла, это будет более честно. Хотя, разумеется, свои материальные обязательства по отношению к покинутой семье он должен нести попрежнему.

Вопрос о структуре семьи — вопрос очень важный, и к нему нужно относиться вполне сознательно. Если родители по-настоящему любят своих детей и хотят их воспитать как можно лучше, они будут стараться и свои взаимные несогласия не доводить до разрыва и тем не ставить детей в самое трудное положение.

Следующий вопрос, на который можно обратить самое серьезное внимание, — это вопрос о цели воспитания. В некоторых семьях можно наблюдать самое полное бездумье в этом вопросе: просто живут рядом родители и дети, и родители надеются на то, что все само собой получится. У родителей нет ни ясной цели, ни определенной программы. Конечно, в таком случае и результаты будут всегда случайны, и часто такие родители потом удивляются, почему это у них выросли плохие дети. Никакое дело нельзя хорошо сделать, если неизвестно, чего хотят достигнуть.

Каждый отец и каждая мать должны хорошо знать, что они хотят воспитать в своем ребенке. Надо отдавать себе ясный отчет относительно своих собственных родительских желаний. Хотите ли вы воспитать настоящего гражданина советской страны, человека знающего, энергичного, честного, преданного своему на-

роду, делу революции, трудолюбивого, бодрого и вежливого? Или вы хотите, чтобы из вашего ребенка вышел мещанин, жадный, трусливый, какой-нибудь хитренький и мелкий делец? Дайте себе труд, подумайте хорошо над этим вопросом, подумайте хотя бы втайне, и вы сразу увидите и много сделанных вами ошибок и много правильных путей впереди.

И при этом всегда вы должны помнить: вы родили и воспитываете сына или дочь не только для вашей родительской радости. В вашей семье и под вашим руководством растет будущий гражданин, будущий деятель и будущий борец. Если вы воспитаете плохого человека, горе от этого будет не только вам, но и многим людям и всей стране. Не отмахивайтесь от этого вопроса, не считайте его надоедливым резонерством. Ведь на вашем заводе, в вашем учреждении вы стыдитесь выпускать брак вместо хорошей продукции. Еще более стыдно должно быть для вас давать обществу плохих или вредных людей.

Этот вопрос имеет очень важное значение. Стоит только вам серьезно над ним задуматься, и многие беседы о воспитании станут для вас лишними, — вы и сами увидите, что вам нужно делать. А как раз многие родители не думают над таким вопросом. Они любят своих детей, они наслаждаются их обществом, они даже хвастаются ими, наряжают их и совершенно забывают о том, что на их моральной ответственности лежит рост будущего гражданина.

Может ли задуматься над всем этим такой отец, который сам является плохим гражданином, который совершенно не интересуется ни жизнью страны, ни ее борьбой, ни ее успехами, которого не тревожат вражеские вылазки? Конечно, не может. Но о таких людях и говорить не стоит, их немного в нашей стране.

Но есть иные люди. Они на работе и среди людей чувствуют себя гражданами, а домашние дела проходят у них совсем по-другому: дома они или просто помалкивают или, напротив, ведут себя так, как не должен вести себя советский гражданин. Раньше, чем вы начнете воспитывать своих детей, проверьте ваше собственное поведение.

Нельзя отделить семейные дела от дел общественных. Ваша активность в обществе или на работе должна иметь отражение и в семье, семья ваша должна видеть ваше политическое и гражданское лицо и не отделять его от лица родителя. Все, что совершается в стране, через вашу душу и вашу мысль должно приходить к детям. То, что совершается на вашем заводе, что радует или печалит вас, должно интересовать и ваших детей. Они должны знать, что вы — общественный деятель и гордиться вами, вашими успехами, вашими заслугами перед обществом. И только в том случае эта гордость будет здоровой гордостью, если ее общественная сущность детям понятна; если они не гордятся просто вашим хорошим костюмом, вашим автомобилем или охотничьим ружьем.

Ваше собственное поведение — самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним

разговариваете или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету, — все это имеет для ребенка большое значение. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете. А если дома вы грубы или хвастливы, или вы пьянствуете, а еще хуже, если вы оскорбляете мать, вы уже причиняете огромный вред вашим детям, вы уже воспитываете их плохо, и ваше недостойное поведение будет иметь самые печальные последствия.

Родительское требование к себе, родительское уважение к своей семье, родительский контроль над каждым своим шагом, — вот первый и самый главный метод воспитания!

А, между тем, приходится иногда встречать таких родителей, которые считают, что нужно найти какой-то хитрейший рецепт воспитания детей, и дело будет сделано. По их мнению, если этот рецепт дать в руки самому заядлому лежебоку, он при помощи рецепта воспитает трудолюбивого человека; если его дать мошеннику, рецепт поможет воспитать честного гражданина, в руках враля он тоже сделает чудо, и ребенок вырастет правдивым.

Таких чудес не бывает. Никакие рецепты не помогут, если в самой личности воспитателя есть большие недостатки.

На эти недостатки и нужно обратить первое внимание. А что касается фокусов, то нужно раз навсегда помнить, что педагогических фокусов просто не существует. К сожалению, иногда можно видеть таких людей, верящих в фокусы. Тот придумает особое наказание, другой вводит какие-нибудь премии, третий всеми силами старается паясничать дома и развлекать детей, четвертый подкупает обещаниями.

Воспитание детей требует самого серьезного тона, самого простого и искреннего. В этих трех качествах должна заключаться предельная правда вашей жизни. Самое незначительное прибавление лживости, искусственности, зубоскальства, легкомыслия делают воспитательную работу обреченной на неудачу. Это вовсе не значит, что вы должны быть всегда надуты, напыщены, — будьте просто искренни, пусть ваше настроение соответствует моменту и сущности происходящего в вашей семье.

Фокусы мешают людям видеть настоящие задачи, стоящие перед ними, фокусы в первую очередь забавляют самих родителей, фокусы отнимают время.

А многие родители так любят жаловаться на недостаток времени.

Конечно, лучше, если родители чаще бывают с детьми, очень нехорошо, если родители никогда их не видят. Но все же необходимо сказать, что правильное воспитание вовсе не требует, чтобы родители не спускали детей с глаз. Такое воспитание мо-

жет принести только вред. Оно развивает пассивность характера, такие дети слишком привыкают к обществу взрослых, и духовный рост их идет слишком быстро. Родители любят этим похвастаться, но потом убеждаются, что допустили ошибку.

Вы должны хорошо знать, что делает, где находится, кем окружен ваш ребенок, но вы должны предоставить ему необходимую свободу, чтобы он находился не только под вашим личным влиянием, а под многими разнообразными влияниями жизни. Не думайте при этом, что вы должны трусливо отгораживать его от влияний отрицательных или даже враждебных. Ведь в жизни все равно ему придется столкнуться с различными соблазнами, с чуждыми и вредными людьми и обстоятельствами. Вы должны выработать у него уменье разбираться в них, бороться с ними, узнавать их своевременно. В парниковом воспитании, в изолированном высиживании, нельзя этого выработать. Поэтому совершенно естественно вы должны допустить, чтобы ваши дети имели разных товарищей, но никогда не теряйте их из виду.

Детям необходимо во-время помочь, во-время остановить, направить. Таким образом, от вас требуется только постоянный коррективв к жизни ребенка, но вовсе не то, что называется вождением за руку. В свое время мы коснемся подробнее этого вопроса, сейчас же мы остановились на нем только потому, что зашел разговор о времени. Для воспитания нужно не большое время, а разумное использование малого времени. И еще раз повторяем: воспитание происходит всегда, даже тогда, когда вас нет дома.

Истинная сущность воспитательной работы, вероятно, вы и сами уже догадались об этом, заключается вовсе не в ваших разговорах с ребенком наедине, не в прямом вашем действии на ребенка, а в организации вашей семьи, вашей личной и общественной жизни и в организации жизни ребенка. Воспитательная работа есть прежде всего работа организатора. В этом деле поэтому нет мелочей. Вы не имеете права ничего назвать мелочью и забыть о ней. Страшной ошибкой будет думать, что в вашей жизни или в жизни вашего ребенка вы что-нибудь выделите крупное и уделите этому крупному все ваше внимание, а все остальное отбросите в сторону. В воспитательной работе нет пустяков. Какой-нибудь бант, который вы завязываете в волосах девочки, та или иная шапочка, какая-нибудь игрушка, — все это — такие вещи, которые могут иметь в жизни ребенка самое большое значение. Хорошая организация в том и заключается, что она не выпускает из виду мельчайших подробностей и случаев. Мелочи действуют регулярно, ежедневно, ежечасно, из них и складывается жизнь. Руководить этой жизнью, организовать ее и будет самой ответственной вашей задачей.

В следующих лекциях мы рассмотрим отдельные методы воспитательной работы в семье более подробно. Сегодняшняя лекция была вступлением.

Резюмируем кратко сказанное сегодня.

Надо стремиться к правильному воспитанию, чтобы потом не пришлось заниматься перевоспитанием, что гораздо труднее.

Надо помнить, что вы руководите новой советской семьей.

По возможности надо добиваться правильной структуры этой семьи.

Необходимо иметь перед собой точную цель и программу воспитательной работы.

Надо всегда помнить, что ребенок — не только ваша радость, но и будущий гражданин, что вы отвечаете за него перед страной.

Надо прежде всего самому быть хорошим гражданином и вносить свое гражданское самочувствие и в семью.

Надо предъявлять самые строгие требования к своему собственному поведению.

Не нужно надеяться ни на какие рецепты и фокусы. Нужно быть серьезным, простым и искренним.

Не нужно рассчитывать на большую трату времени, нужно уметь руководить ребенком, а не оберегать его от жизни.

Главное в воспитательной работе заключается в организации жизни семьи, с пристальным учетом мелочей.

О РОДИТЕЛЬСКОМ АВТОРИТЕТЕ

В прошлой лекции мы говорили о том, что советская семья многим отличается от семьи буржуазной. И прежде всего она отличается в характере родительской власти. Наш отец и наша мать уполномочены обществом воспитать будущего гражданина нашего отечества, они отвечают перед обществом. На этом и основывается их родительская власть и их авторитет в глазах своих детей.

Однако будет просто неудобно в самой семье перед детьми доказывать родительскую власть постоянной ссылкой на такое общественное полномочие. Воспитание детей начинается с того возраста, когда никакие логические доказательства и предъявление общественных прав вообще невозможны, а, между тем, без авторитета невозможен воспитатель.

Наконец, самый смысл авторитета в том и заключается, что он не требует никаких доказательств, что он принимается как несомненное достоинство старшего, как его сила и ценность, видимая, так сказать, простым детским глазом.

Отец и мать в глазах ребенка должны иметь этот авторитет. Часто приходится слышать вопрос: что делать с ребенком, если он не слушается. Вот это самое «не слушается» и есть признак того, что родители в его глазах не имеют авторитета.

Откуда берется родительский авторитет, как он организуется?

Те родители, у которых дети «не слушаются», склонны иногда думать, что авторитет дается от природы, что это — особый талант. Если таланта нет, то и поделать ничего нельзя, остается только позавидовать тому, у кого такой талант есть.

Эти родители ошибаются. Авторитет может быть организован в каждой семье, и это — даже не очень трудное дело.

К сожалению, встречаются родители, которые организуют такой авторитет на ложных основаниях. Они стремятся к тому, чтобы дети их слушались, это составляет их цель. А на самом деле это есть ошибка. Авторитет и послушание не могут быть целью. Цель может быть только одна: правильное воспитание. Только к этой одной цели и нужно стремиться. Детское послушание может быть только одним из путей к этой цели. Как раз те родители, которые о настоящих целях воспитания не думают, добиваются послушания для самого послушания. Если дети послушны, родителям живется спокойнее. Вот это самое спокойствие и является их настоящей целью. На поверку всегда выходит, что ни спокойствие, ни послушание не сохраняются долго. Авторитет, построенный на ложных основаниях, только на очень короткое время помогает, скоро все разрушается, не остается ни авторитета, ни послушания. Бывает и так, что родители добиваются послушания, но зато все остальные цели воспитания в загоне: вырастают, правда, послушные, но слабые люди.

Есть много сортов такого ложного авторитета. Мы рассмотрим здесь более или менее подробно десяток этих сортов. Надеемся, что после такого рассмотрения легче будет выяснить, каким должен быть авторитет настоящий. Приступим.

Авторитет подавления. Это — самый страшный сорт авторитета, хотя и не самый вредный. Больше всего таким авторитетом страдают отцы. Если отец дома всегда рычит, всегда сердитый, за каждый пустяк разражается громом, при всяком удобном и неудобном случае хватается за палку или за ремень, на каждый вопрос отвечает грубостью, каждую вину ребенка отмечает наказанием, — то это и есть авторитет подавления. Такой отцовский террор держит в страхе всю семью, не только детей, но и мать. Он приносит вред не только потому, что запугивает детей, но и потому, что делает мать нулевым существом, которое способно быть только прислугой. Не нужно доказывать, как вреден такой авторитет. Он ничего не воспитывает, он только приучает детей подальше держаться от страшного папаши, он вызывает детскую ложь и человеческую трусость и в то же время он воспитывает в ребенке жестокость. Из забитых и безвольных детей выходят потом либо слякотные, никчемные люди, либо самодуры, в течение всей своей жизни мстящие за подавленное детство. Этот самый дикий сорт авторитета бывает только у очень некультурных родителей и в последнее время, к счастью, вымирает.

Авторитет расстояния. Есть такие отцы да и матери, которые серьезно убеждены в следующем: чтобы дети слушались, нужно поменьше с ними разговаривать, подальше держаться, изредка только выступать в виде начальства. Особенно любят этот сорт в интеллигентских семьях. Здесь сплошь и рядом у отца какой-нибудь отдельный кабинет, из которого он показывается изредка, как первосвященник. Обедает он отдельно,

развлекается отдельно, даже свои распоряжения по вверенной ему семье он передает через мать.

Бывают и такие матери. У них своя жизнь, свои интересы, свои мысли. Дети находятся в ведении бабушки или даже домработницы.

Нечего и говорить, что такой авторитет не приносит никакой пользы, и такая семья не может быть названа разумно организованной семьей.

Авторитет чванства. Это особый вид авторитета расстояния, но, пожалуй, более вредный. У каждого гражданина советского государства есть свои заслуги. Но некоторые люди считают, что они — самые заслуженные, самые важные деятели, и показывают эту важность на каждом шагу, показывают и своим детям. Дома они даже больше пыжатся и надуваются, чем на работе, они только и делают, что толкуют о своих достоинствах, они высокомерно относятся к остальным людям. Бывает очень часто, что, пораженные таким видом отца, начинают чваниться и дети. Перед товарищами они тоже выступают не иначе, как с хвастливым словом, на каждом шагу повторяя: мой папа — начальник, мой папа — писатель, мой папа — комбриг, мой папа — знаменитость. В этой атмосфере высокомерия важный папа уже не может разобрать, куда идут его дети и кого он воспитывает. Встречается такой авторитет и у матерей: какое-нибудь особенное платье, важное знакомство, поездка на курорт, — все это дает им основание для чванства, для отделения от остальных людей и от своих собственных детей.

Авторитет педантизма. В этом случае родители больше обращают внимания на детей, больше работают, но работают, как бюрократы. Они уверены в том, что дети должны каждое родительское слово выслушивать с трепетом, что слово — это святыня. Свои распоряжения они отдают холодным тоном, и раз оно отдано, то немедленно становится законом. Такие родители больше всего боятся, как бы дети не подумали, что папа ошибся, что папа человек — не твердый. Если такой папа сказал: «Завтра будет дождь, гулять нельзя», то хотя бы завтра была и хорошая погода, все же считается, что гулять нельзя. Папе не понравилась какая-нибудь кинокартина, он запретил детям бывать в кинематографе, в том числе и на хороших картинах. Папа наказал ребенка, потом обнаружилось, что ребенок не так виноват, как казалось сначала, папа ни за что не отменит своего наказания: раз я сказал, так и должно быть. На каждый день хватает для такого папы дела, в каждом движении ребенка он видит нарушение порядка и законности и пристает к нему с новыми законами и распоряжениями. Жизнь ребенка, его интересы, его рост проходят мимо такого папы незаметно, он ничего не видит, кроме своего бюрократического начальствования в семье.

Авторитет резонерства. В этом случае родители буквально заедают детскую жизнь бесконечными поучениями и назидательными разговорами. Вместо того чтобы сказать ребенку несколько слов, может быть даже в шутливом тоне, родитель усажи-

вает его против себя и начинает скучную и надоедливую речь. Такие родители уверены, что в поучениях заключается главная педагогическая мудрость. В такой семье всегда мало радости и улыбки. Родители изо всех сил стараются быть добродетельными, они хотят в глазах детей быть непогрешимыми. Но они забывают, что дети — это не взрослые, что у детей своя жизнь и что нужно эту жизнь уважать. Ребенок живет более эмоционально, более страстно, чем взрослый, он меньше всего умеет заниматься рассуждениями. Привычка мыслить приходит к нему постепенно и довольно медленно, а постоянные разглагольствования родителей, постоянное их зудение и болтливость, проходят почти бесследно в их сознании. В резонерстве родителей дети не могут увидеть никакого авторитета.

Авторитет любви. Это у нас самый распространенный сорт ложного авторитета. Многие родители убеждены: чтобы дети слушались, нужно, чтобы они любили родителей, а чтобы заслужить эту любовь, необходимо на каждом шагу показывать детям свою родительскую любовь. Нежные слова, бесконечные лобзания, ласки, признания сыплются на детей в совершенно избыточном количестве. Если ребенок не слушается, у него немедленно спрашивают: «Значит ты папу не любишь?» Родители ревниво следят за выражением детских глаз и требуют нежности и любви. Часто при детях рассказывают знакомым: он страшно любит папу и страшно любит меня, он такой нежный ребенок.

Такая семья настолько погружается в море сентиментальности и нежных чувств, что уже ничего другого не замечает. Мимо внимания родителей проходят многие важные мелочи семейного воспитания. Ребенок все должен делать из любви к родителям.

В этой линии много опасных мест. Здесь вырастает семейный эгоизм. У детей, конечно, нехватает сил на такую любовь. Очень скоро они замечают, что папу и маму можно как угодно обмануть, только нужно это делать с нежным выражением. Папу и маму можно даже запугать, стоит только надуться и показать, что любовь начинает проходить. С малых лет ребенок начинает понимать, что к людям можно подыгрываться. А так как он не может любить так же сильно и других людей, то подыгрывается к ним уже без всякой любви, с холодным и циническим расчетом. Иногда бывает, что любовь к родителям сохраняется надолго, но все остальные люди рассматриваются как посторонние и чуждые, к ним нет симпатии, нет чувства товарищества.

Это — очень опасный вид авторитета. Он выращивает неискренних и лживых эгоистов. И очень часто первыми жертвами такого эгоизма становятся сами родители.

Авторитет доброты. Это — самый неумный сорт авторитета. В этом случае детское послушание также организуется через детскую любовь, но она вызывается не поцелуями и излияниями, а уступчивостью, мягкостью, добротой родителей. Папа или мама выступают перед ребенком в образе доброго ангела. Они все разрешают, им ничего не жаль, они не скупые, они замечательные родители. Они боятся всяких конфликтов, они пред-

почитают семейный мир, они готовы чем угодно пожертвовать, только бы все было благополучно. Очень скоро в такой семье дети начинают просто командовать родителями, родительское непротивление открывает самый широкий простор для детских желаний, капризов, требований. Иногда родители позволяют себе небольшое сопротивление, но уже поздно, в семье уже образовался вредный опыт.

Авторитет дружбы. Довольно часто еще и дети не родились, а между родителями есть уже договор: наши дети будут нашими друзьями. В общем, это, конечно, хорошо. Отец и сын, мать и дочь могут быть друзьями и должны быть друзьями, но все же родители остаются старшими членами семейного коллектива, и дети все же остаются воспитанниками. Если дружба достигнет крайних пределов, воспитание прекращается, или начинается противоположный процесс: дети начинают воспитывать родителей. Такие семьи приходится иногда наблюдать среди интеллигенции. В этих семьях дети называют родителей Петькой или Маруськой, потешаются над ними, грубо обрывают, поучают на каждом шагу, ни о каком послушании не может быть и речи. Но здесь нет и дружбы, так как никакая дружба невозможна без взаимного уважения.

Авторитет подкупа — самый безнравственный вид авторитета, когда послушание просто покупается подарками и обещаниями. Родители, не стесняясь, так и говорят: будешь слушаться, куплю тебе лошадку, будешь слушаться, пойдем в цирк.

Разумеется, в семье тоже возможно некоторое поощрение, нечто похожее на премирование, но ни в каком случае нельзя детей премировать за послушание, за хорошее отношение к родителям. Можно премировать за хорошую учебу, за выполнение действительно какой-нибудь трудной работы. Но и в этом случае никогда нельзя заранее объявлять ставку и подстегивать детей в их школьной или иной работе соблазнительными обещаниями.

Мы рассмотрели несколько сортов ложного авторитета. Кроме них, есть еще много сортов. Есть авторитет веселости, авторитет учености, авторитет «рубахи парня», авторитет красоты. Но бывает часто и так, что родители вообще не думают ни о каком авторитете, живут как-нибудь и как попало и как-нибудь тянут волынку воспитания детей. Сегодня родитель нагремел и за пустяк наказал мальчика, завтра он признается ему в любви, послезавтра что-нибудь ему обещает в порядке подкупа, а на следующий день снова наказал, да еще и упрекнул за все свои добрые дела. Такие родители всегда мечутся, как угорелые кошки, в полном бессилии, в полном непонимании того, что они делают. Бывает и так, что отец придерживается одного вида авторитета, а мать другого. Детям в таком случае приходится быть прежде всего дипломатами и научиться лавировать между папой и мамой.

Наконец, бывает и так, что родители просто не обращают внимания на детей и думают только о своем спокойствии.

В чем же должен состоять настоящий родительский авторитет в советской семье?

Главным основанием родительского авторитета только и может быть жизнь и работа родителей, их гражданское лицо, их поведение. Семья есть большое и ответственное дело, родители руководят этим делом и отвечают за него перед обществом, перед своим счастьем и перед жизнью детей. Если родители это дело делают честно, разумно, если перед ними поставлены значительные и прекрасные цели, если они сами всегда дают себе полный отчет в своих действиях и поступках, — это значит, что у них есть и родительский авторитет, и не нужно искать никаких иных оснований и тем более не нужно придумывать ничего искусственного.

Как только дети начинают подрастать, они всегда интересуются, где работает отец или мать, каково их общественное положение. Как можно раньше они должны узнать, чем живут, чем интересуются, с кем рядом стоят их родители. Дело отца или матери должно выступать перед ребенком как серьезное, заслуживающее уважения дело. Заслуги родителей в глазах детей должны быть прежде всего заслугами перед обществом, действительной ценностью, а не только внешностью. Очень важно, если эти заслуги дети видят не изолированно, а на фоне достижений нашей страны. Не чванство, а хорошая советская гордость должна быть у детей; но в то же время необходимо, чтобы дети гордились не только своим отцом или матерью, чтобы они знали имена великих и знатных людей нашего отечества, чтобы отец или мать в их представлении выступали как участники большого ряда деятелей.

При этом нужно всегда помнить, что в каждой человеческой деятельности есть свои напряжения и свое достоинство. Ни в коем случае родители не должны представляться детям как рекордсмены в своей области, как ни с чем несравнимые гении. Дети должны видеть и заслуги других людей, и обязательно и заслуги ближайших товарищей отца и матери. Гражданский авторитет родителей только тогда станет на настоящую высоту, если это — не авторитет выскочки или хвастуна, а авторитет члена коллектива. Если вам удастся воспитать своего сына так, что он будет гордиться целым заводом, на котором отец работает, если его будут радовать успехи этого завода, значит вы воспитали его правильно.

Но родители должны выступать не только как деятели ограниченного фронта своего коллектива. Наша жизнь есть жизнь мировой революции. Перед своими детьми отец и мать должны выступать как участники этой жизни. События международной жизни, достижения литературы, — все должно отражаться в мыслях отца, в его чувствах, в его стремлениях. Только такие родители, живущие полной жизнью граждане нашей страны, будут иметь у детей настоящий авторитет. При этом, не думайте, пожалуйста, что такой жизнью вы должны жить «нарочно», чтобы дети видели, чтобы поразить их вашими качествами. Это — порочная установка. Вы должны искренно, на самом деле жить такой жизнью, вы не должны стараться особо демонстрировать ее пе-

ред детьми. Будьте покойны, они сами все увидят, что нужно.

Но вы — не только гражданин. Вы — еще и отец. И родительское ваше дело вы должны выполнять как можно лучше, и в этом заключаются корни вашего авторитета. И прежде всего вы должны *знать*, *чем живет*, *интересуется*, *что любит*, *чего не любит*, *чего хочет* и *чего не хочет ваш ребенок*. Вы должны знать, с кем он дружит, с кем играет и во что играет, что читает, как воспринимает прочитанное. Когда он учится в школе, вам должно быть известно, как он относится к школе и к учителям, какие у него затруднения, как он ведет себя в классе. Это все вы должны знать всегда, с самых малых лет вашего ребенка. Вы не должны неожиданно узнавать о разных неприятностях и конфликтах, вы должны их предугадывать и предупреждать.

Все это нужно знать, но это вовсе не значит, что вы можете преследовать вашего сына постоянными и надоедливыми расспросами, дешевым и назойливым шпионством. С самого начала вы должны так поставить дело, чтобы дети *сами* вам рассказывали о своих делах, чтобы им хотелось вам рассказать, чтобы они были заинтересованы в вашем знании. Иногда вы должны пригласить к себе товарищей сына, даже угостить их чем-нибудь, иногда вы сами должны побывать в той семье, где есть эти товарищи, вы должны при первой возможности познакомиться с этой семьей.

Для всего этого не требуется много времени, для этого нужно только внимание к детям и к их жизни.

И если у вас будет такое знание и такое внимание, это не пройдет незамеченным для ваших детей. Дети любят такое знание и уважают родителей за это.

Авторитет *знания* необходимо приведет и к авторитету *помощи*. В жизни каждого ребенка бывает много случаев, когда он не знает, как нужно поступить, когда он нуждается в совете и в помощи. Может быть, он не попросит вас о помощи, потому что не умеет этого сделать, вы сами должны притти с помощью.

Часто эта помощь может быть оказана в прямом совете, иногда в шутке, иногда в распоряжении, иногда даже в приказе. Если вы знаете жизнь вашего ребенка, вы сами увидите, как поступить наилучшим образом. Часто бывает, что эту помощь нужно оказать особым способом. Нужно бывает либо принять участие в детской игре, либо познакомиться с товарищами детей, либо побывать в школе и поговорить с учителем. Если в вашей семье несколько детей, а это — самый счастливый случай, к делу такой помощи могут быть привлечены старшие братья и сестры.

Родительская помощь не должна быть навязчива, надоедлива, утомительна. В некоторых случаях совершенно необходимо предоставить ребенку самому выбраться из затруднения, нужно, чтобы он привыкал преодолевать препятствия и разрешать более сложные вопросы. Но нужно всегда видеть, как ребенок совершает эту операцию, нельзя допускать, чтобы он запутался и при-

шел в отчаяние. Иногда даже нужно, чтобы ребенок видел вашу настороженность, внимание и доверие к его силам.

Авторитет помощи, осторожного и внимательного руководства счастливо дополнится авторитетом знания. Ребенок будет чувствовать ваше присутствие рядом с ним, вашу разумную заботу о нем, вашу страховку, но в то же время он будет знать, что вы от него кое-что требуете, что вы и не собираетесь все делать за него, снять с него ответственность.

Вот именно линия ответственности является следующей важной линией родительского авторитета. Ни в каком случае ребенок не должен думать, что ваше руководство семьей и им самим есть ваше удовольствие или развлечение. Он должен знать, что вы отвечаете не только за себя, но и за него перед советским обществом. Не нужно бояться открыто и твердо сказать сыну или дочери, что они воспитываются, что им нужно еще многому учиться, что они должны вырасти хорошими гражданами и хорошими людьми, что родители отвечают за достижение этой цели, что они не боятся этой ответственности. В этой линии ответственности лежат начала не только помощи, но и требования. В некоторых случаях это требование должно быть выражено в самой суровой форме, не допускающей возражений. Между прочим, нужно сказать, что такое требование только и может быть сделано с пользой, если авторитет ответственности уже создан в представлении ребенка. Даже в самом малом возрасте он должен чувствовать, что его родители не живут вместе с ним на необитаемом острове.

Заканчивая нашу лекцию, кратко резюмируем сказанное. Авторитет необходим в семье.

Надо отличать настоящий авторитет от авторитета ложного, основанного на искусственных принципах и стремящегося создать послушание любыми средствами.

Действительный авторитет основывается на вашей гражданской деятельности, на вашем гражданском чувстве, на вашем знании жизни ребенка, на вашей помощи ему и на вашей ответственности за его воспитание.

ДИСЦИПЛИНА

Слово дисциплина имеет несколько значений. Одни под дисциплиной понимают собрание правил поведения. Другие называют дисциплиной уже сложившиеся, воспитанные привычки человека, третьи видят в дисциплине только послушание. Все эти отдельные мнения в большей или меньшей степени приближаются к истине, но для правильной работы воспитателя необходимо иметь более точное представление о самом понятии дисциплина.

Иногда дисциплинированным называют человека, отличающегося послушанием. Конечно, в подавляющем большинстве случаев от каждого человека требуется точное и быстрое выполнение приказаний и распоряжений выше стоящих органов и лиц, и все

же в советском обществе так называемое послушание является совершенно недостаточным признаком человека дисциплинированного, — простое послушание нас удовлетворить не может, тем более не может удовлетворить слепое послушание, которое обыкновенно требовалось в старой, дореволюционной школе.

От советского гражданина мы требуем гораздо более сложной дисциплинированности. Мы требуем, чтобы он не только понимал, для чего и почему нужно выполнить тот или другой приказ, но чтобы он и сам активно стремился выполнить его как можно лучше. Мало этого. Мы требуем от нашего гражданина, чтобы он в каждую минуту своей жизни был готов выполнить свой долг, не ожидая распоряжения или приказания, чтобы он обладал инициативой и творческой волей. Мы надеемся при этом, что он будет делать только то, что действительно полезно и нужно для нашего общества, для нашей страны, что в этом деле он не остановится ни перед какими трудностями и препятствиями. Наоборот, мы требуем от советского человека уменья воздержаться от таких поступков или действий, которые принесут пользу или удовольствие только ему одному, а другим людям или всему обществу могут принести вред. Кроме того, мы всегда требуем от нашего гражданина, чтобы он никогда не ограничивался только узким кругом своего дела, своего участка, своего станка, своей семьи, а умел видеть и дела окружающих людей, их жизнь, их поведение, умел притти им на помощь не только словом, но и делом, даже если для этого нужно пожертвовать частью личного покоя. Но по отношению к нашим общим врагам мы от каждого человека требуем решительного противодействия, постоянной бдительности, несмотря ни на какую неприятность или опасность.

Одним словом в советском обществе дисциплинированным человеком мы имеем право назвать только такого, который всегда, при всяких условиях сумеет выбрать правильное поведение, наиболее полезное для общества, и найдет в себе твердость продолжать такое поведение до конца, несмотря на какие бы то ни было трудности и неприятности.

Само собою понятно, что нельзя воспитать такого дисциплинированного человека только при помощи одной дисциплины, т. е. упражнений в послушании. Советский дисциплинированный гражданин может быть воспитан только всей суммой правильных влияний, среди которых самое видное место должны занимать: широкое политическое воспитание, общее образование, книга, газета, труд, общественная работа и даже такие, как будто второстепенные вещи, как игра, развлечение, отдых. Только в совместном действии всех этих влияний может быть проведено правильное воспитание и только в результате его может получиться настоящий дисциплинированный гражданин социалистического общества.

Мы в особенности рекомендуем родителям помнить всегда это важное положение: дисциплина создается не отдельными какими-нибудь «дисциплинарными» мерами, а всей систе-

мой воспитания, всей обстановкой жизни, всеми влияниями, которым подвергаются дети. В таком понимании дисциплина есть не причина, не метод, не способ правильного воспитания, а результат его. Правильная дисциплина это — тот хороший конец, к которому должен стремиться воспитатель всеми своими силами и при помощи всех средств, имеющихся в его распоряжении. Поэтому каждый родитель должен знать, что, давая сыну или дочери книгу для чтения, знакомя его с новым товарищем, беседуя с ребенком о международном положении, о делах на своем заводе или о своих стахановских успехах, он вместе с другими делами добивается и цели большего или меньшего дисциплинирования.

Таким образом, под дисциплиной мы будем понимать широкий общий результат всей воспитательной работы.

Но есть и более узкий отдел воспитательной работы, который ближе всего стоит к воспитанию дисциплины и который часто смешивают с дисциплиной, — это режим. Если дисциплина есть результат всей воспитательной работы, то режим есть только средство, только способ воспитания. Отличия режима от дисциплины — очень важные отличия, родители должны в них хорошо разбираться. Дисциплина, например, относится к числу тех явлений, от которых мы всегда требуем совершенства. Мы всегда желаем, чтобы в нашей семье, в нашей работе была самая лучшая, самая строгая дисциплина. И иначе быть не может: дисциплина — это результат, а во всяком деле мы привыкли бороться за самые лучшие результаты. Трудно представить себе человека, который сказал бы: «У нас дисциплина так себе, но нам лучшей и не надо».

Такой человек — или глупец или настоящий враг. Всякий нормальный человек должен добиваться самой высокой дисциплины, т. е. самого лучшего результата.

Совсем другое дело — режим. Режим, как мы уже говорили, — это только средство, а мы вообще знаем, что всякое средство, в какой угодно области жизни нужно употреблять только тогда, когда оно соответствует цели, когда оно уместно. Поэтому можно представить себе самую лучшую дисциплину, и к ней мы всегда стремимся, но нельзя представить себе какой-нибудь идеальный, самый лучший режим. В одних случаях один режим будет самым подходящим, в других случаях другой.

Семейный режим не может быть и не должен быть одинаковым при различных условиях. Возраст детей, их способности, окружающая обстановка, соседи, величина квартиры, ее удобства, дорога в школу, оживленность улиц и многие другие обстоятельства определяют и изменяют характер режима. Один режим должен быть в большой семье, где много детей, и совершенно иной в такой семье, где один ребенок. Режим, полезный по отношению к малым детям, может принести большой вред, если его применять к более взрослым детям. Точно так же свои особенности имеет режим для девочек, в особенности в старшем возрасте.

Таким образом, под режимом нельзя понимать что-то постоянное, неизменное. В некоторых семьях часто делают такую ошибку: свято верят в целебность раз принятого режима, берегут его неприкосновенность в ущерб интересам детей и своим собственным. Такой неподвижный режим скоро становится мертвым приспособлением, которое не может принести пользы, а приносит только вред.

Режим не может быть постоянным по своему характеру именно потому, что является только средством воспитания. Каждое воспитание преследует определенные цели, причем эти цели всегда изменяются и усложняются. В раннем детстве, например, перед родителями стоит серьезная задача приучить детей к чистоте. Стремясь к этой цели, родители устанавливают для детей особый режим, т. е. правила умывания, пользования ванной, душем или баней, правила уборки, правила соблюдения чистоты комнаты, постели, стола. Такой режим должен регулярно поддерживаться, родители никогда не должны забывать о нем, следить за его выполнением, помогать детям в тех случаях, когда они сами не могут что-либо сделать, требовать от детей хорошего качества работы. Если весь этот порядок организован хорошо, он приносит большую пользу, и, наконец, наступает такое время, когда у детей образуются привычки к чистоте, когда сам ребенок уже не может сесть за стол с грязными руками. Значит, можно уже говорить о том, что цель достигнута. Тот режим, который был нужен для достижения этой цели, теперь становится излишним. Конечно, это вовсе не значит, что его можно отменить в течение одного дня. Постепенно этот режим должен заменяться другим режимом, который преследует цель закрепить образовавшуюся привычку к чистоте, а когда эта привычка закреплена, перед родителями возникают новые цели, более сложные и более важные. Продолжать и в это время возиться только с чистотой будет не только излишней тратой родительской энергии, но и вредной тратой, таким именно образом воспитываются бездушные чистюльки, у которых за душой ничего нет, кроме привычки к чистоте, и которые способны иногда кое-как выполнить работу, только бы не запачкать руки.

На этом примере с режимом чистоты мы видим, что правильность режима явление временное и преходящее, — так это бывает и со всяким другим средством, а режим есть только средство.

Следовательно, нельзя рекомендовать родителям какой-нибудь один режим. Режимов есть много, и нужно из них выбрать один, самый подходящий в данной обстановке.

Несмотря на такое разнообразие возможных режимов, нужно все-таки сказать, что режим в советской семье должен всегда отличаться определенными свойствами, обязательными при всякой обстановке. В настоящей лекции мы и должны выяснить эти общие свойства.

Первое, на что мы обращаем внимание родителей, — это следующее: какой бы вы ни выбрали режим для вашей семьи, он

должен быть прежде всего целесообразен. Любое правило жизни должно быть введено в семье не потому, что кто-то другой его завел у себя, и не потому, что с таким правилом жить приятнее, а исключительно потому, что это необходимо для достижения поставленной вами разумной цели. Эту цель вы и сами должны хорошо знать, и в подавляющем большинстве случаев должны знать ее и дети. Во всяком случае и в ваших глазах, и в глазах детей режим должен иметь характер разумного правила. Если вы требуете, чтобы дети в определенный час сходились к обеду и садились за стол вместе с другими, то дети должны понимать, что такой порядок необходим для того, чтобы облегчить работу матери или домашней работницы, а также и для того, чтобы несколько раз в день собраться всей семьей, побыть вместе, поделиться своими мыслями или чувствами. Если вы требуете, чтобы дети не оставляли недоеденных кусков, то дети должны понимать, что это необходимо и из уважения к труду людей, производящих пищевые продукты, и из уважения к труду родителей, и из соображений семейной экономии. Мы знаем и такой случай, когда родители требовали, чтобы дети за столом молчали. Дети, конечно, подчинялись этому требованию, но ни они, ни родители не знали, для чего введено такое правило. Когда родителей спросили об этом, они объяснили, что если за обедом разговаривать, то можно из-за этого подавиться. Такое правило, конечно, бессмысленно: у всех людей принято за столом беседовать, и от этого никаких несчастных случаев не происходит.

Рекомендуя родителям добиваться того, чтобы семейный режим имел разумный и целесообразный характер, мы в то же время должны предостеречь родителей, что вовсе не следует на каждом шагу объяснять детям значение того или другого правила, нельзя надоедать им такими объяснениями и толкованиями. По возможности нужно стараться, чтобы дети сами поняли для чего что нужно. Только в крайнем случае нужно подсказать им правильную мысль. Вообще нужно стремиться к тому, чтобы у детей как можно крепче складывались хорошие привычки, а для этой цели наиболее важным является постоянное упражнение в правильном поступке. Постоянные же рассуждения и разглагольствования о правильном поведении могут испортить какой угодно хороший опыт.

Вторым важным свойством каждого режима является его определенность. Если сегодня нужно мыть зубы, то нужно их мыть и завтра, если сегодня нужно убрать после себя постель, то нужно это сделать и завтра. Не должно быть так, что сегодня мать потребовала уборки постели, а завтра не потребовала и сама убрала. Такая неопределенность лишает режим всякого значения и обращает его в набор случайных, не связанных между собою распоряжений. Правильный режим должен отличаться определенностью, точностью и не допускать исключений, кроме таких случаев, когда исключения действительно необходимы и вызываются важными обстоятельствами. Как правило же, в каждой семье должен существовать такой порядок, чтобы

малейшее нарушение режима было обязательно отмечено. Это нужно делать с самого малого возраста ребенка, и чем родители строже будут следить за выполнением режима, тем все меньше будет нарушений и тем реже впоследствии придется прибегать к наказаниям.

Мы обращаем особенное внимание родителей на это обстоятельство. Многие ошибочно полагают так: мальчик утром не убрал свою постель, стоит ли из-за этого поднимать скандал: во-первых, он это сделал первый раз, во-вторых, неубранная постель — вообще пустяк, не стоит из-за нее портить мальчику нервы. Такое рассуждение целиком неправильно. В деле воспитания нет пустяков. Неубранная постель обозначает не только возникающую неряшливость, но и возникающее пренебрежение к установленному режиму, начало такого опыта, который потом может принять формы прямой враждебности по отношению к родителям.

Определенность режима, его точность и обязательность подвергаются большой опасности, если родители сами относятся к режиму неискренно, если они требуют его выполнения от детей, а в то же время сами живут беспорядочно, не подчиняясь никакому режиму. Конечно, вполне естественно, что режим самих родителей будет отличаться от режима детей, но эти отличия не должны быть принципиальными. Если вы требуете, чтобы дети за обедом не читали книгу, то и сами этого не должны делать. Настаивая, чтобы дети мыли руки перед обедом, не забывайте и от себя требовать того же. Старайтесь сами убирать свою постель, это вовсе не трудная и не позорная работа. Во всех этих пустяках гораздо больше значения, чем обыкновенно думают.

Режим в самой семье, дома, обязательно должен касаться следующих частностей: точно должно быть установлено время вставанья и время отхода ко сну, и одно и то же как и в рабочие дни, так и в дни отдыха; правила аккуратности и соблюдения чистоты, сроки и правила смены белья, одежды, правила их носки, чистки; дети должны приучаться к тому, что все вещи имеют свое место, должны после работы или игры оставлять все в порядке; с самого раннего возраста дети должны уметь пользоваться уборной, умывальником, ванной; должны следить за электрическим светом, включать и выключать его, когда нужно. Особый режим должен быть установлен за столом. Каждый ребенок должен знать свое место за столом, приходить к столу во-время, должен уметь вести себя за столом, пользоваться ножом и вилкой, не пачкать скатерти, не набрасывать кусков на столе, съедать все, положенное на тарелку, и поэтому не просить себе лишнего.

Строгому режиму должно подчиняться распределение рабочего времени ребенка, что особенно важно, когда он начинает ходить в школу. Но уже и раньше желательно точное распределение сроков принятия пищи, игры, прогулки и т. п. Большое внимание нужно оказывать вопросам движения. Некоторые ду-

мают, что детям необходимо много бегать, кричать, вообще буйно проявлять свою энергию. Что у детей есть потребность в движении в большей степени, чем у взрослых, — не подлежит сомнению, но нельзя и слепо следовать за этой потребностью. Необходимо воспитывать у детей привычку к целесообразному движению, к умению тормозить его, когда это нужно. Во всяком случае в комнате не нужно допускать ни бега, ни прыжков, для этого более подходит площадка во дворе, сад. Точно так же необходимо приучать детей к умению сдерживать свои голоса: крик, визг, громкий плач все это — явления одного порядка, они свидетельствуют больше о нездоровых нервах ребенка, чем о какой-либо действительной потребности. Родители сами бывают виноваты в такой нервной крикливости детей. Они иногда сами повышают голос до крика, сами нервничают вместо того, чтобы вносить в атмосферу семьи тон уверенного спокойствия.

Режим внутри семьи, — в квартире, занимаемой семьей, находится почти в полной власти родителей. Этого нельзя сказать о режиме вне дома. Известную часть времени ребенок проводит с товарищами во дворе, а часто вне двора, на прогулках, на площадках, катках, иногда на улице. Чем старше становятся дети, тем товарищеское окружение играет все большую и большую роль. Взять на себя полное руководство этим товарищеским влиянием родители, конечно, не могут, но за ними остается полная возможность наблюдать за этим товарищеским влиянием, а этого в большинстве случаев бывает совершенно достаточно, если в семье уже образовался опыт коллективной связи, доверия, правдивости, если правильно создан родительский авторитет. В таком случае для родителей нужно только одно: более или менее основательно знать, что окружает вашего сына или вашу дочь. Многие случаи дурного поведения детей, а тем более многие явления детской распущенности не имели бы места, если бы родители ближе знакомились с товарищами сына, с родителями этих товарищей, смотрели иногда на игру детей, даже приняли в ней участие, вместе с ними совершали бы прогулку, пошли в кино, в цирк и т. д. Такое активное приближение родителей к жизни детей вовсе не трудное дело и доставляет даже удовольствие. Оно позволяет отцу или матери ближе узнать сущность товарищеских отношений, позволяет родителям помогать друг другу, и, самое главное, оно дает возможность поделиться впечатлениями с детьми и во время такой беседы высказать свое мнение о товарищах, об их поведении, о правильности или неправильности того или иного поступка, о полезности или вредности той или иной детской затеи.

Такова общая методика организации режима в семье. Пользуясь этими общими указаниями, каждый родитель сможет выработать такое устройство семейного быта, которое наиболее соответствует особенностям его семьи. Чрезвычайно важным является вопрос о форме режимных отношений между родителями и детьми. В этой области можно встретить самые разнообразные преувеличения и загибы, приносящие большой вред

воспитанию. Некоторые злоупотребляют уговорами, другие разными разъяснительными беседами, третьи злоупотребляют лаской, четвертые — приказом, пятые — прощрениями, шестые — наказаниями, седьмые — уступчивостью, восьмые — твердостью. В течении семейной жизни, конечно, много бывает случаев, когда уместна и ласка, и беседа, и твердость, и даже уступчивость. Но там, где дело касается режима, все эти формы должны уступить место одной главной, и это единственная и лучшая форма — распоряжение.

Семья — очень важное, очень ответственное дело человека. Семья приносит полноту жизни, семья приносит счастье, но каждая семья, в особенности в жизни социалистического общества, является прежде всего большим делом, имеющим государственное значение. Семейный режим поэтому должен строиться, развиваться и действовать прежде всего, как деловое установление. Делового тона родители не должны бояться. Они не должны думать, что деловой тон противоречит любовному чувству отца или матери, что он может привести к сухости отношений, к их холодности. Мы утверждаем, что только настоящий, серьезный деловой тон может создать ту спокойную атмосферу в семье, которая необходима и для правильного воспитания детей и для развития взаимного уважения и любви между членами семьи.

Родители как можно раньше должны усвоить спокойный, уравновешенный, приветливый, но всегда решительный тон в своем деловом распоряжении, а дети с самого малого возраста должны привыкнуть к такому тону, привыкнуть подчиняться распоряжению и выполнять его охотно. Можно быть как угодно ласковым с ребенком, шутить с ним, играть, но когда возникает надобность, надо уметь распорядиться коротко, один раз, распорядиться с таким видом и в таком тоне, чтобы ни у вас, ни у ребенка не было сомнений в правильности распоряжения, в неизбежности его выполнения.

Родители должны научиться отдавать такие распоряжения очень рано, когда первому ребенку полтора-два года. Дело это совсем не трудное. Нужно только следить за тем, чтобы ваше распоряжение удовлетворяло следующим требованиям:

1. Оно не должно отдаваться со злостью, с криком, с раздражением, но оно не должно быть похоже и на упрашивание.

2. Оно должно быть посильным для ребенка, не требовать от него слишком трудного напряжения.

3. Оно должно быть разумным, т. е. не должно противоречить здравому смыслу.

4. Оно не должно противоречить другому распоряжению вашему или другого родителя.

Если распоряжение отдано, оно должно быть обязательно выполнено. Очень плохо, если вы распорядились, а потом и сами забыли о своем распоряжении. В семье, как и во всяком другом деле, необходим постоянный, неусыпный контроль и проверка. Конечно, родители должны стараться производить этот конт-

роль большей частью незаметно для ребенка, ребенок вообще не должен сомневаться в том, что распоряжение должно быть выполнено. Но иногда, когда ребенку поручается более сложное дело, в котором большое значение имеет качество выполнения, вполне уместен и открытый контроль.

Как поступить, если ребенок не выполнил распоряжения? Надо прежде всего стараться, чтобы такого случая не было. Но, если уже так случилось, что ребенок в первый раз не послушался вас, следует повторить распоряжение, но уже в более официальном, в более холодном тоне, приблизительно так:

— Я тебе сказал сделать так, а ты не сделал. Немедленно сделай, и чтобы больше таких случаев не было.

Давая такое повторное распоряжение и обязательно добиваясь его выполнения, нужно в то же время присмотреться и задуматься, почему в данном случае возникло сопротивление вашему распоряжению. Вы обязательно увидите, что в чем-то вы сами были виноваты, что-то сделали неправильно, что-либо упустили из виду. Постарайтесь избегать таких ошибок.

Самое важное в этой области следить, чтобы у детей не накоплялся опыт непослушания, чтобы не нарушался семейный режим. Очень плохо, если вы допустили такой опыт, если вы позволили детям смотреть на ваши распоряжения, как на нечто необязательное.

Если вы этого не допустите с самого начала, вам никогда не придется впоследствии прибегать к наказаниям.

Если режим развивается правильно с самого начала, если родители внимательно следят за его развитием, наказания не будут нужны. В хорошей семье наказаний никогда не бывает, и это — самый правильный путь семейного воспитания.

Но бывают семьи, где воспитание настолько уже запущено, что без наказаний обойтись нельзя. В таком случае родители прибегают к наказаниям обычно очень неумело и часто больше портят дело, чем поправляют.

Наказание — очень трудная вещь, оно требует от воспитателя огромного такта и осторожности, поэтому мы рекомендуем родителям по возможности избегать применения наказаний, а стараться прежде всего восстановить правильный режим. Для этого, конечно, потребуется много времени, но нужно быть терпеливым и спокойно ожидать результатов.

В самом крайнем случае можно допустить некоторые виды наказаний, а именно:

Задержка удовольствия или развлечения. Если было назначено посещение кино или цирка, отложить его.

Задержка карманных денег, если они выдаются.

Запрещение выходов на прогулку или к товарищам.

Еще раз обращаем внимание родителей, что сами по себе наказания не принесут никакой пользы, если нет правильного режима. А если есть правильный режим, свободно можно обойтись без наказаний, нужно только больше терпения. Во всяком

случае в семейном быту гораздо важнее и полезнее наладить правильный опыт, чем исправлять неправильный.

Точно так же нужно быть осторожным и с поощрением. Никогда не нужно объявлять вперед какие-либо премии для награды. Лучше всего ограничиться простой похвалой и одобрением. Детская радость, удовольствие, развлечение должны предоставляться детям не в качестве награды за хорошие поступки, а в естественном порядке удовлетворения правильных потребностей. То, что ребенку необходимо, нужно дать ему при всех условиях, независимо от его заслуг, а то, что для него не нужно или вредно, нельзя давать ему в виде награды.

Резюмируем содержание лекции.

Дисциплину нужно отличать от режима. Дисциплина это — р е з у л ь т а т воспитания, режим — это с р е д с т в о воспитания. Поэтому режим может иметь различный характер в зависимости от обстоятельств. Каждый режим должен отличаться целесообразностью, определенностью, точностью. Он должен касаться как внутренней жизни семьи, так и внешней. Выражением режима в деловой обстановке семьи должно быть распоряжение и контроль за его выполнением. Главная цель режима — накопление правильного дисциплинарного опыта, и больше всего нужно бояться неправильного опыта. При правильном режиме не нужны наказания, и вообще их нужно избегать, как и излишние поощрения. Лучше во всех случаях надеяться на правильный режим и терпеливо ждать его результатов.

ИГРА

Игра имеет важное значение в жизни ребенка, имеет то же значение, какое у взрослого имеет деятельность, работа, служба. Каков ребенок в игре, таков во многом он будет в работе, когда вырастет. Поэтому воспитание будущего деятеля происходит прежде всего в игре. И вся история отдельного человека как деятеля и работника может быть представлена в развитии игры и в постепенном переходе ее в работу. Этот переход совершается очень медленно. В самом младшем возрасте ребенок преимущественно играет, его рабочие функции очень незначительны и не выходят за пределы самого простого самообслуживания: он начинает самостоятельно есть, укрываться одеялом, надевать штанишки. Но даже и в эту работу он еще вносит много игры. В хорошо организованной семье эти рабочие функции постепенно усложняются, ребенку поручаются все более сложные работы, сначала исключительно в целях самообслуживания, потом и такие работы, которые имеют значение для всей семьи. Но игра в это время составляет главное занятие ребенка, наиболее его увлекает, интересует. В школьном возрасте работа уже занимает очень важное место, она связана с более серьезной ответственностью, она связана и с более определенными и ясными представлениями о будущей жизни ребенка, это уже работа та-

кого сорта, который близко стоит к общественной деятельности. Но и в это время ребенок еще очень много играет, любит игру, ему даже приходится переживать довольно сложные коллизии, когда игра кажется настолько симпатичнее работы, что хочется отложить работу и поиграть. Если такие коллизии происходят, это значит, что воспитание ребенка в игре и в рабочих функциях происходило неправильно, что родители допустили какие-то перегибы. Отсюда уже видно, какое важное значение имеет руководство игрой ребенка. В жизни мы встречаем много взрослых людей, давно окончивших школу, у которых любовь к игре преобладает над любовью к работе. Сюда нужно отнести всех людей, которые слишком активно гоняются за удовольствиями, которые забывают о работе для хорошей, веселой компании. К этому сорту людей нужно отнести и тех, которые позируют, важничают, фиглярничают, лгут без всякой цели. Они принесли из детства в серьезную жизнь игровые установки, у них эти установки не были правильно преобразованы в рабочие установки, — это значит, что они плохо воспитаны и это плохое воспитание происходило преимущественно в неправильно организованной игре.

Все сказанное вовсе не означает, что нужно как можно раньше отвлекать ребенка от игры и переводить на рабочее усилие и на рабочую заботу. Такой перевод не принесет пользы, он явится насилием над ребенком, он вызовет у него отвращение к работе и усилит стремление к игре. Воспитание будущего деятеля должно заключаться не в устранении игры, а в такой организации ее, когда игра остается игрой, но в игре воспитываются качества будущего работника и гражданина.

Для того, чтобы руководить игрой ребенка и воспитывать его в игре, родители должны хорошо подумать над вопросом о том, что такое игра и чем она отличается от работы. Если родители не подумают над этим вопросом, не разберутся в нем, как следует, они не смогут руководить ребенком и будут теряться в каждом отдельном случае, будут скорее портить ребенка чем воспитывать.

Нужно прежде всего сказать, что между игрой и работой нет такой большой разницы, как многие думают. Хорошая игра похожа на хорошую работу, плохая игра похожа на плохую работу. Это сходство очень велико: можно прямо сказать — плохая работа больше похожа на плохую игру, чем на хорошую работу.

В каждой хорошей игре есть прежде всего рабочее усилие и усилие мысли. Если вы купите ребенку заводную мышку, целый день будете заводить ее и пускать, а ребенок будет целый день смотреть на эту мышку и радоваться, в этой игре не будет ничего хорошего. Ребенок в этой игре остается пассивным, все его участие заключается в том, что он глазеет. Если ваш ребенок будет заниматься только такими играми, из него и вырастет пассивный человек, привыкший глазеть на чужую работу, лишенный почина и не привыкший творить в работе новое, не привыкший преодолевать трудности. Игра без усилия, игра без активной де-

ятельности, — всегда плохая игра. Как видите, в этом пункте игра очень похожа на работу.

Игра доставляет ребенку радость. Это будет или радость творчества, или радость победы, или радость эстетическая, — радость качества. Такую же радость приносит и хорошая работа. И здесь полное сходство.

Некоторые думают, что работа отличается от игры тем, что в работе есть ответственность, а в игре нет ответственности. Это неправильно: в игре есть такая же большая ответственность, как в работе, конечно, в игре хорошей, правильной, об этом ниже будет сказано подробнее.

Чем же все-таки отличается игра от работы? Это отличие лежит только в одном: работа есть участие человека в общественном производстве, в создании материальных, культурных, иначе говоря, социальных ценностей. Игра не преследует таких целей, к общественным целям она не имеет прямого отношения, но имеет к ним отношение косвенное: она приучает человека к тем физическим и психическим усилиям, которые необходимы для работы.

Теперь уже ясно, что мы должны потребовать от родителей в деле руководства детской игрой. Первое, — это следить, чтобы игра не делалась единственным стремлением ребенка, чтобы не отвлекала его начисто от общественных целей. Второе, — чтобы в игре воспитывались те психические и физические навыки, которые необходимы для работы.

Первая цель достигается, как уже было сказано, постепенным отвлечением ребенка в область труда, который медленно, но неуклонно приходит на смену игре. Вторая цель достигается правильным руководством самой игрой: выбором игры, помощью ребенку в игре.

В настоящей лекции мы будем говорить только о второй цели, вопросу же о трудовом воспитании будет посвящена отдельная лекция.

Приходится очень часто наблюдать неправильные действия родителей в деле руководства игрой. Эта неправильность бывает трех видов. Некоторые родители просто не интересуются игрой своих детей и, думают, что дети и сами знают, как лучше играть. У таких родителей дети играют, как хотят и когда хотят, сами выбирают себе игрушки и сами организуют игру. Другие родители много внимания уделяют игре, даже слишком много, все время вмешиваются в игру детей, показывают, рассказывают, дают игровые задачи, часто решают их раньше чем решит ребенок и радуются. У таких родителей ребенку ничего не остается, как слушаться родителей и подражать им, — здесь в сущности играют больше родители, чем ребенок. Если у таких родителей ребенок что-нибудь строит и затрудняется в постройке, отец или мать присаживается рядом с ним и говорит:

— Ты не так делаешь, смотри, как надо делать.

Если ребенок вырезывает что-нибудь из бумаги, отец или

мать некоторое время смотрит на его усилия, а потом отбирает у него ножницы и говорит:

— Давай, я тебе вырежу. Видишь, как хорошо вышло?

Ребенок смотрит и видит, что вышло у отца действительно лучше. Он протягивает отцу второй листик бумаги и просит еще что-нибудь вырезать, и отец охотно это делает, довольный своими успехами. У таких родителей дети повторяют только то, что делают родители, они не привыкают преодолевать затруднения, самостоятельно добиваться повышения качества и очень рано привыкают к мысли, что только взрослые все умеют делать хорошо. У таких детей развивается неуверенность в своих силах, страх перед неудачей.

Третьи родители считают, что самое главное заключается в количестве игрушек. Они расходуют большие деньги на игрушки, забрасывают детей самыми разнообразными игрушками и гордятся этим. Детский уголок у таких родителей похож на игрушечный магазин. Такие родители как раз очень любят механические хитрые игрушки и заполняют ими жизнь своего ребенка. Дети у таких родителей в лучшем случае становятся коллекционерами игрушек, а в худшем случае, наиболее частом, без всякого интереса переходят от игрушки к игрушке, играют без увлечения, портят и ломают игрушки и требуют новых.

Правильное руководство игрой требует от родителей более вдумчивого и более осторожного отношения к игре детей.

Детская игра проходит несколько стадий развития, и в каждой стадии требуется особый метод руководства. Первая стадия — это время комнатной игры, время игрушки. Она начинает переходить во вторую стадию около пяти-шести лет. Первая стадия характеризуется тем, что ребенок предпочитает играть один, редко допускает участие одного, двух товарищей. В эти годы ребенок любит играть своими игрушками и неохотно играет игрушками чужими. В этой стадии как раз развиваются личные способности ребенка. Не нужно бояться, что, играя один, ребенок вырастет эгоистом, нужно предоставить ему возможность играть в одиночестве, но нужно следить, чтобы эта первая стадия не затянулась, чтобы она во-время перешла во вторую стадию. В первой стадии ребенок не способен играть в группе, он часто ссорится с товарищами, не умеет найти с ними коллективный интерес. Нужно дать ему свободу в этой индивидуальной игре, не нужно навязывать ему компаньонов, потому что такое навязывание приводит только к разрушению игрового настроения, к привычкам нервничать и скандалить. Можно прямо утверждать: чем лучше ребенок играет в младшем возрасте в одиночку, тем лучшим товарищем он будет в дальнейшем. В этом возрасте ребенок отличается очень большой агрессивностью, он в известном смысле «собственник». Самый лучший метод заключается в том, что не нужно давать ребенку упражняться в этой агрессивности и в развитии «собственнических» побуждений. Если ребенок играет один, он развивает свои способности: воображение, конструктивные навыки, навыки материальной организации.

Это — полезно. Если же вы против его воли посадите его играть в группе, то этим самым не избавите его от агрессивности, себялюбия.

У некоторых детей раньше, у других позже это предпочтение одинокой игры начинает перерастать в интерес к товарищам, к групповой игре. Надо помочь ребенку с наибольшей выгодой совершить этот довольно трудный переход. Он труден потому, что у детей этого возраста еще не потухли наклонности индивидуалистические, есть склонность спорить и ссориться. Нужно, чтобы расширение круга товарищей происходило не сразу и в обстановке наиболее благоприятной. Обыкновенно этот переход происходит в виде повышения интереса ребенка к играм на свежем воздухе, к играм во дворе. Мы считаем наиболее выгодным такое положение, когда в группе мальчиков во дворе есть один более старший, который пользуется общим авторитетом и выступает как организатор более молодых.

Вторая стадия детской игры труднее для руководства, так как в этой стадии дети уже не играют на глазах у родителей, а выходят на более широкую общественную арену. Вторая стадия продолжается до 11—12 лет, следовательно захватывает часть школьного времени.

Школа приносит более широкую компанию товарищей, более широкий круг интересов и более трудную арену, в частности для игровой деятельности, но зато она приносит и готовую, более четкую организацию, определенный и более точный режим и, самое главное, — помощь квалифицированных педагогов. Во второй стадии ребенок выступает уже как член общества, но общества еще детского, не обладающего ни строгой дисциплиной, ни общественным контролем. Школа приносит и то и другое, школа и является формой перехода к третьей стадии игры.

На этой третьей стадии ребенок уже выступает как член коллектива, при этом коллектива не только игрового, но и делового, учебного. Поэтому и игра в этом возрасте принимает более строгие коллективные формы и постепенно становится игрой спортивной, т. е. связанной с определенными физкультурными целями, правилами, а самое главное с понятиями коллективного интереса и коллективной дисциплины.

На всех трех стадиях развития игры влияние родителей имеет огромное значение. Конечно, на первом месте по значению этого влияния нужно поставить первую стадию, когда ребенок не состоит еще членом другого коллектива, кроме семейного, когда, кроме родителей, часто и нет других руководителей. Но и на других стадиях влияние родителей может быть очень велико и полезно.

В первой стадии материальным центром игры является игрушка. Игрушки бывают следующих типов:

Игрушка готовая, механическая или простая. Это — разные автомобили, пароходы, лошадки, куклы, мышки, Ваньки-Встаньки и пр.

Игрушка полуготовая, требующая от ребенка некоторой до-

делки: разные картинки с вопросами, картинки разрезные, кубики, ящики-конструкторы, разборные модели.

Игрушка-материал: глина, песок, куски картона, слюды, дерева, бумаги, растения, проволока, гвозди.

У каждого из этих типов есть свои достоинства и недостатки. Готовая игрушка хороша тем, что она знакомит ребенка со сложными идеями и вещами, она подводит ребенка к вопросам техники и сложного человеческого хозяйства. Поэтому такая игрушка вызывает более широкую деятельность воображения. Паровоз в руках мальчика настраивает это воображение на определенный транспортный лад, лошадь вызывает представление о жизни животного, заботу о кормлении и использовании. Родители и должны следить, чтобы эти хорошие стороны такой игрушки действительно были заметны для ребенка, чтобы он не увлекался только одной стороной игрушки, ее механичностью и легкостью для игры. И в особенности важно добиваться, чтобы ребенок не гордился тем, что вот папа или мама купили для него такую хитрую игрушку, да еще не одну, а много, а у других детей нет таких хороших игрушек. Вообще эти механические игрушки полезны только тогда, когда ребенок действительно с ними играет, а не только бережет для того, чтобы похвастаться перед соседями, и играет при этом не просто, наблюдая движение игрушки, а организуя это движение в каком-нибудь сложном предприятии. Автомобили должны что-нибудь перевозить, Ванька-Встанька должен куда-нибудь переезжать или что-нибудь делать, куклы должны и спать и бодрствовать, одеваться и раздеваться, ходить в гости и совершать какую-нибудь полезную работу в игрушечном царстве. Для детской фантазии в этих игрушках заключается большой простор, и чем шире и серьезнее развертывается эта фантазия с такими игрушками, тем лучше. Если Мишка просто перебрасывается с места на место, если его только тормошат и потрошат, это очень плохо. Но если Мишка живет в определенном месте, специально для его жизни оборудованном, если он кого-то пугает или с кем-то дружит, — это уже хорошо.

Второй тип игрушки хорош тем, что в нем ставится перед ребенком какая-нибудь задача, — обыкновенно такая, которую нужно решить с известным напряжением, которую сам ребенок никогда бы поставить не мог. В разрешении этих задач уже требуется заметная дисциплина мышления, требуется логика, понятие о законном отношении частей, а не простая вольная фантазия. А недостаток этих игрушек — в том, что задачи эти всегда одни и те же, однообразны и надоедают своими повторениями.

Игрушки третьего сорта — различные материалы — представляют самый дешевый и самый благодарный игровой элемент. Эти игрушки ближе всего стоят к нормальной человеческой деятельности: из материалов человек создает ценности и культуру. Если ребенок умеет играть с такими игрушками, это значит, что у него уже есть высокая культура игры и зарождается высокая

культура деятельности. В игрушке-материале есть много хорошего реализма, но в то же время есть простор и для фантазии, не простого воображения, а большой творческой рабочей фантазии. Если есть кусочки стекла или слюды, из них можно сделать окна, а для этого нужно придумать рамы, следовательно возбуждается вопрос о постройке дома. Если есть глина и стебли растений, возникает вопрос о саде.

Какой тип игрушек самый лучший? Мы считаем, что наилучший способ комбинировать все три типа, но ни в коем случае не в избыточном количестве. Если у мальчика или девочки есть одна-две механических игрушки, не нужно покупать больше. Прибавьте к этому какую-нибудь разборную штуку и побольше прибавьте всяких материалов, и вот уже игрушечное царство организовано. Не нужно, чтобы в нем было все, чтобы у ребенка разбегались глаза, чтобы он терялся в обилии игрушек. Дайте ему немного, но постарайтесь, чтобы из этого немногого он организовал игру. А потом наблюдайте за ним, прислушивайтесь незаметно к его игре, постарайтесь, чтобы он самостоятельно почувствовал какой-либо определенный недостаток и захотел его пополнить. Если вы купили ребенку маленькую лошадку и он увлекся задачей перевозки, естественно, что у него будет ощущаться недостаток в подводе или экипаже. Не спешите покупать ему эту подводу. Постарайтесь, чтобы он сам ее сделал из каких-нибудь коробков, катушек или картона. Если он такую подводу сделает, прекрасно, — цель достигнута. Но если ему требуется много подвод и самодельных уже нехватает, не нужно, чтобы он обязательно сделал и вторую подводу, вторую можно и купить.

Самое главное в этой детской игре добиться следующего:

1. Чтобы ребенок действительно играл, сочинял, строил, комбинировал.

2. Чтобы не бросался от одной задачи к другой, не окончив первой, чтобы доводил свою деятельность до конца.

3. Чтобы в каждой игрушке видел определенную, нужную для будущего ценность, хранил ее, берег. В игрушечном царстве всегда должен быть полный порядок, должна производиться уборка. Игрушки не должны ломаться, а в случае поломок должен производиться ремонт; если он труден, то с помощью родителей.

Особенное внимание должны обратить родители на отношение ребенка к игрушке. Ребенок не должен ломать игрушку, должен любить ее, но не должен и бесконечно страдать, если она испортилась или поломалась. Эта цель будет достигнута, если ребенок действительно привык считать себя хорошим хозяином, если он не боится отдельных ущербов и чувствует себя в силах поправить беду. Задачей отца и матери является всегда притти на помощь ребенку в подобных случаях, поддержать его в отчаянии, доказать ему, что человеческая находчивость и труд всегда могут поправить положение. Исходя из этого, мы реко-

мендуем родителям всегда принимать меры к починке поломанной игрушки, никогда не выбрасывать ее раньше времени.

В процессе самой игры родители должны по возможности предоставить ребенку полную свободу действий, но только до той минуты, пока игра идет правильно. Если ребенок затруднился в каком-либо положении, если игра пошла слишком сложно или слишком просто, неинтересно, нужно помочь ребенку: подсказать, поставить какой-либо интересный вопрос, добавить какой-либо новый, интересный материал, иногда даже и поиграть с ним.

Таковы общие формы метода на первой стадии игры.

На второй стадии от родителей требуется прежде всего внимание. Ваш ребенок вышел во двор, попал в группу мальчиков. Вы должны внимательно изучить, что это за мальчики. Ваша девочка тянется к подругам во дворе, вы должны хорошо знать этих девочек. Вы должны знать, чем увлекаются дети, окружающие вашего ребенка, чего у них нехватает, что плохо в их играх. Бывает очень часто, что внимание и инициатива одного родителя помогает наладить и изменить к лучшему жизнь целой группы детей в том или другом месте. Вы заметили, что дети зимой спускаются, как с горки, с обледеневшей мусорной кучи. Сговоритесь с другими родителями, а если не сговоритесь, то и один помогите ребятам насыпать удовлетворительную горку. Сделайте своему мальчику простые деревянные санки, и вы увидите, и у других ребят появится что-либо подобное. В этой стадии игры чрезвычайно важным и полезным будет общение родителей между собой, к сожалению, очень незначительное среди наших родителей. У нас бывает сплошь и рядом, что каждый родитель недоволен жизнью детей во дворе, но не поговорит с другим родителем, не придумают они вместе что-нибудь для улучшения этой жизни, а, между тем, это совсем не такое трудное дело и каждому оно по силам. На этой стадии дети уже организуются в некоторое подобие коллектива, будет очень полезно, если и их родители также организованно будут руководить ими.

Очень часто бывает на этой стадии, что дети ссорятся, дерутся, жалуются друг на друга. Родители поступают ошибочно, если немедленно принимают сторону своего сына или дочери и сами ввязываются в ссору с отцом или матерью обидчика. Если ваш ребенок пришел в слезах, если он обижен, если он страдает и уже озлоблен, не спешите раздражаться и бросаться в атаку на обидчика и на его родителя. Прежде всего расспросите спокойно вашего сына или вашу девочку, постарайтесь представить себе точную картину события. Редко бывает, что виновата какая-нибудь одна сторона. Наверное и ваш ребенок в чем-либо погорячился, растолкуйте ему, что в игре не всегда нужно быть неуступчивым, что нужно по возможности искать мирные выходы из конфликтов. Постарайтесь во что бы то ни стало помирить вашего ребенка с противником, пригласите этого противника в гости, тоже и с ним поговорите, познакомьтесь с его от-

цом, выясните положение до конца. В этом деле самое главное заключается в том, что вы не должны уже видеть перед собой только вашего ребенка, но должны видеть перед собой всю группу детей и воспитывать ее при помощи других родителей. Только в таком случае вы принесете наибольшую пользу и вашему ребенку. Он заметит, что вы не увлекаетесь семейным патриотизмом, что вы совершаете общественную работу, и будет видеть в этом пример для своего поведения. Нет ничего вреднее горячей агрессивности отца или матери по отношению к семье соседей, такая агрессивность как раз и воспитывает злобность характера у ребенка, подозрительность, дикий и слепой семейный эгоизм.

На третьей стадии руководство игрой уже не находится в руках родителей, оно передано школьной или спортивной организации, но у родителей остаются большие возможности для правильного влияния на характер ребенка. В это время нужно внимательно следить, чтобы увлечение спортом не принимало характер все поглощающей страсти, нужно указывать ребенку и на другие стороны деятельности. Во-вторых, нужно вызывать у мальчика или девочки гордость не только своим личным успехом, главным же образом, гордость успехом команды или организации. Нужно также умерять всякую хвастливость, воспитывать уважение к силе противника, обращать внимание на организованность, тренировку, дисциплину в команде. Нужно, наконец, добиваться спокойного отношения к удачам и неудачам. И на этой стадии будет очень хорошо, если родители ближе познакомятся с товарищами сына или дочери по команде.

И на всех трех стадиях родители должны зорко наблюдать, чтобы игра не поглощала всю духовную жизнь ребенка, чтобы параллельно развивались и трудовые навыки.

В игре на всех трех стадиях вы должны воспитывать стремление к более ценным удовлетворениям, чем простое глазение, простое удовольствие, воспитывать мужественное преодоление трудностей, воспитывать воображение и размах мысли. А на второй и третьей стадиях вы должны всегда иметь в виду, что здесь уже ваш ребенок вступил в общество, что от него уже требуется не только умение играть, но и умение правильно относиться к людям.

Резюмируем то, что сказано в лекции.

Игра имеет важное значение в жизни человека, она является подготовкой к труду и должна постепенно заменяться трудом.

Многие родители не обращают достаточного внимания на дело руководства игрой и либо предоставляют ребенка самому себе, либо окружают его игру излишней заботой и излишними игрушками.

Родители должны применять различные методы на разных стадиях игры, но всегда должны предоставить ребенку возможность самодеятельности и правильного развития его способностей, не отказывая в то же время в помощи ему в трудных случаях.

На второй и третьей стадиях нужно уже руководить не столько игрой, сколько отношением ребенка к другим людям и к своему коллективу.

ВОСПИТАНИЕ В ТРУДЕ

Правильное советское воспитание невозможно себе представить как воспитание нетрудовое. Труд всегда был основой для человеческой жизни, для создания благополучия человеческой жизни и культуры. В нашей стране труд перестал быть предметом эксплоатации, он сделался делом чести, славы, доблести и геройства. Наше государство есть государство трудящихся, в нашей конституции написано: «кто не работает, тот не ест».

Поэтому и в воспитательной работе труд должен быть одним из самых основных элементов.

Попробуем подробнее проанализировать смысл и значение трудового воспитания в семье.

Первое, о чем в особенности должны помнить родители, это — следующее: ваш ребенок будет членом трудового общества, следовательно, его значение в этом обществе, ценность его как гражданина, будут зависеть исключительно от того, насколько он в состоянии будет принимать участие в общественном труде, насколько он к этому труду будет подготовлен. Но от этого будет зависеть и его благосостояние, материальный уровень его жизни, ибо в нашей конституции также сказано: «От каждого по способностям, каждому по труду». Мы хорошо знаем, что от природы все люди обладают приблизительно одинаковыми трудовыми данными, но в жизни одни люди умеют работать лучше, другие хуже, одни способны только к самому простому труду, другие к труду более сложному и, следовательно, более ценному. Эти различные трудовые качества не даются человеку от природы, они воспитываются в нем в течение его жизни и, в особенности, в молодости.

Следовательно, трудовая подготовка, воспитание трудового качества человека — это подготовка и воспитание не только будущего хорошего или плохого гражданина, но и воспитание его будущего жизненного уровня, его благосостояния.

Второе: трудиться можно из нужды, из жизненной необходимости. В человеческой истории в большинстве случаев труд всегда имел такой характер принудительного, тяжелого действия, необходимого для того, чтобы не умереть с голода. Но уже и в старое время люди старались быть не только рабочей силой, но и творческой силой. Только им не всегда удавалось достигнуть этого в условиях классового неравенства и эксплоатации. В советской стране каждый труд должен быть творческим трудом, ибо он целиком идет на создание общественного богатства и культуры страны трудящихся. Научить творческому труду — особая задача воспитателя.

Творческий труд возможен только тогда, когда человек относится к работе с любовью, когда он сознательно видит в ней радость, понимает пользу и необходимость труда, когда труд делается для него основной формой проявления личности и таланта. Такое отношение к труду возможно только тогда, когда образовалась глубокая привычка к трудовому усилию, когда никакая работа не кажется неприятной, если в ней есть какой-нибудь смысл.

Творческий труд совершенно невозможен у тех людей, которые к работе подходят со страхом, которые боятся ощущения усилия, боятся, так сказать, трудового пота, которые на каждом шагу только и делают, что соображают, как бы поскорее отделаться от работы и начать что-нибудь другое. Это другое кажется им симпатичным до тех пор, пока они за него не взялись.

Третье: в трудовом усилии воспитывается не только рабочая подготовка человека, но и подготовка товарища, т. е. воспитывается правильное отношение к другим людям, — это уже будет нравственная подготовка. Человек, который старается на каждом шагу от работы увильнуть, который спокойно смотрит, как другие работают, пользуется плодами их трудов, — такой человек есть самый безнравственный человек в советском обществе. И, наоборот, совместное трудовое усилие, работа в коллективе, трудовая помощь людей и постоянная их взаимная трудовая зависимость только и могут создать правильное отношение человека друг к другу. Это правильное отношение состоит не только в том, что он и от других требует того же, что он не хочет рядом с собой переносить жизнь дармоеда. Только участие в коллективном труде позволяет человеку выработать правильное, нравственное отношение к другим людям, — родственную любовь и дружбу по отношению ко всякому трудящемуся, возмущение и осуждение по отношению к лентяю, к человеку, уклоняющемуся от труда.

Четвертое: неправильно думать, что в трудовом воспитании развиваются только мускулы или внешние чувства — зрение, осязание, — развиваются пальцы и т. д. Физическое развитие в труде, конечно, тоже имеет большое значение, являясь важным и совершенно необходимым элементом физической культуры. Но главная польза труда сказывается в психическом, духовном развитии человека. Это духовное развитие, порождаемое гармоничным трудом, и должно составить ту особенность человека, которая отличает гражданина бесклассового общества от гражданина классового общества.

Пятое: необходимо указать еще на одно обстоятельство, которому у нас придают, к сожалению, небольшое значение. Труд имеет не только значение общественно-производственное, но имеет большое значение в личной жизни. Мы хорошо знаем, насколько веселее и счастливее живут люди, которые многое умеют делать, у которых все удается и спорится, которые не потеряются ни при каких обстоятельствах, которые умеют владеть ве-

щами и командовать ими. И, наоборот, всегда вызывают нашу жалость те люди, которые перед каждым пустяком становятся втупик, которые не умеют обслуживать сами себя, а всегда нуждаются то в няньках, то в дружеской услуге, то в помощи, а если им никто не поможет, живут в неудобной обстановке, неряшливо, грязно, растерянно.

Родители должны хорошо подумать над каждым из указанных обстоятельств. В своей жизни и в жизни своих знакомых они на каждом шагу увидят подтверждение важнейшего значения трудового воспитания. И в работе по воспитанию своих детей родители никогда не должны забывать о трудовом принципе.

Конечно, в границах семьи трудно дать ребенку такое трудовое воспитание, которое обычно называется квалификацией. Для образования хорошей специальной квалификации семья не приспособлена, квалификацию мальчик или девочка получат в какой-либо общественной организации: в школе, на заводе, в учреждении, на курсах. Семья ни в коем случае и не должна гоняться за квалификацией в той или другой специальности. Это в старое время бывало обычно так, что если отец сапожник, то он и сына учил своему ремеслу, если он столяр, то и сын «приучался» к столярному делу. А девочки, как известно, всегда получали квалификацию домашней хозяйки, на большее они и не рассчитывали. В советское время о квалификации будущих граждан заботится государство, которое имеет в своем распоряжении много мощных и хорошо оборудованных институтов.

Но родители вовсе не должны думать, что семейное воспитание не имеет никакого отношения к получению квалификации. Именно семейная трудовая подготовка имеет самое важное значение для будущей квалификации человека. Тот ребенок, который получил в семье правильное трудовое воспитание, тот в дальнейшем с большим успехом будет проходить и свою специальную подготовку. А те дети, которые не прошли в семье никакого трудового опыта, те и квалификации не могут получить хорошей, их постигают различные неудачи, они выходят плохими работниками, несмотря на все усилия государственных учреждений.

Точно так же родители не должны думать, что под трудом мы понимаем только физический труд, мускульную работу. С развитием машинного производства физический труд постепенно теряет свое былое значение в человеческой общественной жизни. Советское государство старается совершенно уничтожить тяжелый физический труд. Мы уже видим, что на постройки домов кирпичи подаются машинами, земля снимается и подается в грузовики машинами, носилки принимают все меньшее и меньшее значение в нашем строительстве. На наших заводах, в особенности на тех, которые построены после революции, совершенно уничтожен тяжелый физический труд. Человек становится все больше и больше владетелем больших организованных механических сил, от него теперь все больше и больше требуются не физиче-

ские, а умственные силы: распорядительность, внимание, расчет, изобретательность, находчивость, ухватка. Наше стахановское движение, одно из замечательных явлений нашей страны, вовсе не представляет собой мобилизацию физических сил рабочего класса, а как раз творческую мобилизацию его духовных сил, освобожденных от насилия великой социалистической революцией. Настоящий стахановец меньше всего надеется на свои мускулы, он организует свой успех, применяя новые методы расстановки материала, инструмента, новые приспособления, новые приемы работы. Об этом родители также всегда должны помнить. В своей семье они должны воспитывать не ломовую рабочую силу, а стахановцев, людей социалистического труда и социалистических успехов.

Поэтому мы не должны думать, что в советском воспитании есть какая-либо существенная разница между трудом физическим и трудом умственным. В том и в другом труде важной стороной является прежде всего организация трудового усилия, его настоящая человеческая сторона.

Если мы будем поручать мальчику или девочке всегда одно и то же дело, одну и ту же физическую работу, требующую от него только расхода мускульной энергии, — воспитательное значение такого труда будет весьма ограничено, хотя и нельзя сказать, что такой труд совершенно бесполезен. Ребенок будет приучаться к трудовому усилию, будет принимать участие в общественном труде, будет нравственно воспитываться в трудовом равенстве с другими людьми, но все же это не будет настоящее трудовое стахановское воспитание, если мы не прибавим к трудовому упражнению интересных организационных задач.

В трудовом воспитании важным является следующая сторона метода. Перед ребенком должна быть поставлена некоторая задача, которую он может разрешить, применяя то или другое трудовое средство. Эта задача не обязательно должна стоять на короткий отрезок времени, на один или на два дня. Она может иметь длительный характер, даже продолжаться месяцами и годами. Важно то, что ребенку должна быть предоставлена некоторая свобода в выборе средств и он должен нести некоторую ответственность за выполнение работы и за ее качество. Меньше будет пользы, если вы скажете ребенку:

— Вот тебе веник, подмети эту комнату, сделай это так или так.

Лучше будет, если вы на долгое время поручите ребенку поддержание чистоты в определенной комнате, а как он будет это делать, предоставьте решать и отвечать за решение ему самому. В первом случае вы поставили перед ребенком только мускульную задачу, во втором случае вы поставили перед ним задачу организационную, последняя гораздо выше и полезнее. Следовательно, чем сложнее и самостоятельнее будет трудовая задача, тем она будет лучше в педагогическом отношении. Многие родители не учитывают этого обстоятельства. Они поручают детям сделать то или другое дело, но разбрасываются в слишком мелких трудовых задачах. Они посылают мальчика или девочку в магазин купить какой-нибудь предмет, а гораздо лучше будет,

если они возложат на него постоянную определенную заботу, например, всегда заботиться о том, чтобы в семье было мыло или зубной порошок.

Трудовое участие детей в жизни семьи должно начинаться очень рано. Начинаться оно должно в игре. Ребенку должно быть указано, что он отвечает за целость игрушек, за чистоту и порядок в том месте, где стоят игрушки и где он играет. И эту работу нужно поставить перед ним в самых общих чертах: должно быть чисто, не должно быть набросано, налито, на игрушках не должно быть пыли. Конечно, некоторые приемы уборки можно ему и показать, но вообще хорошо, если он сам догадается, что для вытирания пыли нужно иметь чистую тряпку, если эту тряпку он сам выпросит у матери, если он к этой тряпке предъявит определенные санитарные требования, если он потребует лучшую тряпку и т. д. Точно так же и починка изломанных игрушек должна быть предоставлена ему самому в той мере, в какой это ему по силам, разумеется с предоставлением в его распоряжение определенных материалов.

С возрастом трудовые поручения должны быть усложнены и отделены от игры. Мы перечислим несколько видов детской работы, рассчитывая, что каждая семья в зависимости от условий своей жизни сможет исправить и дополнить этот список.

1. Поливать цветы в комнате или во всей квартире.
2. Вытирать пыль на подоконниках.
3. Накрывать на стол перед обедом.
4. Следить за солонками, горчичницами.
5. Следить за письменным столом отца.
6. Держать в порядке и отвечать за книжную полку или за книжный шкаф.
7. Получать и складывать в определенном месте газеты, отделяя новые от прочитанных.
8. Кормить котенка или щенка, отвечать за его место.
9. Держать в порядке умывальник, покупать мыло, зубной порошок, бритвенные ножи для отца.
10. Производить полную уборку в отдельной комнате или отдельной части комнаты.
11. Пришивать на своем платье оторвавшиеся пуговицы, иметь всегда в полном порядке приспособления для этого.
12. Отвечать за порядок в буфетном шкапе.
13. Чистить платье свое или младшего брата или одного из родителей в определенное время.
14. Заботиться об украшении комнаты портретами, открытками, репродукциями.
15. Если в семье есть огород или цветник, отвечать за определенный его участок как в плане посева, так и в его проведении и сборе плодов.
16. Заботиться о том, чтобы в квартире были цветы, для этого иногда поехать и за город (это для более старшего возраста).
17. Если в квартире есть телефон, первому подходить на звонок, вести домашний телефонный справочник.

18. Вести справочник трамвайных маршрутов с учетом тех мест, куда членам семьи приходится наиболее часто ездить.

19. В более старшем возрасте самостоятельно планировать и обслуживать посещение семьей театров и кино, узнавать программу, доставать билеты, хранить их и т. д.

20. Вести в полном порядке домашнюю аптеку и отвечать за своевременное ее пополнение.

21. Следить за тем, чтобы в квартире не появлялись паразиты: клопы, блохи и т. д., принимать энергичные меры к их уничтожению.

22. Помогать матери или сестре в определенных хозяйственных функциях.

Каждая семья найдет у себя очень много подобных работ, более или менее интересных и посильных. Конечно, нельзя ребенка загружать чрезмерным количеством работы, но во всяком случае необходимо, чтобы не бросалась в глаза разница в трудовой нагрузке родителей и в трудовых нагрузках детей. Если отцу или матери приходится очень трудно в домашнем хозяйстве, дети должны привлекаться к помощи им. Бывает и иначе: если в семье есть домашняя работница, дети сплошь и рядом привыкают надеяться на ее труд в таких случаях, когда они и сами могли бы себя обслужить. Родители должны хорошенько проверить эту область и добиться такого положения, чтобы по возможности домработница не производила таких работ, которые могут и должны производить дети.

Нужно при этом всегда помнить: когда дети учатся в школе, последняя часто довольно сильно нагружает их домашней работой. Разумеется, эта работа должна считаться самой главной и первоочередной. Дети должны хорошо понимать, что в школьной работе они выполняют функцию не только личную, но и общественную, что за успех школьной работы отвечают они не только перед родителями, но и перед государством. С другой стороны, неправильно, если только школьная работа пользуется уважением, а все остальные трудовые задачи отбрасываются. Такое обособление школьной работы очень опасно, так как вызывает у детей полное пренебрежение к жизни и работе своего семейного коллектива. В семье должна всегда чувствоваться атмосфера коллектива, как можно чаще проявляться помощь одних членов семьи по отношению к другим.

Спрашивается, какими мерами можно и должно вызывать у ребенка то или другое трудовое усилие. Меры эти могут быть самые разнообразные. В первом детстве, конечно, многое ребенку нужно и подсказать и показать, но вообще необходимо считать идеальной формой, когда ребенок сам замечает необходимость той или другой работы, видит, что матери или отцу некогда ее сделать, когда он по собственной инициативе приходит на помощь своему семейному коллективу. Воспитать такую готовность к труду, такую внимательность к нуждам своего коллектива, значит воспитать настоящего советского гражданина.

Очень часто бывает, что ребенок по своей неопытности, по

слабости ориентировки не может самостоятельно заметить потребность в той или другой работе. Родители должны в таких случаях осторожно подсказать, помочь ребенку выяснить свое отношение к задаче и принять участие в ее разрешении. Это часто лучше всего делать, вызывая простой технический интерес к работе, но и злоупотреблять этим способом нельзя. Ребенок должен уметь проделывать и такие работы, которые не вызывают у него особого интереса, которые кажутся в первый момент работами скучными. Вообще он должен воспитываться так, чтобы решающим моментом в трудовом усилии была не его занимательность, а его польза, его необходимость. Родители должны воспитывать у ребенка способность терпеливо и без хныканья проделывать работы неприятные. Потом, по мере развития ребенка, даже самая неприятная работа будет приносить ему радость, если общественная ценность работы будет для него очевидна.

В том случае, если необходимость или интерес недостаточны, чтобы вызвать у ребенка желание потрудиться, можно применить способ просьбы. Просьба тем отличается от других видов обращения, что она предоставляет ребенку полную свободу выбора. Просьба и должна быть такова. Ее так нужно произносить, чтобы ребенку казалось, что он исполняет просьбу по собственному доброму желанию, не побуждаемый к этому никакими принуждениями. Нужно говорить:

— У меня к тебе просьба. Хоть это и трудно, и у тебя всякие другие дела...

Просьба самый лучший и мягкий способ обращения, но и злоупотреблять просьбой не следует. Форму просьбы лучше всего употреблять в тех случаях, когда вы хорошо знаете, что ребенок с удовольствием просьбу вашу выполнит.

Если же у вас есть какое-нибудь сомнение в этом, применяйте форму обыкновенного поручения, спокойного, уверенного, делового. Если с самого малого возраста вашего ребенка вы будете правильно чередовать просьбу и поручение, и в особенности если вы будете возбуждать личную инициативу ребенка, будете учить его видеть необходимость работы самому и по собственному почину выполнять ее, в вашем поручении не будет уже никаких прорывов. Только если вы запустили дело воспитания, вам придется иногда прибегнуть к принуждению.

Принуждение может быть различное — от простого повторения поручения до повторения резкого и требовательного. Во всяком случае никогда не нужно прибегать к физическому принуждению, так как оно меньше всего приносит пользы и вызывает у ребенка отвращение к трудовой задаче.

Больше всего затрудняет родителей вопрос, как нужно обращаться с так называемыми ленивыми детьми. Нужно при этом сказать, что лень, т. е. отвращение к трудовому усилию, только в очень редких случаях объясняется плохим состоянием здоровья, физической слабостью, вялостью духа. В этом случае, конечно, лучше всего обратиться к врачу. Большей же частью лень у ребенка развивается благодаря неправильному воспитанию, когда с

Госуд. ордена Ленина Библиотека СССР им. В. И. Ленина

самого малого возраста родители не воспитывают у ребенка энергии, не приучают его преодолевать препятствия, не возбуждают у него интереса к семейному хозяйству, не воспитывают у него привычки к труду и привычки к тем удовольствиям, которые труд всегда доставляет.

Способ борьбы с ленью единственный: постепенное втягивание ребенка в область труда, медленное возбуждение у него трудового интереса.

Но, борясь с ленью, нужно бороться и с другим недостатком. Есть дети, которые охотно совершают любую работу, но делают ее без увлечения, без интереса, без мысли, без радости. Они работают только потому, что хотят избежать неприятностей, чтобы отделаться от упреков и т. д. Такая работа часто очень напоминает усилия рабочей лошади. Такие работники могут совершенно потерять контроль над своим трудом, приучаются относиться к нему некритически. Из них вырастают люди, которые всегда, всю жизнь только и знают, что всех обслуживают, всем помогают, даже тем, которые сами ничего не делают. В советском государстве нельзя воспитывать такую лошадиную работу, ибо у этих людей нет нравственного требования ни к своей работе, ни к работе других людей.

Правда, в нашем государстве невозможна эксплоатация человека человеком на производстве, но есть еще очень много охотников, которые могут пользоваться чужим трудом в домашней обстановке, в быту, в семье.

Воспитание наших детей должно проходить таким образом, чтобы в нашем обществе не было готовых объектов для эксплоатации, чтобы никакие эксплоататорские аппетиты у нас не могли развиваться даже в домашней обстановке.

Поэтому родители в особенности должны внимательно следить, чтобы старшие братья не пользовались трудом младших иначе, как в порядке взаимной помощи, чтобы в семье не было никакого трудового неравенства.

Нам остается сказать несколько слов о качестве труда. Качество труда должно иметь самое решающее значение, высокого качества нужно требовать всегда, требовать серьезно. Конечно, ребенок еще неопытен, часто он физически неспособен выполнить работу во всех отношениях идеально. От него и нужно требовать такого качества, которое для него совершенно посильно, которое доступно и его силам и его пониманию.

Не нужно при этом поносить ребенка за плохую работу, стыдить его, упрекать. Нужно просто и спокойно сказать, что работа сделана неудовлетворительно, что она должна быть переделана или исправлена, или сделана заново. При этом никогда не нужно производить работу за ребенка силами самих родителей, только в редких случаях можно проделать такую часть работы, которая явно не по силам ребенку, поправляя в этом случае допущенную нами ошибку в самом назначении работы.

Мы решительно не рекомендуем применять в области труда какие-либо поощрения или наказания. Трудовая задача и ее ре-

щение должны сами по себе доставлять ребенку такое удовлетворение, чтобы он испытывал радость. Признание его работы работой хорошей должно быть лучшей наградой за его труды. Такой же наградой будет для него ваше одобрение его изобретательности, его находчивости, его способов работы. Но даже и таким словесным одобрением никогда не нужно злоупотреблять, в особенности не следует хвалить ребенка за произведенную работу в присутствии знакомых ваших и друзей.

Тем более не нужно ребенка наказывать за плохую работу или за работу, не произведенную. Самое важное в этом случае — добиться того, чтобы работа была все-таки выполнена.

СЕМЕЙНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Каждая семья имеет свое хозяйство. В отличие от буржуазного общества, наша семья имеет только трудовое хозяйство, которое не преследует цели эксплоатации людей. Это хозяйство может расти и увеличиваться, но не потому, что члены семьи получают какие-нибудь прибыли, а исключительно вследствие повышения заработков членов семьи и семейной экономии. Хозяйство нашей семьи состоит только из вещей личного пользования, в его состав не могут входить средства производства, которые в нашей стране принадлежат всему обществу.

В буржуазной семье всегда бывает так: богатая семья обращает часть своего имущества в средства производства, чтобы эксплоатировать наемную рабочую силу и таким способом еще больше богатеть и расширять производство. В нашей семье, семье трудовой, такое богатство невозможно. Значит, если наша семья богатеет, то это обозначает только одно: она лучше и счастливее живет, приобретает больше вещей личного пользования, удовлетворяет большее количество своих потребностей. Совершенно естественно каждая семья стремится улучшить свою жизнь при помощи улучшения своего хозяйства, но это она делает не в порядке грабительской эксплоатации других людей, а исключительно в порядке трудового участия членов семьи в общей жизни и общей работе всего советского народа. Богатство нашей семьи не столько зависит от усилий этой семьи, сколько от успехов всей советской страны, от ее побед и достижений на хозяйственном и культурном фронте.

Каждый ребенок есть член семьи и, следовательно, участник семейного хозяйства, а, следовательно, в известной степени и участник всего советского хозяйства. Хозяйственное воспитание наших детей и должно заключаться в воспитании не только хозяйственного члена семьи, но и в воспитании хозяина-гражданина. В буржуазном обществе перед воспитателем такая цель не стоит. Там каждый человек заинтересован только в развитии собственного хозяйства, государственное хозяйство занимает слишком незаметное место в массе хозяйственных частных единиц.

У нас каждому человеку предстоит в жизни обязательно уча-

ствовать в общем государственном хозяйстве, и чем лучше он будет подготовлен к этому делу, тем больше он принесет пользы и всему советскому обществу и самому себе.

Все это должен знать и хорошо понимать каждый родитель, чаще размышлять над этими вопросами и всегда проверять свои воспитательные методы при помощи ясного политического представления о целях воспитания.

Многие родители думают, что воспитательная работа происходит только во время бесед и разговоров с детьми, во время руководства их игрой или их отношением к людям. Во всех этих областях действительно много можно сделать педагогически полезного, но эта польза будет незначительна, если ребенок не воспитывается и в хозяйственной области. Ведь из вашего ребенка должен вырасти не только хороший, честный человек, но и хороший, честный советский хозяин.

Семейное хозяйство представляет собой очень удобное поле для воспитания многих очень важных особенностей характера будущего гражданина-хозяина. В настоящей короткой лекции даже невозможно перечислить все эти особенности. Мы коснемся только главных.

При помощи правильного воспитательного руководства в области семейного хозяйства воспитываются: коллективизм, честность, заботливость, бережливость, ответственность, способность ориентировки, оперативная способность.

Мы рассмотрим в отдельности каждое из этих важных достоинств характера.

Коллективизм. В простейшем определении коллективизм означает солидарность человека с обществом. Противоположностью коллективизма является индивидуализм. В некоторых семьях по причине плохого внимания родителей к этим вопросам воспитываются такие индивидуалисты. Если ребенок до самого юношества не знает, откуда берутся средства семьи, если он привыкает только удовлетворять свои потребности, а не замечает потребностей других членов семьи, если он не связывает свою семью со всем советским обществом, если он растет жадным потребителем, — то это и есть воспитание индивидуалиста, который потом может принести много вреда и всему обществу и самому себе.

Некоторые матери и отцы незаметно для себя воспитывают таких индивидуалистов.

Часто они заботятся только о том, чтобы у ребенка все было, чтобы он был хорошо накормлен, хорошо одет, снабжен игрушками и удовольствиями. Все это они делают в безграничной своей доброте и любви, отказывают себе во многом, даже в самом необходимом, а ребенок даже не знает об этом и постепенно привыкает думать, что он лучше всех, что его желание для родителей закон. В такой семье дети часто ничего не знают о работе отца или матери, не знают, насколько она трудна и насколько она важна и полезна для общества. Тем более они ничего не

знают о работе других людей. Они знают только свои желания и свои удовлетворения.

Это очень неправильный и вредный путь воспитания, и больше всего и скорее всего от этой неправильности будут страдать родители. Только воспитание коллективиста может быть правильным воспитанием в нашей стране, и родители должны регулярно проводить это воспитание. Для такого воспитания мы рекомендуем следующее:

1. Как можно раньше ребенок должен узнать, где работает отец или мать, в чем состоит эта работа, насколько она трудна, какие в ней напряжения, какие достижения. Он должен знать, что производит его отец или мать, какое значение это производство имеет для всего общества. При первой возможности родители должны познакомить ребенка с некоторыми коллегами и сотрудниками по работе, рассказать о значении их работы. Если даже отец или мать неодобрительно думают о каком-либо человеке, не нужно надоедать ребенку младшего возраста такими неодобрительными отзывами. Само собой ребенок должен знать о работе и значении целого завода. Вообще как можно раньше ребенок должен хорошо понять, что те деньги, которые родители приносят домой, составляют не только удобную вещь, которую можно истратить, но и составляют заработки на основе большого и полезного общественного труда. Родители всегда должны найти время и простые слова, чтобы рассказать ребенку обо всем этом. Когда ребенок подрастет, нужно в таких же простых словах рассказать ему побольше о других подобных же предприятиях по всему Союзу, об их работе и достижениях. Если есть возможность, нужно ребятам показать самый завод, объяснить производственный процесс. Вообще мы рекомендуем добиваться как можно большей осведомленности ребенка о работе отца или матери. Если мать не работает в общественном производстве, а работает дома по хозяйству, ребенок должен и эту работу знать, относиться к ней с уважением и понимать, что эта работа требует усилий и напряжения.

2. Как можно раньше ребенок должен познакомиться с семейным бюджетом. Он должен знать заработок отца или матери. От него не нужно скрывать финансовый семейный план, а, напротив, постепенно привлекать его к обсуждению семейных финансовых наметок. Он должен знать, в чем нуждается отец или мать, насколько эта нужда велика и неотложна, и должен научиться отказываться от удовлетворения некоторых своих потребностей, чтобы лучше удовлетворить потребности других членов семьи. В особенности он должен привлекаться к обсуждению таких вопросов, которые касаются общих семейных потребностей: приобретение посуды, мебели, радио, книг, газет и т. п.

3. Если семья находится в очень хороших материальных условиях, нельзя допускать, чтобы ребенок гордился этими условиями перед другими семьями, чтобы он привыкал хвастать своим костюмом, своей квартирой. Он должен понять, что в семейном богатстве нет никаких оснований для чванства. В такой семье,

где есть несколько избыточный достаток, меньше всего нужно удовлетворять дополнительные потребности самого ребенка, а лучше расходовать деньги на удовлетворение общих семейных потребностей, лучше купить книги, чем лишний костюм.

Но если семья по разным причинам с большим трудом удовлетворяет свои потребности, нужно добиваться, чтобы ребенок не завидовал другим семьям. Ребенок должен знать, что в настойчивой борьбе за улучшение жизни больше гордости, чем в лишней копейке. Именно в такой семье нужно воспитывать стремление к лучшему будущему, осуществимому в нашей стране, взаимную уступчивость и веселую готовность поделиться с товарищем. Родители никогда не должны ныть и жаловаться в присутствии ребенка, должны по возможности быть бодрыми и веселыми и всегда надеяться на лучшее, стремясь к нему в улучшении семейного хозяйства и в повышении своего заработка. Каждое действительное улучшение в такой семье должно быть обязательно отмечено и подчеркнуто.

Честность. Честность не падает с неба, она воспитывается в семье. В семье можно воспитать и бесчестность, все зависит от правильного воспитательного метода родителей. Нечестность есть тайное, спрятанное отношение. Если ребенок хочет яблока и открыто это заявляет, — это будет честно. Если он это желание оставляет в тайне, но не отказывается от яблока, а старается взять его, чтобы никто не видел, это уже будет нечестно. Если мать дает ребенку это яблоко тайно от других детей, допустим, даже чужих, она уже воспитывает в нем тайное отношение к вещи, следовательно воспитывает нечестность. Тайное отношение к вещам в пределах семейного обихода, хозяйственный личный секрет, кормление по углам, прятание отдельных сладких кусков, все это вызывает к жизни зарождение нечестности. Только в более старшем возрасте ребенок должен научиться различать полезный секрет, т. е. то, что нужно скрывать от врагов и недругов, или то, что вообще должно составлять личное переживание каждого человека. В младшем же возрасте чем ребенок откровеннее и чем меньше у него каких бы то ни было секретов, тем лучше для его воспитания.

Родители должны внимательно следить за развитием честности у ребенка. Они ничего не должны нарочито прятать от ребенка, но и должны приучать ребенка ничего не брать без спросу, даже если это лежит на виду, не заперто, не закрыто. Можно специально оставлять на виду всякие соблазнительные вещи и приучать ребенка относиться к ним спокойно, без жадного желания. Эту черту спокойного отношения к тому, что плохо лежит, нужно воспитывать в самом младшем возрасте. В то же время в семье не должно быть такого порядка, когда все лежит плохо, нет никакого учета, никто не помнит, где что положено. В таком беспорядке, конечно, и развивается своевольное отношение ребенка к вещам, и он делает с ними, что хочет, никому об этом не говорит и таким образом приучается к нечестному поведению. Если ребенку вы дали поручение что-нибудь купить, обязательно про-

веряйте покупки и сдачу, делайте это до тех пор, пока у ребенка не выработаются твердые правила честности. Такую проверку нужно делать очень деликатно, чтобы ребенок не подумал, что вы его в чем-либо подозреваете. Еще раз обращаем внимание родителей на то, что честность нужно воспитывать с самого раннего возраста. Если вы к пяти годам это дело запустили, будет очень трудно исправлять запущенное.

Заботливость. Вещи, составляющие хозяйство семьи, приходят постепенно в ветхость и должны заменяться новыми вещами. Новые вещи нужно купить, следовательно истратить некоторое количество, заработанных родителями или другими членами семьи, денег. Ребенок видит, как постоянно одни вещи ветшают, а другие приобретаются. Нужно, чтобы ребенок с малых лет приучался разумно пользоваться вещами, не допускать, чтобы вещи руководили им. Хороший хозяин должен всегда видеть заранее, что у него начинает стареть, не допускать слишком быстрого обветшания вещей, во-время их отремонтировать, а покупать только те вещи, которые действительно нужны, а не те, которые случайно он увидел на рынке или у другого человека. Все это составляет тот отдел человеческой деятельности, который называется заботливостью. Не всякая заботливость хороша. Бывают люди, которые до краев наполнены заботой, которые за этой заботой забывают все остальное. Такая забота имеет характер страдания. Она не должна быть у советского хозяина. Заботливость нашего гражданина должна отличаться спокойствием, разумным расчетом надолго вперед, уменьем спокойно выбрать то, что нужно, и отвергнуть то, что не нужно. И самая главная черта советской заботливости: она не служит только личным интересам. Надо, чтобы ребенок проявлял эту заботливость скорее по отношению к другим членам семьи, чем по отношению к себе, а в особенности, чтобы он проявлял заботливость по отношению к общим вещам семьи. В заботливости лежит важнейшее начало планирования, предвидения. Этим советская заботливость отличается от накопительской жадности буржуазной семьи. Родители с раннего возраста должны приучать ребенка к такой плановости. Они должны время от времени обсуждать в семье различные назревшие потребности и намечать пути их удовлетворения. Если ребенок будет знать, что, допустим, такая вещь, как диван, приходит в ветхость, что требуется его ремонт или замена, если эта потребность для всех очевидна, ребенок уже и свои личные потребности будет заранее сообразовать с этой общей потребностью и даже сам напоминать о ней родителям.

Важно при этом воспитать у ребенка внимание к важным мелочам, к их взаимной зависимости. Бывает, что какая-нибудь ценная вещь только потому портится, что нехватает какого-нибудь пустяка для ее сохранения, на этот пустяк и должно быть обращено внимание хозяина.

Бережливость. Бережливость есть особая сторона заботливости, — только заботливость проявляется больше в мыслях, в соображениях человека, а бережливость проявляется в

привычках. Можно быть очень заботливым хозяином и в то же время совершенно не иметь привычек бережливости. Эти привычки должны воспитываться как можно раньше. С самого малого возраста ребенок должен уметь есть, не пачкая скатерти или костюма, он должен уметь пользоваться вещами, не пачкая их и не ломая. Эти привычки даются с некоторым трудом, и все же нужно стараться во что бы то ни стало, чтобы эти привычки образовались. Никакие поучения не помогут в этом деле, если нет привычки. Привычка образуется благодаря многократному упражнению. Поэтому нужно заботиться о правильном упражнении. Если мальчик, пробегая по комнате, повалил стул, не нужно говорить ему целые речи о бережливом отношении к стулу, а нужно ему сказать:

— Может быть ты сможешь пройти, чтобы стул не упал? А ну, попробуй. Прекрасно. Ты это хорошо умеешь делать.

Если, допустим, семилетний ребенок испачкал или изорвал костюм, нужно дать ему целый костюм и сказать:

— Вот тебе костюм. Он чистый. Даю тебе неделю срока и посмотрю, какой он будет.

Нужно возбуждать у ребенка постоянное желание упражняться в бережливости, нужно, чтобы он так привык к чистым ботинкам, чтобы грязные ботинки он уже не мог надеть.

Бережливость должна распространяться не только на вещи своей семьи, но и на вещи других людей и в особенности на предметы общественного пользования. Поэтому никогда не позволяйте ребенку небрежно относиться к вещам на улице, в парке, в театре.

Ответственность. Ответственность заключается не только в том, что человек боится наказания, а в том еще, что человек и без наказания чувствует себя неловко, если по его вине испортилась или уничтожена вещь. Именно такую ответственность нужно воспитывать у советского гражданина, и именно поэтому не нужно наказывать за порчу вещей или грозить наказанием, а нужно, чтобы ребенок сам увидел тот вред, который он принес небрежным обращением с вещью, и пожалел о своей небрежности. Об этом ребенку нужно, конечно, сказать, нужно объяснить ему все результаты небрежности, но еще полезнее будет, если ребенок на собственном опыте почувствует эти результаты. Если ребенок, к примеру, поломал игрушку, не нужно спешить покупать новую, не нужно и выбрасывать ее, а необходимо, чтобы некоторое время эта игрушка была на глазах у ребенка и требовала ремонта. Нужно, чтобы отец или мать говорили и совещались о ремонте этой игрушки, чтобы ребенок видел, что он причинил лишнюю заботу родителям, что они относятся к игрушке более внимательно и заботливо, чем он. А когда игрушка будет отремонтирована, полезно будет, если отец или мать, шутя, скажут:

— Она теперь хороша, только, что ж, давать ли ее тебе или не давать? Ведь ты небрежно будешь с ней обращаться и снова поломаешь?

В таких случаях ребенок начинает понимать, что его поступки приводят к некоторым неприятным последствиям, у него появится ощущение естественной ответственности. Но чем ребенок старше, тем эта естественная ответственность должна быть для него обязательнее и привычнее. Если и теперь он проявляет недопустимую небрежность, уже не нужно шутить с ним и вызывать чувство ответственности, а нужно самым серьезным тоном потребовать большего порядка, допуская даже и такое выражение:

— Это — безобразие. Постарайся, чтобы таких случаев больше не было.

В особенности важно воспитывать ответственность в тех случаях, когда затрагиваются интересы других членов семьи или даже интересы общественные. Если в семье есть правильный коллективный тон, это воспитание проводить очень нетрудно.

Способность ориентировки. Это — та важнейшая способность, без которой не может быть хорошего хозяйственника. В чем она заключается? Она заключается в умении видеть и понимать все подробности, окружающие данный случай. Если человек что-то делает, он не должен забывать и о том, что сзади него и сбоку тоже находятся люди и тоже чем-то заняты. Ориентировка невозможна, если человек привык видеть только то, что перед глазами, а что совершается вокруг, не видит и не чувствует. В хозяйственной деятельности способность ориентировки имеет громадное значение. Делая одно дело, ребенок не должен забывать и все другие свои дела и дела окружающих людей. Играя в какую-нибудь игру, ребенок не должен забывать, что он окружен вещами, о которых тоже должен заботиться. Исполняя поручение родителей по покупке чего-нибудь в магазине, ребенок должен помнить, что он должен возвратиться домой во-время, что должен после этого поручения сделать что-либо для себя или для семьи.

Для выработки такой способности полезно давать ребенку не одно поручение, а два или три, давать условное поручение или комбинированное. Вот самые простые примеры таких поручений.

— Убери в книжном шкафу, а кстати и подбери книги по авторам. Купи сельдей, но если будет в магазине хорошая вобла, то не покупай сельдей, а купи воблу.

Способность ориентировки воспитывается постоянными упражнениями в хозяйственной заботе, в знании всех подробностей и частностей хозяйства.

Оперативная способность. Такая способность необходима для выполнения более длительных хозяйственных работ, выходящих за пределы одного короткого поручения. Уже с семи-восьми лет, а часто и раньше, нужно давать ребенку такие более длительные задачи, например: поливать цветы, держать в порядке книги, кормить кошку, следить за младшим братом. В особенности важной является область денежных расходов. Здесь мы настойчиво рекомендуем каждой семье предоставить ребенку некоторую самостоятельность в израсходовании денег для удовлет-

ворения его личных, а в некоторых случаях и общих семейных потребностей. Для этого нужно один раз или несколько раз в месяц выдавать ему определенную сумму денег с точным обозначением, для чего эти деньги должны расходоваться. Список таких расходов может быть различным в зависимости от возраста ребенка, от достатков семьи. Например, для мальчика 14 лет можно представить такой список: покупка тетрадей, расходы на трамвай, покупка хлеба, сахара и других бакалейных товаров для всей семьи, расходы на кино для него и младшего брата. Чем старше ребенок, тем ответственнее и сложнее должен быть такой список.

Необходимо при этом следить за тем, как выполняет мальчик или девочка порученные ему задачи, не злоупотребляет ли он свободой расходования, не преобладают ли в его тратах расходы на удовольствия, а не на дело. Иногда такие ошибки происходят от неправильно назначенной суммы, но бывает и так, что мальчик просто недостаточно серьезно относится к своему праву и своим возможностям. В таком случае достаточно просто поговорить с ним, обратить внимание на его ошибки и посоветовать исправить их. Во всяком случае не нужно надоедать ребенку постоянными проверками, а тем более постоянным недоверием. Нужно просто уметь видеть его поведение в порученной ему области.

Мы закончили рассмотрение главных особенностей семейного хозяйства. Сами родители найдут в своем опыте много разнообразных упражнений для правильного хозяйственного воспитания детей. Они при этом должны помнить, что, воспитывая хорошего и честного хозяина, они тем самым воспитывают и хорошего гражданина. Важно, чтобы семейное хозяйство было организовано в коллективном, спокойном и в то же время в дисциплинированном порядке, чтобы в нем не было излишней нервности, нытья, а чтобы больше было бодрости и дружного стремления улучшить жизнь семьи.

Резюмируем содержание сегодняшней лекции.

Хозяйственная деятельность семьи представляет собой важнейшую арену для воспитательной работы. Именно в семейном хозяйстве воспитываются:

Коллективизм, т. е. реальная солидарность человека с работой и интересами других людей, с интересами всего общества. Коллективизм воспитывается методом приближения ребенка к условиям деятельности родителей, методом участия ребенка в семейном бюджете, скромностью во время благополучия и достоинством во время недостатка в семье.

Честность, т. е. открытое, искреннее отношение к людям и вещам.

Заботливость, т. е. постоянное внимание к семейным нуждам и плану их удовлетворения.

Бережливость, т. е. привычка сохранять вещи.

Ответственность, т. е. чувство вины и неловкости в случае порчи или уничтожения вещи.

Способность ориентировки, иначе говоря, умение охватить вниманием целую группу вещей и вопросов.

Оперативная способность, т. е. уменье распорядиться временем и работой.

Все семейное хозяйство должно быть хозяйством коллектива и вестись в спокойных тонах, без нервности.

ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ НАВЫКОВ

Сильно ошибаются те родители, которые думают, что настоящее культурное воспитание составляет обязанность школы и общества, а семья в этой области ничего сделать не может. Приходится иногда наблюдать такие семьи, которые большое внимание уделяют питанию ребенка, его одежде, играм и в то же время уверены, что до школы ребенок должен нагуляться, набрать сил и здоровья, а в школе он уже прикоснется к культуре.

На самом деле семья не только обязана как можно раньше начать культурное воспитание, но имеет для этого в своем распоряжении большие возможности, которые и обязана использовать как можно лучше.

Культурное воспитание в семье—дело очень нетрудное, но это справедливо только в том случае, если родители не думают, что культура нужна только для ребенка, что воспитание культурных навыков составляет только педагогическую их обязанность. В той семье, где сами родители не читают газет, книг, не бывают в театре или кино, не интересуются выставками, музеями, разумеется очень трудно культурно воспитывать ребенка. В этом случае как бы родители ни старались, в их стараниях будет много неискреннего и искусственного, ребенок сразу это увидит и сразу поймет, что это не такое уж важное дело.

И, наоборот, в той семье, в которой сами родители живут активной культурной жизнью, где газета и книга составляют необходимую принадлежность быта, где вопросы театра и кино задевают всех за живое, там культурное воспитание будет иметь место даже тогда, когда родители как будто и не думают о нем. Отсюда, конечно, не нужно делать вывода, что воспитание культурных привычек может итти самотеком, что это—самая лучшая форма. Самотек и в этом деле, как и во всяком другом, может принести большой вред, понизит качество работы, оставит много неясностей и ошибок. Именно самотек бывает причиной таких положений, когда родители начинают разводить руками и спрашивать себя: Откуда это взялось? Откуда у мальчика или у девочки такие мысли, такие привычки?

Культурное воспитание будет только в том случае полезно, когда оно организовано сознательно, сопровождается некоторым планом, правильным методом и контролем.

Культурное воспитание ребенка должно начинаться очень рано, когда ребенку еще очень далеко до грамотности, когда он только что научился хорошо видеть, слышать и кое-как говорить.

Хорошо рассказанная сказка—это уже начало культурного

воспитания. Было бы весьма желательно, если бы на книжной полке каждой семьи был сборник сказок. В последнее время вышло много хороших сборников. Для рассказывания малым детям многие сказки нужно, конечно, сокращать, изменять язык, доводить сказку до полного понимания. Может быть и родители знают сказки, слышанные ими еще в молодости.

Выбор сказки имеет большое значение. Прежде всего нужно отбросить те сказки, в которых говорится о нечистой силе, о чорте, о бабе-яге, о лешем, водяном, русалке. Такие сказки можно предложить детям только в старшем возрасте, когда они уже хорошо вооружены против древней темной выдумки. Это вооружение позволит им увидеть в сказке только художественную выдумку, скрывающую за образами разных чудищ вообще нечто враждебное и злое по отношению к человеку. В младшем же возрасте образы представителей нечистой силы могут быть восприняты ребенком как реальные образы, могут направить воображение ребенка в сторону мрачной и пугающей мистики.

Лучшими сказками для малышей всегда будут сказки о животных. В русском сказочном богатстве этих сказок очень много, и они очень хороши. Точно так же и у других народов СССР имеется богатый сказочный запас. По мере роста ребенка можно переходить к сказкам о человеческих отношениях. Много есть интересных повестей об Иванушке-дурачке, но из них нужно выбирать такие, где не выпячивается человеческая глупость, а Иванушка называется дурачком иронически. К этой серии нужно отнести прекрасную сказку Ершова «Конек-горбунок». Более серьезным сказочным отделом является тот, где в сказке уже изображается борьба между богатыми и бедными, где уже отражена классовая борьба в человечестве. По отношению к этим сказкам мы рекомендуем родителям также некоторую осторожность: не нужно рассказывать сказок мрачных, описывающих гибель хороших людей или детей. Вообще нужно сказать, что предпочитать нужно такую сказку, которая возбуждает энергию, уверенность в своих силах, оптимистический взгляд на жизнь, надежду на победу. Симпатия к угнетенным не должна сопровождаться представлением об их обреченности, последнем отчаянии. Картины печальные, говорящие о кошмарных формах насилия и эксплоатации, могут быть показаны детям только в старшем возрасте.

Очень важное значение для развития детского воображения и широких представлений о жизни имеет также рассматривание иллюстраций. Для этого не обязательно выбирать детские журналы, можно воспользоваться любым воспроизведением картины или гравюры или фотографии, если они по своему содержанию подходят. Обычно, рассматривая такие картинки, дети много спрашивают, интересуются подробностями, зависимостями, причинами. На эти вопросы всегда необходимо отвечать в такой форме, которая доступна пониманию ребенка. Если при этом задается вопрос, на который действительно нельзя ответить, то нужно так и сказать: ты еще не поймешь, подрастешь — узнаешь. Подобные ответы нисколько не вредны, они приучают ребенка

даже в постановке вопросов соразмерять свои силы и обещают ему более интересное и серьезное будущее. Картинки для такого рассматривания можно найти в любом журнале-двухнедельнике, и в таких журналах, как «Смена», «Огонек» и др.

В этом возрасте можно допустить посещение детьми театра и кино только в исключительных случаях и на специальные пьесы, для таких детей предназначенные. Вообще же говоря, лучше в это время воздержаться от театра и кино, так как количество подходящих для детей пьес очень незначительно. Приходится часто наблюдать на спектаклях «Синей птицы» в Московском академическом художественном театре, как мало нужна для малых детей эта пьеса. Очевидно, родители считают: раз написано, что «Синяя птица»—сказка, нужно показать ее детям. На самом деле эта пьеса совершенно недоступна для детей младшего возраста, а в некоторых местах и для детей среднего возраста. В пьесе — сложная и напряженная символика, усложненные характеры вещей и животных, много надуманных и натянутых образов («Ужасы»).

Значительный переломный момент в работе семьи по воспитанию культурных навыков наступает во время обучения грамоте. Обычно этот перелом происходит уже в обстановке детского коллектива, в детском саду или в школе. Но есть много и таких семейств, которые не могут воспользоваться помощью детского сада, но все-таки обучают своих детей чтению. Этот момент имеет большое значение в жизни ребенка. Ребенок вступает в область книги и печатного слова, иногда вступает неохотно, с трудом преодолевая те технические затруднения, которые ставит перед ним азбука и самый процесс чтения. Не нужно насиловать детей в этой первой работе по грамотности, но не следует и поощрять некоторую лень, возникающую в борьбе с трудностями. В это же время должны появиться в жизни ребенка первые книги.

В это время книги нужно приобретать самые доступные, напечатанные крупным шрифтом, с большим количеством иллюстраций. Если даже ребенок еще не может прочитать их, то они во всяком случае возбуждают у него интерес к чтению и желание преодолеть трудности грамоты.

С обучения грамоте начинается второй отдел детства, — отдел, посвященный учебе и приобретению знаний. В это время школа приобретает в жизни ребенка виднейшее место, но это вовсе не значит, что родители могут забыть о своих обязанностях и положиться только на школу. Как раз родительская работа и общий культурный тон в семье имеют громадное значение для школьной работы ребенка, для качества и энергии его учебы, для установления правильных отношений с учителями, товарищами и всей школьной организацией. Именно в это время приобретают большое значение газета, книга, театр, кино и другие общественные установления культурного порядка. Перейдем к рассмотрению каждого из этих установлений в отдельности.

Г а з е т а. Когда еще ребенок неграмотен, когда он может толь-

ко слушать прочитанное, газета уже должна занять прочное место среди его впечатлений. Семья должна выписать одну из газет. Чтение газеты не должно происходить в отдалении от ребенка, родители не должны просматривать газету каждый для себя. В каждой газете найдется материал, который можно прочитать вслух и поговорить о нем, если не специально для ребенка, то обязательно в его присутствии. Будет даже лучше, если вы по поводу прочитанного будете говорить с таким видом, как будто не думаете специально о ребенке. Он все равно будет вас слушать и тем внимательнее, чем безыскусственнее будете вы держаться. В каждой газете вы найдете такой материал: международные события, демонстрация трудящихся в праздник, пограничные эпизоды, стахановские достижения, героические и мужественные поступки отдельных людей, строительство и украшение городов, новые законы.

В дальнейшем, с развитием ребенка и в особенности с того времени, когда он уже и сам научился читать, газета должна приобретать все большее и большее значение. Конечно, хорошо, если можно выписать для ребенка одну из пионерских газет, но если этого почему-либо нельзя сделать, тоже не большая беда: советские газеты обладают языком, доступным для всякого грамотного человека, и в них всегда можно найти материал, интересный и для ребенка. Надо при этом стараться, чтобы он и сам читал газету, чтобы она сделалась необходимым элементом его быта. Но обязательно и семейное обсуждение прочитанного или, по крайней мере, разговор по поводу его. Никогда это обсуждение не нужно делать формальностью, посвящать ему определенные часы, тем более не нужно посвящать ему много времени. Во время такого разговора не нужно родителям употреблять специальный поучительный тон. Обсуждение прочитанного должно иметь характер свободной беседы, и будет лучше, если такая беседа возникнет как будто нечаянно по поводу того или иного домашнего дела или сказанного кем-нибудь слова. Если таких хороших поводов не найдется, можно просто спросить, что сегодня интересного в газетах.

В старшем возрасте газета должна быть уже совершенно привычным и необходимым признаком советской культурности, активного и живого, близкого и горячего интереса мальчика или девочки к жизни его родины.

К н и г а. Знакомство с книгой также должно начинаться с чтения вслух. И в дальнейшем, как бы хорошо ни был грамотен ребенок, чтение вслух должно составлять одно из самых широких мероприятий семьи. Чрезвычайно желательно, чтобы такое чтение сделалось привычным и постоянным праздником среди рабочих будней. При этом, если сначала чтецами выступают родители, то в дальнейшем эта работа должна быть передана ребятам. Но как вначале, так и потом очень полезно, если такое чтение происходит не специально для слушателя-ребенка, а в кругу семьи, с расчетом на то, что оно вызовет и коллективный отзыв и обмен мнениями. Только при помощи такого кол-

лективного чтения можно направить читательские вкусы ребенка и выработать в нем привычку критически относиться к прочитанному.

Независимо от чтения вслух, должно постепенно прививать ребенку и охоту самому посидеть за книжкой. Самостоятельное чтение ребенка направляется преимущественно школой, особенно в старшем возрасте, но и родители могут принести много пользы, если не оставят это чтение без своего внимания. Это внимание должно выражаться в следующем:

а) должен контролироваться самый подбор литературы, так как еще и теперь приходится наблюдать, как наши дети держат в руках книги, неизвестно откуда пришедшие;

б) родители должны знать, как ребенок читает книгу; в особенности нужно бояться бессмысленного проглатывания страницы за страницей, безвольного следования только за внешней интересностью книги, — за тем, что называется фабулой;

в) наконец, необходимо приучать ребенка к бережливому отношению к книге.

Многие родители слишком скромны в своем отношении к книге. Они считают, что для этого нужно специально учиться, быть специалистом-книжником. Это — неверно. Как показал опыт изучения нашего советского читателя, наши люди умеют прекрасно разбираться в книге, очень часто нисколько не хуже записных критиков. Во всяком случае по всем вопросам, относящимся к книгам, можно получить консультацию учителя или библиотекаря, и в такой консультации никто никогда не откажет.

Кино. В наше время кино является самым могучим воспитательным фактором не только по отношению к детям, но и по отношению к взрослым. В Советском Союзе каждый кинофильм, создаваясь исключительно в государственных киностудиях, даже в случаях некоторой художественной неудачи не может принести большого вреда для слушателя-ребенка. Во многих случаях наши кинофильмы являются прекрасным и высокохудожественным воспитательным средством.

Тем не менее, это вовсе не значит, что кино можно предложить детям в неограниченном количестве и без контроля.

Прежде всего, родители должны обратить внимание на самое отношение ребенка к кино. Приходится иногда видеть, как кино делается главным содержанием жизни ребенка, когда он из-за кино забывает о своих других обязанностях и о школьной работе, не пропускает ни одной картины, на кино тратит все свои карманные деньги, и даже деньги, которые украдкой берет в семье. Обычно в таком случае можно наблюдать и другие несимпатичные стороны такого увлечения. Ребенок привыкает к пассивному удовольствию, которое часто не идет дальше простого безвольного зрительного впечатления, — он «глазеет» и только, художественные впечатления у него пробегают поверхностно, не задевая личности, не вызывая мысли, не ставя перед ним никаких вопросов. Польза такого посещения кино чрезвычайно незначительна, а иногда она обращается в большой вред. Поэтому

от родителей по отношению к кино требуется направляющее внимание, требуется постоянное руководство ребенком.

Мы рекомендуем позволять ребенку бывать в кино не больше двух раз в месяц. До 14—15 лет желательно, чтобы посещение кинотеатра происходило вместе с родителями или со старшими братьями или сестрами. Это нужно не столько для контроля поведения, а для того же, для чего мы советовали совместное чтение. Каждый кинофильм должен хотя бы на несколько минут сделаться предметом обсуждения и высказывания в семье, родители должны добиваться, чтобы и ребенок высказал о нем свое мнение, рассказал, что ему понравилось, что не понравилось, что произвело сильное впечатление. Если при этом родители увидят, что ребенка увлекают только внешние события, занимательность сюжета, история приключений того или другого героя, они должны при помощи одного, двух вопросов навести его на более глубокие и важные стороны кинофильма. Иногда даже не нужно задавать ребенку никаких вопросов, а нужно только в его присутствии высказать свое мнение.

В известной мере родители должны и выбирать на какой кинофильм более желательно направить ребенка. Почти всегда можно встретить человека, который уже просмотрел картину и кое-что может о ней рассказать. Некоторые картины уже потому нужно избегать, что они трудны по теме, ребенок в них не разберется, в других будет предложена такая тема, которая может вызвать неправильные реакции, в третьих слишком рано для ребенка предлагается тема любви или тема медицины. Разумеется, при выборе картины, нужно принимать во внимание и состояние ребенка, его работу в школе, его поведение. В очень редких случаях можно отложить посещение кино, если ребенок вел себя плохо или регулярно не выполняет школьных работ. Но очень часто бывает, что как раз просмотр хорошего кинофильма помогает ребенку восстановить правильное отношение к школе и к работе. Особенно полезны в этом смысле научно-популярные кинофильмы.

Театр. Все, что относится к кино, может быть отнесено и к театру. Но театр гораздо чаще предлагает темы непосильные и для интеллекта и для чувства ребенка. Такие спектакли, как «Отелло» или «Анна Каренина», должны быть признаны абсолютно противопоказанными для среднего возраста. С большой осторожностью нужно рекомендовать и посещение детьми некоторых балетов. В нашем обществе это достигается прежде всего запрещением входа в театры на вечерние спектакли до определенного возраста.

Вопросы выбора театральной пьесы не представляют труда, так как у нас во многих городах есть специальные театры для детей и специальный репертуар. Посещение этих театров представляет собой весьма желательное явление. Пьеса в театре требует от ребенка более серьезного и длительного напряженного внимания, в этом отношении театр гораздо сложнее кино. Уже то, что он подает пьесу с перерывами (антрактами), вызывает и

более внимательное отношение зрителя к частностям темы, поддерживает в нем более активный анализ. Наконец, посещение театра требует целого вечера, в известной мере он представляет событие в жизни ребенка. Этим обстоятельством родители в особенности должны воспользоваться.

Еще больше, чем кинофильм, театральная пьеса должна сопровождаться обсуждением и обменом мнений в семье.

Музеи и выставки. Почти в каждом городе у нас есть какой-нибудь музей или галерея. В некоторых городах очень много музеев, но родители редко пользуются ими. А, между тем, музей, выставка, галерея представляют собой очень важное воспитательное средство. Они требуют от ребенка серьезного внимания, развлекательный момент в них очень незначителен, они организуют работу детского интеллекта и вызывают большие и глубокие чувства. Нужно только стараться, чтобы осмотр музея не превратился в такое же «глазенье», относительно которого мы предупреждали, когда говорилось о кино. Поэтому никогда не нужно большие музеи осматривать за один раз. Третьяковской галерее нужно обязательно посвятить несколько дней. Музей революции также нужно осматривать в течение двух-трех дней.

Другие формы культурного воспитания. Мы коснулись только главных форм культурного воспитания, при этом тех, которые организуются советским государством. Родителям не нужно ничего придумывать в этих областях, они должны только как можно лучше использовать все культурные блага нашей страны.

Если родители полностью используют газету, книгу, кино, театр и музей, если к этому они даже ничего не прибавят, то и в этом случае они очень много дадут своим детям, дадут и в области знания и в воспитании характера.

Но многое родители могут и прибавить. Формы культурного воспитания в семье гораздо разнообразнее, чем кажется с первого взгляда. Возьмите обыкновенный выходной день, зимний или летний. Прогулка за город, знакомство с природой, с городом, с селом, с людьми, с такими великолепными темами как реконструкция городов, как жилстроительство, как проведение дорог, как строительство заводов, — все это замечательные темы для наполнения ими дня отдыха. Разумеется, не нужно обращать эти темы в специальные лекции, доклады. Прогулка так и должна остаться прогулкой, она должна быть отдыхом прежде всего, не нужно насиловать внимание ребенка и заставлять его выслушивать наши поучения. Но во время таких прогулок внимание ребенка останавливается невольно на том, что он видит, и несколько ваших слов, подкрепляющих его впечатления, даже шутливых, какой-нибудь рассказ, представляющий параллель с прошлым, даже рассказ смешной, — сделают незаметно свое большое дело.

Всеми мерами семья должна поощрять интерес к спорту. Нужно, однако, следить за тем, чтобы этот интерес не сделался интересом наблюдателя — болельщика. Если ваш сын с горячей страстью рвется на все футбольные матчи, знает имена всех ре-

кордсменов и цифровые выражения всех рекордов, но сам не принимает участия ни в одном физкультурном кружке, не катается на коньках, не бегает на лыжах, не знает, что такое волейбол, — польза от такого интереса к спорту очень невелика и часто равняется вреду. Точно так же мало смысла в интересе, проявляемом к шахматам, если ваш ребенок в шахматы не играет. Каждая семья должна стремиться к тому, чтобы ее дети были спортсменами не только по интересу, но и в своем собственном опыте. Конечно, в этом случае всего лучше, если и сами родители принимают участие в спорте. По отношению к пожилым родителям это требование может быть уже запоздало, но родители молодые имеют полную возможность втянуться в тот или иной вид спорта, и в таком случае спортивная дорога их детей будет гораздо лучше оборудована. Здесь уместно несколько слов сказать о том, что если наши отцы отдают известную дань спорту, то наши матери очень редко имеют к нему отношение, а между тем для молодых матерей спорт — очень полезное дело. Точно так же и наши девушки гораздо меньше втянуты в спорт, чем мальчики.

Кроме прогулок и спорта, в семье возможны такие формы культурного воспитания: устройство домашних спектаклей, выпуск стенгазеты, ведение дневников, организация переписки с друзьями, участие детей в политических кампаниях, участие детей в благоустройстве дома, организация детей во дворе, игр, прогулок и т. п.

Во всех видах домашнего культурного воспитания нужно отличать не только содержание ее, но и формы. В каждой работе нужно добиваться наибольшей активности детей, необходимо воспитывать не только уменье смотреть и слушать, но и уменье желать, хотеть, добиваться, стремиться к победе, преодолевать препятствия, втягивать товарищей и младших детей. В то же время такой активный метод должен отличаться отсутствием какого бы то ни было чванства, хвастовства, вниманием к товарищам.

Очень часто бывает, что первый успех в той или другой работе вызывает у ребенка преувеличенное представление о своих силах, пренебрежение к другим, привычку к быстрым победам. В дальнейшем это может отозваться неуменьем преодолевать длительные препятствия. Поэтому всегда хорошо, если родители нарисуют перед ребенком план на ближайшее будущее, если они заинтересуют его этим планом и будут следить за его выполнением. В такой план может быть введено и чтение книг, и газет, и посещение кино, театров и музеев и т. п.

Во всяком случае родители должны следить внимательно за тем, чтобы в практике культурного воспитания не начинали преобладать только интересы развлечения, убивания времени. Конечно, каждое культурное начинание должно доставлять и радость. Уменье соединить эту радость с большой воспитательной пользой и должно составить главное уменье родителей. В этом деле от родителей требуется некоторая изобретательность, по своим качествам вовсе не затруднительная. Даже в читку газет можно вне-

сти много нового и занятного для ребенка. Можно, например, побудить его делать вырезки по определенным вопросам, можно его научить, как сделать, например, домашнюю карту Китая с обозначением линии фронта. В более старшем возрасте можно заняться составлением альбомов с монтажем газетных вырезок и рисунков из журналов по тому или иному вопросу.

При помощи самых разнообразных методов культурную работу в семье можно сделать очень интересной и важной, имеющей большое значение для воспитания. Но решительно и всегда необходимо, чтобы за любой культурной темой, за любым делом и родители, и ребенок видели советский народ и наше социалистическое строительство. Вся эта работа должна иметь постоянное направление от активности культурной к активности политической. Ребенок все больше и больше должен чувствовать себя гражданином нашей страны, должен видеть героические подвиги наших людей, должен видеть ее врагов, должен знать, кому он вместе с другими обязан своей сознательной культурной жизнью.

ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

Вопрос о половом воспитании считается одним из самых трудных педагогических вопросов. И действительно, ни в каком вопросе не было столько напутано и столько высказано неправильных мнений. А, между тем, практически этот вопрос вовсе не так труден, и во многих семьях он разрешается очень просто и без мучительных колебаний. Он становится трудным только тогда, когда его рассматривают отдельно и когда ему придают слишком большое значение, выделяя из общей массы других воспитательных вопросов.

Вопрос о половом воспитании в семье может быть разрешен правильно только тогда, когда родители хорошо себе представят самую цель, которую они должны преследовать в половом воспитании своих детей. Если эта цель будет для родителей ясна, ясными станут и пути к ее достижению.

Каждый человек по достижении известного возраста должен жить половой жизнью, но половой жизнью живет не только человек, она составляет необходимую функцию жизни большинства живых существ.

Половая жизнь человека должна существенно отличаться от половой жизни животного, в этом отличии и заключаются цели полового воспитания. Животное имеет потребность в половой жизни постольку, поскольку оно стремится иметь потомство, у животных почти не бывает разврата. Человек сплошь и рядом стремится к половому наслаждению независимо от желания иметь детей, и это стремление иногда приобретает такие беспорядочные и нравственно неоправданные формы, что приносит несчастье и ему самому и другим людям. Человек прошел длинную историю развития, и развивался он не только как зоологический вид, но и как общественное существо. В истории этого развития давно выра-

ботаны человеческие идеалы для многих сторон нравственности, и в том числе выработаны идеалы половой жизни человека. В классовом обществе эти идеалы сплошь и рядом нарушались в угоду интересам правящих классов. Такие нарушения мы знаем и в форме семьи, и в положении женщины, и в деспотической власти мужчины. Мы хорошо знаем, что в некоторых странах происходила настоящая продажа и покупка женщин, знаем многие исторические формы многоженства, когда женщина рассматривалась только как предмет наслаждения мужчины, знаем о существовании такого безобразного явления, как проституция, когда мужчина просто на короткое время покупал ласку женщины, знаем, наконец, принудительные рамки семьи, когда мужчина и женщина принуждаемы были жить вместе независимо от того, хотят они этого или не хотят.

Октябрьская социалистическая революция уничтожила политическое, юридическое и экономическое неравенство женщины, освободив ее от многих видов оскорбительного отношения к ней со стороны мужчины. Но многие люди неправильно поняли эту новую свободу, они решили, что половая жизнь человека может проходить в беспорядочной смене супружеских пар, в так называемой «свободной» любви. В строго организованном человеческом обществе, тем более в обществе социалистическом, такая практика половой жизни обязательно приводит к недостойной человека простоте отношений, к их вульгаризации, к тяжелым переживаниям личности, к несчастьям, к разрушению семьи, к сиротству детей.

Как и во всей своей жизни, так и в половой жизни человек не может забыть о том, что он есть член общества, что он — гражданин своей страны, что он участник нашего социалистического строительства. Поэтому и в своем отношении к женщине или в своем отношении к мужчине советский человек не может игнорировать требования общественной нравственности, которая всегда стоит на страже интересов всего общества. И в половой сфере эта общественная нравственность предъявляет каждому гражданину определенные требования. Родители должны воспитывать своих детей так, чтобы из них не вышли люди, в своем поведении идущие против общественной нравственности.

Что требует общественная нравственность в вопросах половой жизни? Она требует, чтобы половая жизнь человека, каждого мужчины и каждой женщины, находилась в постоянном гармоническом отношении к семье и к любви. Она признает нормальной и оправданной нравственно только такую половую жизнь, которая основывается на взаимной любви и которая проявляется в семье, т. е. в открытом гражданском союзе мужчины и женщины, союзе, который преследует две цели: человеческое счастье и рождение и воспитание детей.

Отсюда ясны и цели полового воспитания. Мы должны так воспитать наших детей, чтобы они относились к любви как к серьезному и глубокому чувству, чтобы свое наслаждение, свою любовь и свое счастье они реализовали в семье.

Говоря о воспитании будущего полового чувства нашего ребенка, мы должны собственно говорить о воспитании его будущей любви и о воспитании его как будущего семьянина. Всякое иное половое воспитание будет обязательно вредным и противообщественным. Каждый родитель, каждый отец и каждая мать должны поставить перед собой такую цель, чтобы будущий гражданин, которого они воспитывают, или будущая гражданка, могли быть счастливы только в семейной любви и чтобы только в этой форме они могли искать и радостей половой жизни. Если родители такой цели перед собой не поставят, если они ее не достигнут, их дети будут жить беспорядочной жизнью пола, следовательно будут жить жизнью полной всяких драм, несчастья, всякой грязи и общественного вреда.

Поставив перед собой такую цель, родители должны подумать о средствах к ее достижению. Относительно этих средств они могут и в литературе специальной и в литературе художественной встретить самые разнообразные мнения и рецепты, самые противоречивые точки зрения и советы. Родители должны научиться хорошо разбираться в этих мнениях и считать правильными только такие, которые помогут им в ответственной работе воспитания и в достижении поставленных ими целей.

Правильное половое воспитание, как и всякое воспитание человеческого характера, достигается, конечно, на каждом шагу, если вообще правильно организована жизнь семьи, если под руководством родителей растет настоящий советский человек. В вопросах любви и семейной жизни решающими всегда будут общие способности человека, его политическое и нравственное лицо, его трудовая работоспособность, его честность, его преданность своей стране, его любовь к обществу. Поэтому совершенно правильным является утверждение, что половая жизнь будущего человека воспитывается всегда, на каждом шагу, когда родители или воспитатели даже и не думают о половом воспитании. Старая поговорка «Лень — мать всех пороков» очень правильно отражает этот общий закон, но у пороков — не одна мать. Не только лень, а всякое уклонение человека от правильного общественного поведения обязательно приводит к порочному поведению его в обществе, в том числе приводит и к беспорядочной половой жизни. Поэтому, разумеется, в вопросах полового воспитания решающими являются не какие-либо отдельные способы, специально предназначенные для полового воспитания, а весь общий вид воспитательной работы, вся его картина в целом.

Поэтому воспитывая в ребенке честность, работоспособность, искренность, прямоту, привычку к чистоте, привычку говорить правду, уважение к другому человеку, к его переживаниям и интересам, любовь к своей родине, преданность идеям социалистической революции, мы тем самым воспитываем его и в половом отношении. Среди этих общих методов воспитания есть такие, которые к половому воспитанию имеют большее отношение, есть такие, которые имеют меньшее отношение, но все они, вместе

взятые, в значительной мере определяют и наш успех в воспитании будущего семьянина, будущего мужа или будущей жены.

Но есть и отдельные воспитательные методы и приемы, которые специально как будто назначены, чтобы быть полезными именно в вопросах полового воспитания. И есть люди, которые в особенности на эти отдельные приемы и методы возлагают надежды и считают их наиболее мудрым выражением педагогического творчества.

Необходимо указать, что как раз в этих особых специальных советах и заложены наиболее вредные пути полового воспитания, и к ним нужно относиться с исключительной осторожностью.

Очень много внимания половому воспитанию было уделено в старое время. Тогда многие думали не только у нас, но и за границей, что половая сфера есть самая главная, решающая сфера в физической и психической конституции человека, что все человеческое поведение зависит от половой сферы. Сторонники таких «теоретических» положений старались доказать, что все воспитание юноши или девушки есть в сущности половое воспитание.

Многие из этих «теорий» так и остались погребенными в книгах, даже не дойдя до широкого читателя, но многие просочились в широкое общество и породили самые вредные и самые опасные мнения.

Больше всего беспокоились о том, чтобы ребенок был как-то по-особенному разумно подготовлен к половой жизни, чтобы он не видел в ней ничего «стыдного», ничего тайного. Стремясь к этому, старались как можно раньше посвятить ребенка во все тайны половой жизни, объяснить ему тайну деторождения. Конечно, с настоящим ужасом показывали на тех простаков, которые обманывали детей и рассказывали им сказки об аистах и других фиктивных виновниках деторождения. Полагали при этом, что если ребенку все разъяснить и растолковать, если в его представлении о половой любви не останется ничего стыдного, то этим будет достигнуто и правильное половое воспитание.

Надо с очень большой осторожностью относиться к таким советам. К вопросам полового воспитания надо относиться с гораздо большим спокойствием и не делать из них сокровенной тайны. Правда, ребенок часто спрашивает о том, откуда берутся дети, но из того, что ребенок заинтересован этим вопросом, не вытекает, что в раннем возрасте ему все нужно до конца объяснять. Ведь ребенок не только в половом вопросе кое-чего не знает. Многого он не знает и в других вопросах жизни, однако мы не спешим нагружать его непосильными знаниями раньше времени. Мы ведь не объясняем ребенку в три года, отчего бывает тепло или холодно, отчего увеличивается или уменьшается день. Так же точно мы не объясняем ему в семь лет устройство аэропланного мотора, хотя и этим вопросом он может заинтересоваться. Для всякого знания приходит свое время и нет никакой опасности в том, если вы ответите ему:

— Ты еще мал, подрастешь, узнаешь.

Нужно при этом отметить, что никакого особенно настойчи-

вого интереса к половым вопросам у ребенка нет и не может быть. Такой интерес наступает только в период полового созревания, но к этому времени обыкновенно ничего таинственного в половой жизни для ребенка уже нет.

Поэтому нет никакой срочной надобности торопиться с открыванием «тайны деторождения», пользуясь для этого случайным вопросом ребенка. В этих вопросах не содержится еще никакого особенного полового любопытства, сокрытие тайны никаких переживаний и страданий ребенку не приносит. Если вы более или менее тактично ответете вопрос ребенка, отделаетесь шуткой или улыбкой, ребенок забудет о своем вопросе и займется чем-либо другим. Но если вы начнете с ним толковать о самых секретных подробностях в отношении между мужчиной и женщиной, вы обязательно поддержите в нем любопытство к половой сфере, а потом поддержите и слишком рано взбудораженное воображение. То знание, которое вы ему сообщите, для него совершенно не нужно и бесполезно, но та игра воображения, которую вы у него возбудите, может положить начало половым переживаниям, для которых еще не наступило время.

Совершенно не нужно бояться того, что ребенок узнает о тайне деторождения от своих товарищей и подруги и будет держать свое знание в секрете. Секрет в этом случае вовсе не страшен. Ребенок должен приучаться к тому, что многие стороны жизни человека составляют интимную, секретную область, о которой не нужно делиться со всеми, которую не нужно выставлять на показ всему обществу. И только тогда, когда у ребенка уже воспитано это отношение к интимной жизни людей, когда у него есть большая привычка к целомудренному умолчанию о некоторых вещах, только тогда, следовательно в более позднем возрасте, можно говорить с ребенком о половой жизни. Эти беседы должны происходить строго по секрету между отцом и сыном или между матерью и дочерью. Они будут оправданы действительной и прямой пользой, так как будут соответствовать естественному пробуждению половой жизни у юноши или девушки. В это время такие беседы уже не могут принести вреда, так как и родители, и дети уже понимают, что они касаются важной и секретной темы, что обсуждение этой темы необходимо по соображениям пользы, что эта польза, оставаясь интимной, будет в то же время и реальной. Такие беседы должны касаться как вопросов половой гигиены, так и в особенности вопросов половой нравственности.

Признавая необходимость таких бесед в период полового созревания, не нужно все же преувеличивать их значение. Собственно говоря, будет гораздо лучше, если эти беседы проведет врач, если они будут организованы в школе. Между родителями и детьми желательна всегда атмосфера доверия и деликатности, атмосфера целомудрия, которая иногда нарушается слишком откровенными разговорами на такие трудные темы.

Против слишком ранних обсуждений полового вопроса с детьми нужно возражать и по другим соображениям: открытое и

слишком преждевременное обсуждение половых вопросов приводит ребенка к грубо рационалистическому взгляду на половую сферу, кладет начало тому цинизму, с которым иногда взрослый человек так легко делится с другим самыми сокровенными своими половыми переживаниями.

Такие беседы с детьми ставят перед ребенком половую тему в узко физиологическом оформлении. Половые темы в этом случае не будут облагорожены темами любви, т. е. более высокого и общественно ценного отношения к женщине. В каких словах можно малому ребенку сказать, что половые отношения оправдываются любовью, если и о любви ребенок не имеет еще никакого представления. Волей неволей такие беседы будут беседами узко физиологическими.

Говоря с сыном или дочерью в более позднем их возрасте о половой жизни, вы уже имеете возможность связывать ее с любовью и воспитывать у юноши или у девушки глубокое уважение ко всем этим вопросам, уважение гражданское, эстетическое и человеческое. С темами любви наши юноши и девушки знакомятся открыто из литературы, из окружающего опыта людей, из общественных наблюдений. Родители и должны опираться на эти, уже имеющиеся у молодых людей знания и представления.

Половое воспитание и должно быть воспитанием именно любви, т. е. большого и глубокого чувства к женщине, чувства, украшенного единством жизни, стремлений и надежд. Но такое половое воспитание должно проводиться без слишком открытого и в сущности циничного разбора узко физиологических вопросов.

Как проводить такое половое воспитание? В этом деле самое главное место имеет пример. Настоящая любовь между отцом и матерью, их уважение друг к другу, помощь и забота, открыто допустимые проявления нежности и ласки, если все это происходит на глазах у детей с первого года их жизни, являются самым могучим воспитательным фактором, необходимо возбуждают у детей внимание к таким серьезным и красивым отношениям между мужчиной и женщиной.

Вторым важнейшим фактором является вообще воспитание чувства любви у ребенка. Если, вырастая, ребенок не научился любить родителей, братьев и сестер, свою школу, свою родину, если в его характере воспитаны начала грубого эгоизма, очень трудно рассчитывать, что он способен глубоко полюбить избранную им женщину. Такие люди проявляют очень часто самые сильные половые чувства, но всегда склонны не уважать ту, которая их привлекает, не дорожить ее духовной жизнью и даже не интересоваться ею. Они поэтому легко меняют привязанности и очень недалеко стоят от обыкновенного разврата. Конечно, это бывает не только с мужчинами, но и с женщинами.

Любовь неполовая — дружба, опыт этой любви-дружбы, переживаемый в детстве, опыт длительных привязанностей к отдельным людям, любовь к родине, воспитанная с детства, — все это самый лучший метод и воспитания будущего высоко обществен-

ного отношения к женщине-другу. А без такого отношения дисциплинировать и обуздать половую сферу вообще очень трудно.

И поэтому мы советуем родителям чрезвычайно внимательно относиться к вопросу о чувствах ребенка к людям и к обществу. Необходимо заботиться, чтобы у ребенка были друзья (родители, братья, товарищи), чтобы его отношение к этим друзьям не было случайным и эгоистичным, чтобы интересы друзей занимали ребенка. Как можно раньше нужно пробуждать интерес у ребенка к своему селу или городу, к заводу, на котором работает отец, а потом и ко всей нашей стране, к ее истории, к ее выдающимся деятелям. Конечно, для такой цели мало одних разговоров. Надо, чтобы ребенок много видел, о многом думал, чтобы он переживал художественные впечатления. Этим целям замечательно хорошо соответствует художественная литература, кино, театр.

Вот такое воспитание будет уже положительным воспитанием и в половом отношении. Оно будет создавать те черты личности и характера, которые необходимы человеку-коллективисту, а такой человек и в половой сфере будет вести себя нравственно.

В том же направлении будет полезно действовать и правильный режим, установленный в семье. Мальчик или девочка, с детства привыкшие к порядку, не имеющие опыта беспорядочной и безответственной жизни, эту свою привычку перенесут и на отношение к мужчине или к женщине.

Правильный режим имеет и другое, более частное значение. Беспорядочный опыт половой жизни очень часто начинается в условиях случайных, беспорядочных встреч мальчиков и девочек, безделья, скуки, бесконтрольного пустого времяпровождения. Родители должны хорошо знать, с кем встречается ребенок, какие интересы присутствуют в этих встречах. Наконец, правильный режим способствует просто правильному физическому самочувствию ребенка, при котором никогда не возникнет никакое слишком раннее половое переживание. Во-время лечь спать и во-время встать, не валяться в постели без мысли и нужды — это уже хорошая нравственная, а следовательно и половая закалка.

Следующим важным условием полового воспитания является нормальная загруженность ребенка заботой и работой. Об этом говорилось в других беседах, но этот вопрос имеет и большое значение в половом воспитании. Некоторая нормальная приятная усталость к вечеру, представление об обязанностях и работах в течение дня по утрам, — все это создает очень важные предпосылки для правильного развития воображения, для равномерного распределения сил ребенка в течение дня. При таком условии у ребенка не остается ни психического, ни физического стремления к пустому ленивому бродяжничеству, к излишней игре воображения, к случайным встречам и впечатлениям. Те дети, которые провели свое первое детство в условиях правильного и точного режима, обыкновенно и вырастают с симпатией к такому режиму, с привычкой к нему, у них и отношения к людям создаются более упорядоченные.

В таком же значении правильного общего воспитания, отра-

жающегося обязательно и на половой сфере, выступает и спорт. Правильно организованные спортивные упражнения, в особенности коньки, лыжи, лодка, регулярная комнатная гимнастика, — приносят очень большую пользу, настолько очевидную и известную, что доказывать эту пользу не нужно.

Все указанные выше воспитательные мероприятия и начала как будто не направлены непосредственно к цели полового воспитания, но они неуклонно ведут к этой цели, так как наилучшим образом содействуют воспитанию характера, организуют психический и физический опыт молодежи. Они и являются самыми могучими средствами полового воспитания.

Только в том случае, если эти начала и методы применяются в семье, становится более облегченным и эффективным и прямое воздействие родителей на детей и юношей при помощи бесед. Если же указанные нами выше условия не соблюдены, если не воспитывается чувство ребенка к отдельным людям и коллективу, если не организован режим и спорт, никакие разговоры, даже самые остроумные и своевременные, не могут принести пользы.

Беседы эти должны возникать обязательно по случаю. Никогда не нужно вести беседы авансом, поучая ребенка вперед, ничего не предъявляя ему в его поведении. Но в то же время необходимо в этом поведении подмечать мельчайшие случаи уклонений от нормы, чтобы ничего не запустить и не остановиться потом перед совершившимся фактом. Поводом для таких бесед должны быть: свободные циничные разговоры и словечки, наклонность к фривольным анекдотам, повышенный интерес к чужим семейным скандалам, подозрительное и не вполне чистоплотное отношение к любовным парам, легкомысленная дружба с девушками, явно не свободная от простого полового интереса, неуважение к женщине, излишнее увлечение нарядами, ранняя кокетливость, интерес к книгам, слишком открыто изображающим половые отношения.

В более старшем возрасте беседы эти могут иметь характер убеждения, раскрытия и анализа явления, показа более положительных решений вопроса, указания на пример других юношей и девушек.

В более молодом возрасте эти беседы должны быть короче и иногда не лишены тонов прямого запрещения и укора, простого требования более чистоплотного поведения.

Гораздо лучше бесед влияют высказывания родителей, направленные по адресу посторонних лиц, если в их поведении выдвинуты проблемы полового характера. В таких высказываниях родители совершенно свободно могут выразить и чувство резкого осуждения и даже отвращения, могут при этом показать, что от своего сына или дочери они ждут других образцов поведения и настолько уверены в этом, что даже не говорят о своих детях. В таком случае никогда не нужно говорить:

«Никогда так не делайте, это — нехорошо», а лучше сказать так: «Я знаю, что ты так не сделаешь, ты — не такой».

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В ШКОЛЕ И СЕМЬЕ

Сокращенная стенограмма доклада А. С. Макаренко 8 февраля 1939 г. в Московском Доме учителя.

Нельзя ставить вопрос о воспитании в зависимость от качества или таланта отдельно взятого учителя. Так, по крайней мере, говорит моя логика, так говорит и мой опыт. Я тоже когда-то начинал с убеждения, что отдельный учитель — это все и что именно он должен воспитывать. Я тоже представлял себе воспитание как какой-то парный процесс, как писали в старых педагогических книгах: учитель, учитель, учитель, ребенок, ребенок, ребенок — и все это в единственном числе. Так и представлял себе: я — учитель, ты — ребенок, мы — один-на-один, и я тебя воспитываю.

Сейчас я настаиваю на том, что правильной воспитательной организацией, руководящей воспитательной организацией и по отношению к отдельному учителю, и по отношению к отдельному ученику, и по отношению к семье, должна быть школа как нечто целое, как единый школьный коллектив.

Как только мы поставим такой тезис, так на нас наваливается бесчисленное множество вопросов методики школьного воспитания.

Первый вопрос — о педагогическом коллективе.

Второй вопрос — о детском коллективе, руководимом педагогическим коллективом.

И третий вопрос — педагогический коллектив и семья.

Возьмем вопрос о педагогическом коллективе. Я в своей практике этот вопрос разработал до конца. И не в теории, а на опыте. Я много мучился, много ошибался, много путал, много пробовал, много сомневался и страдал от этих сомнений, но в конце концов пришел к определенной форме педагогического коллектива.

И я говорю вам (вы и без меня это знаете): там, где нет коллектива в полном смысле этого слова, там, где нет полного единства всех педагогов школы между собой, там, где нет помощи друг другу и большой требовательности друг к другу, там, где нет уменья говорить своему товарищу неприятные вещи и не обижаться, если тебе говорят неприятные вещи, там, где нет уменья приказать товарищу (а это — трудное уменье), и подчиняться товарищу (а это еще более трудно), — там нет и не может быть педагогического коллектива.

Коммунистическое воспитание. Мы очень часто говорим эти слова и думаем, даже искренно думаем и искренно хотим воспитывать детей коммунистами. А давайте проверим на своем собственном поведении — воспитаны ли мы сами по-коммунистически? Не всегда.

У моих коммунаров-дзержинцев были очень интересные измерители: кто воспитан коммунистически и кто не воспитан. Эти измерители они сами придумали. Надо сказать, что они очень много этим делом занимались.

Воспитателей у нас не было. Были только учителя, были бригадиры, командиры, и был я. Однажды коммунары постановили: в трамвае нужно уступать место. Ты — молодой человек, у тебя позвоночный столб в порядке, ты здоров, зачем тебе сидеть в трамвае? А вот в трамвай вошел человек. Может быть, он болен, может быть, он устал, может быть, это старик, может быть, человеку просто отдохнуть хочется. Уступи ему место. Постановили уступать место всегда и всем, не только старикам, но и всем, конечно, кроме мальчишек и юношей. И стали действительно уступать место.

Это постановление общего собрания не нужно было проверять. Вообще постановления общих собраний проверять не приходилось. Каждый считал за честь уступить место в трамвае. Через два месяца на общем собрании поднимается такого рода вопрос: некоторые из наших ребят уступают место в трамвае, но, вы понимаете, противно смотреть на них. Он место уступил и каждому в глаза смотрит: заметили или не заметили, что он место уступил? И решили постановить: нечего в глаза заглядывать! Постановили — уступать место так, чтобы никто не заметил, никто не видал. И я потом сам видел, как это делается. Еду я в трамвае, сидят два коммунара. Они меня не видят. В трамвай входит человек. Коммунар встает и уступает ему место, но делает это так, как будто бы он встал не для того, чтобы уступить ему место, а потому, что ему нужно выйти из трамвая.

Вот это — настоящее коммунистическое воспитание, когда человек ничего не ищет, когда он достигает высшей сознательности, когда он чувствует уважение к самому себе.

В дальнейшем выкристаллизовалась такая идея: поступать правильно для себя самого, когда никто об этом не знает, когда тебя за это никто не похвалит, никто не поблагодарит. Это мы сделали основным принципом нашей работы под флагом: моя сила, и я ее уважаю, уважаю себя, я настолько силен, что не нуждаюсь в аплодисментах окружающих.

Как будто бы пустяковый принцип, но я не вижу его в некоторых педагогических коллективах. Мне приходится бывать во многих школах. Иногда говорят: вот отличница классный руководитель, у нее класс лучше всех. Я знакомлюсь и вижу, что эта отличница заглядывает всем в глаза: все ли видят, что она — отличница, все ли наслаждаются этим, все ли ей завидуют? Она живет своим очарованием, которое распространяет вокруг себя как отличница. Она все время думает об этом.

На этой почве на каждом шагу мы сталкиваемся с такими фактами. Вдруг появляется новая отличница, которая может ее, что называется, заткнуть за пояс. Может быть такой случай? Может. И вот, я вижу уже в разговоре между ними какие-то странно «дамские» нотки. Как будто бы ничего плохого не сказано, все очень вежливо, но какие-то шипы выглядывают из каждого подлежащего, из каждого сказуемого. Внешне все благополучно, даже благоуханье чувствуется: ах, какая вы милая, ах, как

у вас все хорошо выходит! Но чувствуешь, что не просто, не по-товарищески говорится, чувствуешь, что человека зависть гложет.

Пригласили меня однажды в одном районе на собрание учителей-отличников в качестве почетного гостя. Вижу — сидят люди, едят пирожное, пьют чай, произносят тосты. Все очень хорошо, очень дружно. А когда немножко повеселели и со мной дружеские отношения начались, говорят: какие они там отличники, та с директором в хороших отношениях, а у той в школе своя компания, так они друг друга выдвигают, а эта всем ученикам ставила «отлично», «отлично» и «отлично».

Поговорил я с тем, с другим, с третьим. Думаю: куда же это я попал? Выходит так, что сплошные мошенники собрались.

Тогда я начал расспрашивать:

— Скажите, а вот этот как?

— Ах, это скучнейший человек, серое существо, ничего не стоит, вытягивал свои «отлично», как лошадь работает.

— А вот такая-то?

— Да вы же видите, как она держится: и плечи и глаза в ход пускает.

Что это значит? Вероятно, люди немало поработали, чтобы заслужить звание отличников, и все-таки за углом где-то считают, что это неправильно, кто-то недоволен.

Если такие люди в школе имеются, так какой же может быть разговор о едином школьном коллективе?

Поэтому я считаю: та школа, где нет единого школьного коллектива, как правило, не может руководить воспитанием в школе и не может руководить семьей.

На что может рассчитывать такой школьный коллектив? Только на силы отдельных учителей. Есть учителя хорошие, опытные работоспособные — они что-то сделают. А если учителя молодые, которые только что пришли в школу, они ничего не сделают. Есть учителя, которые не умеют делать, и им никто не показывает, никто их не научит.

Между тем нет такой специальности, которой нельзя было бы выучить человека. Говорят, что если зайца бить, он будет спички зажигать. А человека и бить не нужно. Он может освоить любую специальность. А специальность учителя — быть воспитателем, педагогом.

Это — очень легкое дело. Уверяю вас, воспитание человека — чрезвычайно легкое, очень хорошее, прекрасное дело. Но при каких условиях? Об этом я скажу дальше.

В последние годы я приглашал к себе каких угодно учителей и прежде всего старался их учить. Я уже стал мастером, а они еще молодые. И я говорил каждому из них: пришел ко мне, ничего не знаешь, учись. И он видел, что я говорю правду.

Если в школе есть такой коллектив, для которого успех целой школы стоит на первом месте, а успех его класса стоит на втором и затем уже на третьем месте его личный успех как педагога, то в таком коллективе будет настоящая воспитательная работа.

Вторым важным условием я считаю единый коллектив учеников школы. Я уже писал в «Правде» о том, что у нас нет школьного коллектива, а есть классный коллектив. Школьный коллектив как-то не создается. Ученики старших классов не знают учеников младших классов. А если и знают, то относятся к этому так: я — ученик 10-го класса, я выделен пионервожатым в 5-й класс, и я знаю, что делается в моем 5-м классе.

Это, товарищи, совсем не то. Это не единый школьный коллектив. Школа все-таки разбита на несколько коллективов, и каждый коллектив живет отдельно. 9-й класс знает только себя. Может быть, знает другие 9-е классы, но не больше.

Я не представляю себе такой работы. Я не сумел бы работать, если бы у меня не было единого школьного коллектива.

Во всяком случае, если бы мне сейчас дали школу, то я первой своей задачей поставил бы создание единого школьного коллектива. Что для этого нужно? Я уверен, что для этого нужны единые школьные интересы, единые школьные формы работы, единое школьное самоуправление и, наконец, общение, соприкосновение этого коллектива.

У вас есть такой инструмент, как коллектив школы, и коллектив первичный — класс. Коллективы эти расположены близко друг от друга и должны находиться в нормальных взаимоотношениях друг с другом. Когда есть такой коллектив, тогда вопрос об отношении к семье разрешается гораздо легче.

Конечно, школьный коллектив трудно представить себе без хорошей дисциплины. Возьмем такой чисто технический вопрос, как ежедневные общие собрания. Когда говоришь: «ежедневные общие собрания», каждый опускает глаза и думает: легко сказать — ежедневные общие собрания, разве это возможная вещь? А на самом деле — очень возможная вещь и к тому же очень интересная. Но эти ежедневные общие собрания нужно прежде всего хорошо организовать. Как и все, это нужно сделать. Я, например, у себя в коммуне имел ежедневные общие собрания. Сначала было трудно. Что нужно прежде всего? Прежде всего нужна точность. Общее собрание назначается на 8 ч. 30 м. В 8 ч. 29 м. (не 28 минут и не 30 минут, а точно 29 минут) дается сигнал, и ровно в 8 ч. 30 мин. общее собрание открывается.

Это входит в привычку. Секретарь совета бригадиров смотрит на часы и ровно в 8 ч. 30 минут говорит: объявляю общее собрание открытым. Ни одной минуты мы не потеряли зря.

Регламент определяется просто: одна минута по песочным часам.

— Дай слово!

— Получай.

Перевернул песочные часы. Песок высыпался — минутка кончилась. На общем собрании о деле нужно говорить одну минуту. Сначала было трудно, а потом привыкли и приучились просто замечательно. Некоторые даже короче говорили.

При таком жестком регламенте люди приучаются говорить

очень коротко, не размазывать, не говорить лишних слов. Человек приучается к деловитости.

Это очень простой и как будто даже не педагогический вопрос — расположение во времени, но он является решающим. Надо выдерживать время, выдерживать точность. Точность — это первый закон. Точность позволяет иметь ежедневные общие собрания. А ежедневные общие собрания — это постоянный контроль коллектива, постоянное знание друг друга, постоянное знание дел друг друга и первичного коллектива.

Такие собрания я считаю полезным практиковать и в школе. Сначала будет скучно. Десятиклассники будут скучать. Почему? Да потому, что обсуждается поведение малыша и среднего класса. Но когда этот малыш один раз промелькнет на собрании, другой раз, третий, десятиклассники его узнают и невольно заинтересуются им. А потом, глядишь, в коридоре увидят его за какой-нибудь шалостью и вспомнят:

— Ведь ты вчера был на общем собрании, отдувался там, а теперь опять летишь, как сумасшедший.

И малыш поймет, что этот старший был на общем собрании, заметил его и теперь узнал.

Это — техника, которая, может быть, кажется нелогичной, но которая возникает сама в том коллективе, где практикуются общие собрания.

Я являюсь сторонником некоторой военизации. Это не муштровка, а та же экономия сил. Такая военизация необходима. Форм военизации много: есть коллективные игры, которые очень увлекают ребят. При такой военизации очень легко руководить коллективом и легко ставить и разрешать вопросы вне общих тем.

Даже трудные случаи переживаются очень легко. Допустим, кто-нибудь что-нибудь украл. В плохо организованном коллективе, разбитом на классы, создается бедственное положение, некоторое нравственное потрясение. В здоровом коллективе, да еще военизированном, вопрос этот разрешается легко. В коммуне им. Дзержинского на воровство в последние годы смотрели, как на пустяковый случай.

Мы не считали воровство преступлением. Почему? Потому что коллектив был сплоченным. Коллектив — это единое коллективное мнение, это — мнение 500 человек, которое выражается даже не в речах, а в репликах. А главное: что один сказал, то все и думают. Вы сами знаете, товарищи, что у ребят именно так бывает. У них удивительная общность взглядов. Один сказал, и все понимают: он не сказал бы так, если бы это противоречило общему мнению. Есть какое-то чутье, что это — именно общее мнение. Такое коллективное воздействие дает в руки воспитателю, директору большую силу, и при этом силу чрезвычайно нежную, которая еле-еле заметна.

Я могу вызвать к себе самых отчаянных дезорганизаторов, как у вас говорят, и сказать:

— Завтра ставлю вопрос на общем собрании.

— Антон Семенович, что угодно, как угодно накажите, только не ставьте вопрос на общем собрании.

А почему боялись общего собрания? Нужно выйти на середину комнаты, встать и отвечать на все стороны. Только и всего. Это не позор, а ответственность перед коллективом. Это дается трудно, но зато, когда дается, это — страшная вещь, это — очень сильное средство. При этом разрешается проклятый, наболевший вопрос, о котором мы толкуем в наших школах: не выдавать товарища. Это — солидарность, обращенная обратной стороной к педагогу. Солидарность несоветская. И она не может быть уничтожена, если нет общественного мнения единого школьного коллектива, созданного единым педагогическим коллективом. Никогда не исчезнет это «геройство» — не выдавать товарища, если не будет общественного мнения. Я достаточное время помучился над этим вопросом. И я увидел, как без моих усилий, без педагогической инструментовки, без каких-то особых методов выросла и укрепилась традиция: никто никогда не приходил ко мне тихонько в дверь и не говорил шопотом: Антон Семенович, я вам что-то скажу! Каждый знал, что, если он это сделает, я его с лестницы спущу. Никаких разговоров на ухо. Вечером на общем собрании кто-нибудь поднимается и говорит: произошло то-то и то-то. И никто никакой обиды на своего товарища не имел за то, что он поднял тот или иной вопрос на общем собрании.

Очень часто говорили так: такой-то — мой лучший друг, тем не менее я заявляю протест в связи с его недостойным поведением. И никому в голову не приходило обвинять человека, который так прямо и открыто выступал. Его поведение не пахнет героизмом, он делает обычное дело — на общем собрании призывает к ответственности своего товарища.

В педагогической литературе не разработан самый важный вопрос — какие формы коллектива должны действовать? Почему-то ученые педагоги считают, что форма не имеет значения. Я с этим не согласен. Форма имеет очень большое значение. У нас, например, был такой порядок. Если командир скажет мне что-нибудь о своем товарище в присутствии других товарищей, я могу ему не поверить, другой может сказать, что это неправда, что дело было не так, я могу вызвать свидетелей, допрашивать, расследовать и т. д. Но если этот же командир говорит то же самое вечером во время рапортов, когда все стоят «смирно» и когда я тоже стою «смирно», когда все друг другу салютуют, — я его не проверяю, я ему верю.

Следующий закон, который почему-то не используется в школе. У нас каждый коммунар, пробыв некоторое время в коллективе, становился настоящим членом этого коллектива, получал значок ФД — Феликс Дзержинский, и с тех пор, как он получал этот значок, ему обязаны были верить на слово, если дело касалось его лично. Если он говорил: я там не был, считалось неприличным проверять. Доверие — это первое право.

Это тоже, товарищи, инструментовка. И таких форм инструментовки вы в ваших школах можете придумать множество. Но они будут эффективны только тогда, когда все они будут направлены к созданию единого общественного мнения, единой системы, единых традиций в коллективе. Тогда школьный коллектив делается исключительно мощным средством. Я не могу представить себе, чтобы такой коллектив нельзя было создать.

Возьмите, например, вопрос об отношении старших и младших, десятиклассников к первоклассникам. Надо добиться такого положения, чтобы 8-, 9-, 10-летний мальчик смотрел на старшего, на ученика 10-го класса, как на свое заветное будущее, чтобы он его любил, чтобы он был в него влюблен, именно влюблен, чтобы он видел в нем что-то более высокое, чтобы старший был для него примером. Тема дружбы младших учеников со старшими — совершенно неизбежная тема, если только вы хотите организовать единый школьный коллектив.

Не буду сейчас говорить о ней, потому что это далеко заведет нас. Скажу только, что я на протяжении последних 8 лет добивался такой дружбы. У каждого старшего ученика обязательно был так называемый «корешок». Это, пожалуй, термин беспризорных, но он у нас укоренился. Он был у нас официальным термином. Каждый имел своего корешка в другом классе, в другом цехе, в другом отряде. Тем не менее они всегда были вместе. Это — неразлучная пара, это — младший и старший брат, причем старший брат крепко держал в руках младшего. Если младший что-нибудь набедокурил, если он стоит перед общим собранием, то обязательно раздается голос:

— А чей он корешок?

— Володьки Козыря.

— Пусть Володька Козырь даст объяснение.

И Володька Козырь, комсомолец, ученик 10-го класса, 17-летний парень, вставал и говорил:

— Прозевал, я его исправлю, не наказывайте.

— Ну, иди, шеф за тебя поручился.

Такая дружба старших с младшими создает удивительные отношения в коллективе, придает им такую прелесть, какая бывает только в семье, прелесть отношений младших и старших. Корешки ходили всегда компаниями. Человек 10 корешков, и около них столько же старших.

Никакой школьной воспитательной работы старшие не проводят. Но у них настоящее братство, настоящие братские отношения к малышам. И такое братство сохраняется на всю жизнь. Старшие уезжали потом в вуз в Москву и не забывали своих корешков, переписывались с ними. Если старший приезжал в отпуск из вуза, так корешок за 3 километра бежал встречать его. Полдня, бывало, в лесу торчит, ждет, когда его старший приедет.

Без такой инструментовки не может быть коллектива. Вы заметили, товарищи, что здесь пахнет семьей? Если бы в школе

была такая дружба, которую всегда легко организовать, этим можно было бы очень многого достигнуть. Такую дружбу можно создать не силами хорошего педагога, а силами хорошего педагогического коллектива и хорошего руководителя.

Такую дружбу, товарищи, организовать очень легко, и об этом стоит подумать. Когда есть школьный коллектив, педагогический коллектив и детский коллектив, тогда все воспитательные вопросы становятся на свое место. И тогда высоко взвивается школьное знамя, встает вопрос о чести коллектива. Честь коллектива поднимается у нас до сих пор либо очень редко, либо формально на каких-нибудь заседаниях, во время торжественных заявлений, и не поднимается в быту. Для организации коллективной чести также нужна инструментовка, и очень важная. Буду говорить об отдельных деталях.

Прежде всего знамя. У нас знамя стояло в кабинете. Бархатный балдахин, под ним знамя. Если нужно было это знамя перенести из одной комнаты в другую, например на время ремонта, мы делали это очень торжественно. Все одевали новые костюмы. Все 600 человек выстраивались общим строем. Выходил оркестр в 60 человек. Равнялись. Взводные командиры впереди. Затем раздавалась команда: «Смирно!». И знамя в чехле торжественно переносилось из одной комнаты в другую.

Мы не могли допустить, чтобы знамя переносилось без отдания почестей. Когда мы шли в город или в поход, или на прогулку, мы шли со знаменем. Совсем другое дело итти со знаменем. Идешь как-то иначе. А ведь знамя — это только одна из деталей. Но даже с помощью одного знамени сколько можно сделать хорошего, полезного и как можно все это торжественно обставить. Например, выборы знаменщика. Знаменщик считался у нас самым почетным человеком в коллективе. Его нельзя наказывать, ему нельзя было объявить выговор. Он был неприкосновенен. Он был примером для остальных во всех отношениях. Как проходил у нас выбор знаменщиков? Казалось бы, пустяк: выбрать человека, который будет носить знамя. Но мы выбирали лучшего из всего коллектива. Знаменщик — это самый симпатичный товарищ, это самый лучший ученик, это самый лучший стахановец.

Все это, товарищи, основания для того, чтобы сбить коллектив в единое целое. И таких оснований много.

Как разрешается, товарищи, у нас вопрос об учительском авторитете? Очень часто тот или иной учитель заявляет:

— Вы подорвали мой авторитет, вы при учениках сделали мне замечание, вы объявили мне выговор.

Спрашивается: на чем же базируется авторитет? Неужели на вашей безнаказанности? Неужели на том убеждении, что вы никогда не можете согрешить? Я ставлю вопрос так: учительский авторитет базируется на ответственности в первую очередь. Учитель должен, не стесняясь, сказать своим ученикам:

— С меня требуют, я отвечаю, я ошибаюсь, я за свою ошибку отвечаю. Вы видели, что я отвечаю?

— Видели.

— С меня требуют, поэтому и я требую с вас.

Нет ничего позорного, если директор объявит выговор учителю. Пусть учитель считает, что он не совсем виноват, но раз директор объявил ему выговор, он должен этим выговором воспользоваться для поднятия своего авторитета. Он должен сказать:

— Да, я ошибся. Я наказан, потому что я отвечаю за свою работу. И вы извольте отвечать за свою работу. Я требую этого от вас.

У меня был Иван Петрович Городич. Это было еще в колонии им. Горького. Он что-то не так сделал в походе. Он дежурил по колонии. Я страшно разозлился. Спрашиваю:

— Кто дежурный?

— Я дежурный.

— Пять часов ареста.

— Есть пять часов ареста.

Слышу голос Ивана Петровича, моего заместителя, педагога. Мне даже холодно немножко стало. Он снял с себя пояс, отдал дежурному, пришел ко мне в кабинет:

— Я прибыл под арест.

Я сначала хотел было сказать ему: брось. А потом думаю: ладно, садись. И просидел пять часов под арестом. Ребята заглядывают в кабинет — Иван Петрович сидит под арестом.

Когда кончился арест, он вышел на улицу. Ну, думаю, что-то будет. Слышу гомерический хохот. Ребята его качают.

— За что?

— За то, что сел под арест и не бузил.

Авторитет, товарищи, нужно создавать самим, пользуясь для этого всякими случаями жизни. В хорошем коллективе авторитет нельзя подорвать. Сам коллектив поддерживает его.

Теперь о семье. Семьи бывают хорошие, и семьи бывают плохие. Поручиться за то, что семья воспитает как следует, нельзя. Говорить, что семья может воспитывать как хочет, мы не можем. Мы должны организовать семейное воспитание, и организующим началом должна быть школа как представительница государственного воспитания. Школа должна руководить семьей.

Спрашивается: как руководить? Вызвать родителей и сказать «примите меры», — это не руководство. Вызвать родителей, развести руками и сказать: ах, как же это так у вас плохо получается, — это тоже не поможет. Что же может помочь и как можно помочь? Плохого родителя, т. е. родителя, не умеющего воспитывать, всегда можно научить, так же, как и педагога можно научить.

Недавно ко мне пришел один родитель и говорит:

— Я коммунист, рабочий. У меня есть сын. Не слушается. Я ему раз говорю — не слушается. Второй раз говорю — не слу-

шается. Третий раз говорю — не слушается. Что же мне с ним делать?

Усадил я этого родителя, который пришел ко мне, и начал с ним разговаривать:

— Ну-ка, покажите, как вы говорите со своим сыном.

— Да вот так.

— А попробуйте вот так.

— Не выходит.

— Повторите.

Я позанимался с ним полчаса, и он научился отдавать приказание. Дело было только в голосе. Из-за такого пустяка, из-за голоса — и такая драма.

Помощь родителям со стороны школы возможна только тогда, когда школа представляет собой единый, целый коллектив, знающий, чего она требует от учеников, и твердо предъявляющий эти требования. Это — один из способов помощи родителям. Кроме того, есть и другие способы. Нужно изучить семейную жизнь, нужно изучить причины плохого характера. Не буду перечислять здесь все способы помощи семье.

У меня была такая встреча с одной мамашей. Она жаловалась на то, что ее мальчугана выгоняют из всех школ. Мальчик был в такой-то школе, потом был в школе для дефективных детей, потом в школе с особым режимом, потом в лесной школе, потом был в санатории, потом был в психиатрической больнице, потом в колониях НКВД. И отовсюду бежал.

Тут уже я не вытерпел!

— Пощадите. Несчастный ребенок! Вы ему все нервы истрепали. Человек даже со здоровыми нервами не сможет выдержать перемены 20 коллективов в течение каких-нибудь пяти лет.

Человек не может привыкнуть ни к одному коллективу. Сегодня он в одном коллективе, завтра в другом, потом в третьем, четвертом. Человек начинает бродить между коллективами, и из него получается индивидуалист плохого сорта. Этот вопрос очень интересен, и педагог обязан его исследовать.

Другой вопрос — беспорядок дома. Пришел я на дом. Беспорядок ужасающий. Просто бедлам. Три комнаты. Половина мебели поломана. За окнами мухи валяются с 1930 года (Смех). Кругом толстый слой пыли. Какой же воспитательный процесс может быть в этой пыли, в этой свалке вещей, которую никто не разбирает, не убирает, о которой никто не заботится?

Если в квартире идеальная чистота, если нет лишних вещей и если вы поддерживаете все в порядке, у вас ребенок не может быть очень плохим. Внешний порядок, к которому вы приучаете ребенка с самого раннего возраста, формирует его, заставляет его предъявлять к себе большие требования. К сожалению, такой внешний порядок мне не очень часто приходилось наблюдать в тех семьях, куда меня приглашали. Как же вы можете воспитывать ребенка, живое существо, человека, советского гражданина,

если вы неспособны организовать десяток неодушевленных предметов в вашей квартире? (Смех).

Я выдвигаю такое положение, что настоящая семья должна быть хорошим хозяйственным коллективом. И ребенок с малых лет должен быть членом этого хозяйственного коллектива. Он должен знать, откуда у семьи средства, что покупается, почему это можно купить, а этого нельзя, и т. д. Ребенка нужно привлекать к участию в жизни хозяйственного коллектива как можно раньше, с пяти лет. Ребенок должен отвечать за хозяйство своего коллектива. Отвечать не формально, конечно, не перед судом, а всей своей жизнью. Если в хозяйстве плохо, то в жизни его еще хуже. Этим вопросом следует заняться.

И, наконец, товарищи, последний вопрос, — пожалуй, самый трудный, — это вопрос о счастье. Обычно говорят: я — мать, и я — отец, все отдаем ребенку, жертвуем ему всем, в том числе и собственным счастьем. Самый ужасный подарок, какой только могут сделать родители своему ребенку! (Смех). Это такой ужасный подарок, что можно рекомендовать: если вы хотите отравить вашего ребенка, дайте ему выпить в большой дозе вашего собственного счастья, и он отравится.

Надо ставить вопрос так: никаких жертв, никогда, ни за что. Наоборот, пусть ребенок уступает родителям. Вы знаете манеру некоторых девушек говорить матерям:

— Ты свое отжила, а я еще ничего не видела.

Это говорится матери, которой иногда всего 30 лет.

— Ты свое отжила, а я еще не жила, потому все мне, а тебе ничего.

А почему бы не сказать иначе:

— У меня вся жизнь впереди, а тебе, мама, мало осталось.

Если у вас есть лишних 50 рублей и вы думаете: кому купить платье — матери или дочери, так я говорю — только матери. (Смех).

Отец и мать в глазах детей должны иметь право на счастье в первую очередь. Нет никакого смысла ни для матерей, ни для дочерей, ни даже для государства воспитывать потребителей материнского счастья. Самая ужасная вещь — воспитывать детей на материнском или отцовском счастье.

Что вы дадите девочке в 17—18 лет, если вы в 14 лет нарядили ее в креп-де-шин? К чему это? А какой у этой девочки разгон получается? Дальше у нее начинаются такие рассуждения: у меня только одно платье, а у тебя, т. е. у матери, три платья.

Нужно воспитывать в детях заботу о родителях, воспитывать простое и естественное желание отказаться от собственного удовольствия, пока не будет удовлетворен отец или мать.

Ну, вот, товарищи, пожалуй, на этом я кончу.

Вопрос: У вас в коммуне были и юноши и девушки 17—18 лет. Какие у них были взаимоотношения?

Любовь запретить, конечно, нельзя. Но разрешать влюбляться и жениться в 18 лет тоже нельзя. Никакого счастья от такого брака не будет. Вопрос этот требует сложной организации. После многих педагогических неправильностей я добился у себя в коммуне такого положения. Если я видел вечерком в коридоре влюбленную парочку, я вызывал их к себе и спрашивал:

— Влюблены?

— Да нет, Антон Семенович, честное слово нет.

А надо сказать, что у нас был уже случай, когда двое влюбились друг в друга и поженились, и ребята видели, какое у них «счастье» было.

— Мы, Антон Семенович, о географии разговаривали. Мы не влюблены. (Смех).

Большую роль играло единство коллектива и доверие ко мне. Я мог собрать девушек и читать им лекции о том, как нужно влюбляться. (Смех). Вы не смейтесь, товарищи, девушкам нужно рассказывать, как надо относиться к ухаживаниям мужчин, как надо разбираться в этом ухаживании, как нужно проверять любовь, как нужно переживать любовь.

А потом собирал и юношей. И тех я уж не столько учил, сколько просто требовал: в первую очередь отвечать так-то и так-то, поступать так-то и так-то. Рассказал им пример из своей жизни: я был влюблен так-то и так-то, поступал так-то и так-то. (Смех).

И еще одно средство было у меня — организация пацанов. Человек 30 пацанов — самые младшие члены коллектива, страстные и принципиальные противники любви и женщин. (Смех). Коммунарам я сказал: это мои глаза и уши за всеми влюбленными. И служили мне пацаны очень исправно. Если кого-нибудь где-нибудь увидят, так через пять минут мне сообщат об этом. На общем собрании пацаны говорили иногда: почему такие-то в темных уголках ютятся, может, они жениться хотят (смех), так пусть прямо скажут. Если идет влюбленная парочка, и вдруг мимо них кто-то шмыгнул, так он сейчас же говорит: ты, Клава, иди в эту сторону, а я сюда пойду. (Смех).

И я, товарищи, добился очень многого. У меня было 90 спален. Причем никаких разных половин не было: спальня мальчиков, спальня девочек, спальня мальчиков, спальня девочек — вперемежку. В одной комнате пять девушек, рядом шесть юношей, потом опять девушки, и т. д. И в столовой такой же порядок был. Стояли маленькие столики на 4 человека. За столик садились два мальчика и две девочки. Никаких мужских и женских столовых. Садись с кем хочешь. Можешь влюбляться — пожалуйста, но никаких флиртов заводить было нельзя.

В этом меня поддерживали комсомольская организация, пар-

тийная организация и, конечно, пионерская организация (смех). Поддерживало и общее собрание. Только благодаря этому у нас было все благополучно, несмотря на то, что девчата были очень красивые. Никаких драм и трагедий не было. Мы знали, например, что Кравченко любит Доню, а Доня любит Кравченко. Они всегда вместе ходили, вместе гуляли, но никакого свинства не было. Они отжили свой срок в коммуне, поступили оба в вуз и уж потом, через три года, поженились. Приехали в коммуну и на совете командиров заявили: мы женимся. Командиры поаплодировали им: во-время женитесь, пять лет любовь выдерживали. У нас и лозунг такой был: любовь хороша только выдержанная. (Смех).

ОТНОШЕНИЯ, СТИЛЬ И ТОН В КОЛЛЕКТИВЕ

Качество нашей советской личности принципиально отличается от качества личности в буржуазном обществе, и поэтому и наше воспитание должно быть также принципиально отличным. Воспитание в буржуазном обществе — это воспитание отдельной личности, приспособление к борьбе за существование, и совершенно естественно, что такой личности должны сообщаться качества, необходимые в такой борьбе, в том смысле, чтобы сообщались и качества хитроумия, и жизненной дипломатии, и качество обособленной борьбы, обособленного борца за самого себя.

И совершенно естественно, в старой школе и во всякой буржуазной школе и воспитывается этот комплекс зависимостей человека, которые необходимы в буржуазном обществе. Человек в этом обществе находится в совершенно иной цепи зависимостей, чем у нас.

Вы вспомните, как мы, старики, учились. Нам на каждом шагу не говорили, что ты будешь зависеть от богатого класса, от царского чиновничества, но это пропитывало всю суть нашего воспитания. И даже когда говорили, что богатый должен помогать бедным, то в этом, казалось бы, таком прекрасном, даже красивом требовании в сущности заключалось определенное указание на ту зависимость, какая существует в жизни между богатым и бедным. То, что богатый будет мне, бедному, помогать, означало, что богатый имеет богатство, что он в силе мне помочь, а я могу только рассчитывать на его помощь, его подачки, на помощь богатого человека. Я, бедняк, являюсь объектом его благотворительности. В этом и заключалось глубокое внушение той системы зависимости, которая должна была меня встретить в жизни. Зависимость от состояния, от доброй воли, от богатства, от милостыни и жестокости, — вот та цепь зависимостей, к которой готовился человек.

Наш воспитанник тоже готовится к определенной системе зависимостей. Страшное заблуждение полагать, что, освободившись от системы зависимостей в буржуазном обществе, т. е. от эксплю-

атации и неравномерного распределения жизненных благ, наш воспитанник вообще независим от всякой цепи зависимостей. В советском обществе существует иная цепь зависимостей, это — зависимость членов общества, находящихся не в простой толпе, а в организованной жизни, стремящихся к определенной цели. И в этой нашей организованности есть процессы и явления, которые определяют и нравственность нашего советского человека и его поведение.

И все мы по мере того, как живем в советском обществе, растем, мы растем как члены коллектива, т. е. как люди, находящиеся в определенной системе зависимостей.

Я не знаю, до конца ли я дошел в своей работе в этом отношении, но эта суть воспитания меня всегда интересовала больше всего. Я уже говорил именно об этом, когда вспоминал о дисциплине.

Для того, чтобы яснее представить себе эту проблему, посмотрим коллектив в действии, именно коллектив, а не толпу, т. е. коллектив, имеющий перед собой определенные общие цели. В этом коллективе зависимости страшно сложные, каждая отдельная личность должна согласовать свои личные стремления со стремлениями других, во-первых, целого коллектива, во-вторых, своего первичного коллектива, ближайшей группы, должна согласовать так, чтобы мои личные цели не делались антагонистичными по отношению к общим целям. Следовательно, общие цели должны определять и мои личные цели. Эта гармония общих и личных целей является характером советского общества. Для меня общие цели являются не только главными, доминирующими, но и связанными с моими личными целями. Очевидно, детский коллектив только так может быть построен. Если он построен не так, я утверждаю: это не советское воспитание.

В практике такого коллектива на каждом шагу возникают эти вопросы — противоположения правильного и ошибочного, личных и коллективных целей и вопрос гармонирования этих целей. Если в коллективе чувствуется это противоречие между целями общими и частными, личными, значит он организован неправильно. И только там, где личные и общие цели совпадают, где нет никакой дисгармонии, там коллектив организован правильно.

Но разрешить этот вопрос нельзя, если отойти от практических, будничных деталей каждого сегодняшнего дня. Этот вопрос может разрешаться только на практике каждого отдельного коммунара и каждого отдельного коллектива. Практика — это то, что я называю стилем работы. Я считаю, что вопрос о стиле педагогической работы должен быть сочтен достойным иметь отдельные монографии, настолько важен это вопрос.

Возьмем такую деталь, как отношения коммунаров между собой, отношения товарища к товарищу. Как будто вопрос не новый, а между тем он слабо у нас разрешается в нашей педагогической теории. Этот вопрос почти не мог существовать в дореволюционной педагогике. В дореволюционной педагогике, как и в дорево-

люционном обществе, отношения человека к человеку разрешались, как отношения индивидуума к индивидууму, т. е. отношения двух свободных, самостоятельных миров, и можно было говорить о воспитании хорошего человека, о воспитании доброго человека, о воспитании такого-сякого человека.

В нашей педагогике можно говорить о воспитании товарища с такой-то фамилией, об отношении члена одного коллектива к члену другого коллектива, которые не свободны, которые не вращаются в пустом пространстве, а которые связаны своими обязательствами и отношениями с коллективом, своим долгом по отношению к коллективу, своей честью по отношению к коллективу, своими движениями по отношению к коллективу. Это организованное отношение членов одного коллектива к членам другого коллектива должно являться решающим в постановке воспитания.

Что такое коллектив? Это не просто собрание, не просто группа взаимодействующих индивидуумов, как учили те же педагоги. Коллектив — это есть целеустремленный комплекс личностей, организованных, обладающих органами коллектива. А там, где есть организация коллектива, там есть органы коллектива, и вопрос отношения товарища к товарищу — это не вопрос дружбы, не вопрос любви, не вопрос соседства, а это вопрос ответственной зависимости. Даже если товарищи находятся в равных условиях, идут рядом в одной шеренге, коллектив, исполняя приблизительно одинаковые функции, связывается не просто дружбой, а связывается общей ответственностью в работе, общим участием в работе коллектива.

А в особенности интересными являются отношения таких товарищей, которые не идут рядом в одной шеренге, а идут в разных шеренгах, и особенно интересны отношения тех товарищей, где зависимость неравная, где один товарищ подчиняется другому товарищу. В этом наибольшая хитрость в детском коллективе, наибольшая трудность — создать отношения подчинения, а не равностояния. Это то, чего больше всего боятся наши педагоги. Товарищ должен уметь подчиняться товарищу, не просто подчиняться, а уметь подчиняться. И товарищ должен уметь приказать товарищу, то есть поручить ему и потребовать от него определенных функций и ответственности.

Такое уменье подчиняться товарищу, причем это не подчинение богатству, и не подчинение силе, и не подчинение в порядке милостыни или подачки, а подчинение данных членов данного коллектива, — это чрезвычайно трудные задачи, не только для детского общества, но и для взрослых. И в особенности трудно приказать равному себе только потому, что меня уполномочил коллектив. Здесь чрезвычайно сложный комплекс. Я только тогда сумею приказать товарищу, поручить ему, пробудить его к действию, отвечать за него, когда я чувствую ответственность перед коллективом и когда я знаю, что, приказывая, я выполняю волю коллектива. Если я этого не чувствую, то у меня остается

только простор для личного преобладания, для властолюбия, для честолюбия, для всех иных чувств и тенденций не нашего порядка.

Я в особенности много обращал внимания на эту сторону дела. Я поэтому шел на очень сложный принцип зависимостей и подчинений в коллективе. К примеру, вот этот самый мальчик, дежурный командир, который сегодня руководит коллективом, а завтра уже подчиняется новому руководителю, он как раз является прекрасным условием для такого воспитания.

Я уходил еще дальше в этом отношении, я старался как можно больше переплести зависимости отдельных уполномоченных коллектива друг с другом, так, чтобы в подчинении и приказании как можно чаще встречалось бы немотивированное подчинение.

Вот почему я так настаивал на некоторой военизации и строил систему первичных коллективов, причем на правах единоначалия, которые я давал своему командиру. Я старался дробить отряды из 10 человек, чтобы число уполномоченных было как можно больше, я старался создавать как можно больше разных комиссий, а в последнее время пришел к такой форме — поручения отдельному лицу.

Я не пропускал ни одного случая, чтобы не использовать этой формы. Беру первое, что я вспоминаю. Вот нужно перевести ребят из одной спальни в другую, перегруппировка по спальням в зависимости от прибытия новых ребят и т. д. А новенькие всегда вкраплялись в старые отряды. Совет командиров постановил перебраться из спальни в столько-то часов, разрешается брать с собой только постели, не разрешается брать с собой ни кроватей, ни столов, ни портретов, ни шкафов, ответственным за правильность переселения назначается, скажем, Козырь. И вот, первое время это было не так легко. Этому Козырю не подчинялись, махали руками, он сам не знал, как ему 400 человек подчинить.

В последнее время я добился не только того, что все это удавалось, но и того, что Козырь и остальные были на своих местах, и Козырь, стоя в коридоре, одним движением пальца, бровей, глаз делал то, что было нужно, и все прекрасно понимали: Козырь отвечает за успех; если такой-то унес лучший портрет в свою спальню, отвечать будет Козырь, если он прозевал, не заметил.

Скажем, мне нужно взять 20 беспризорных с вечернего поезда. Всегда совет командиров выделял специальную сводную бригаду в 5—6 человек. Командиром бригады назначался, допустим, Землянский. И он прекрасно понимал, что он командир бригады, и все 5—6 человек из отряда подчинялись немедленно всем его распоряжениям. В этом для них только какое-то удовольствие. Они видят, что у них есть центр, который руководит ими и отвечает за них.

И такой Землянский понял, что всю операцию возложили на его плечи, и бригада также поняла, и на вокзалах, где нужно снимать и с крыш, с поездов, где нужно было выбирать хороших

пацанов, они выбирали. Землянский выполнял эти обязанности. Я не мог следить. Он должен был выполнить поручение, и за такое поручение Землянский должен был отчитаться.

Я не имею времени, но как ни поздно, как ни трудно, но я не упускал возможности выслушать отчет и признать работу удовлетворительной, хорошей или неудовлетворительной. Больше никакого решения не выносилось.

Не было такого дня в коммуне, чтобы для определенного случая, возникшего сегодня, не нашелся ответственный человек и ему в помощь несколько мальчиков из разных отрядов. Поссорились хлопцы и не мирятся. Немедленно назначается товарищ, который должен выяснить всю сущность спора, помирить их и отчитаться в поручении.

Серьезная ответственность явилась таким воспитательным средством для разрешения многих проблем. Само собой разумеется, что все это было дополнительно по отношению к общей системе отряда. Это был дополнительно штаб, отвечающий за работу, а не только наказывающий.

Я наблюдал, как в некоторых детских домах позаботятся о такой организации работы, но не позаботятся о точности и строгой ответственности. А без ответственности не может быть настоящей работы. В то же самое время очень важно, чтобы ответственность требовалась и на производстве, и в классе, и в школе, в сводной бригаде, в группе лиц. Даже в таком случае, как баня, — значит сегодня должен быть ответственный по бане. Эта ответственность должна сливаться с единством ответственности всего коллектива. Если такого единства ответственности нет, если нет полной гармонии ответственных лиц, то может случиться игра, а не серьезное дело.

Из всех этих поручений, из всех этих приемов и создается стиль работы, стиль коллектива. Я уже сказал, что об этом стиле нужно писать монографии.

Отличительными признаками стиля советского детского коллектива я считаю следующее:

Во-первых, мажор. Я ставлю во главу угла это качество. Постоянная бодрость, никаких сумрачных лиц, никаких кислых выражений, постоянная готовность к действию, радушное настроение, именно мажорное, веселое, бодрое настроение, но вовсе не истеричность. Готовность к полезным действиям, к действиям интересным, к действиям с содержанием, со смыслом, но ни в коем случае не к бестолочи, визгу, крику, не к бестолковым, зоологическим действиям.

Такое зоологическое действие — крик, визг, беготня — я решительно отрицаю. И в коммуне Дзержинского, где жило 500 мальчиков и девочек, вы никогда не услышали бы визга и крика. И в то же время вы видите постоянно бодрость и уверенность в своей жизни, в своем настроении.

Этот мажор не может, конечно, создаваться специальными

методами, это результат всей работы коллектива, всего того, о чем я говорил.

Следующее — это стиль, это ощущение собственного достоинства. Это, конечно, нельзя сделать в один день. Эта уверенность в своем собственном лице вытекает из представления о ценности своего коллектива, из гордости за свой коллектив.

Если вы приезжаете в коммуну, вас очень вежливо, очень приветливо встретят; никогда не бывало, чтобы прошли и вас не заметили. Первый, кого вы встретили, обязательно вам поклонится, скажет: здравствуйте, пожалуйста, что вы хотите? И каждый насторожен: а кто вы такой, а что вам угодно? Никто не станет вам жаловаться на коммуну. Я наблюдал поразительное явление среди коммунаров. Вот его только что взгрели, человек расстроен до последней степени. И вдруг он оказался лицом к лицу с приехавшим посторонним человеком. Он весь изменился, он приветлив, радостен, он проводит вас, куда можно, если нельзя, он скажет: пойдемте, возьмем разрешение. Он занят своим несчастьем, своей ошибкой, но он бросит все и ни за что не покажет, что он только что пережил что-то. А если его спросят: как живете? Он скажет: прекрасно живем! Он это делает вовсе не потому, что он хочет кому-то понравиться, а потому, что он чувствует свою ответственность за коллектив, гордится своим коллективом, даже наказанный.

Вот какого-нибудь пацана за вредные действия только что взгрели, и вот приехала экскурсия: какой хороший мальчик, как он у вас? Никто ни слова не скажет, что он нагрешил и наказан. Это считается дурным тоном, это дело наше, а по отношению к другому мы его не выдадим.

Вот этот тон достоинства очень трудно воспитывается, для него нужны, конечно, годы. Вежливость к каждому гостю, к каждому товарищу должна быть доведена, конечно, до совершенства. Но эта вежливость должна сопровождаться постоянным сопротивлением проникновению в коммуну, в коллектив каких-то посторонних, просто шляющихся элементов, а тем более врагов. И поэтому в коммуне очень вежливо встретят и проведут, но первым долгом спросят: кто вы такой, зачем вы пришли? И если увидят, что собственно никакого дела нет, то очень вежливо скажут: нет, мы не можем вас принять; если у вас будет дело какое-нибудь, пожалуйста. А охотников пошляться, поглазеть на коммуну было всегда очень много. Вот эта вежливость вытекает из очень важной способности, которую надо воспитывать нам у каждого гражданина. Эта способность — ориентировка. Вы, наверное, видели, как очень часто в детском коллективе или в толпе нет этой способности ориентироваться. Человек видит то, что у него перед глазами, а то, что за затылком, не видит.

Эта способность чувствовать, что находится вокруг тебя, кем ты окружен, эта способность чувствовать также все то, чего ты не видишь, что делается в других комнатах, чувствовать тон

жизни, тон дня, эта способность ориентироваться — она воспитывается с очень большим трудом.

И нужно прилагать очень большие усилия и постоянно помнить, чтобы эту способность к ориентировке воспитать. Тот визг, крик, который часто бывает в детском коллективе, это прежде всего полное отсутствие ориентировки, ощущение только себя и своего движения. Нет ощущения окружающего. А настоящий советский гражданин должен всеми своими нервами почти бессознательно ощущать, что кругом происходит. Одно дело, когда ты находишься среди своих друзей. Тогда ты можешь себя вести таким-то образом. Другое дело, когда ты находишься среди новичков-коммунаров, когда ты видишь, что тут есть пацаны, которые только вчера прибыли. Если коммунар видит это, он не скажет того, что не должен услышать такой пацан. Одно дело, когда он видит, что женщина или девочка проходят мимо. Она ему не нужна, но он должен изменить поведение. Если я нахожусь около, он должен и обязан знать и ощущать, что я, центр коллектива, нахожусь близко. Или если это другой педагог, инструктор, инженер, представитель центра, по отношению к каждому человеку должна быть ориентировка.

Это не значит приспособляться и подделываться. Это значит ощущать, в каком месте коллектива ты находишься и какие твои обязанности по отношению к поведению из этого вытекают.

Мне приходилось видеть, что большей частью детские дома и колонии очень симпатичный тон принимают по отношению к тем, кто к ним приезжает. Они, кто бы ни вошел, начинают жаловаться и на воспитателей, и на завхоза, и друг на друга, не зная, кто я такой.

Я добивался, чтобы коммунары с такими жалобами к посторонним лицам не обращались. Самокритика — это одно дело, а эта слезливость, а эта способность, как говорят коммунары, канючить, пищать в присутствии кого угодно, это недопустимо.

Очень часто коммунары были недовольны то одним, то другим, то третьим. Но об этом они говорили на совете командиров, но никогда не позволяли себе жаловаться и пищать в присутствии других лиц, по отношению к которым коллектив являлся целым. Стремление жаловаться — это не самокритика. Это состояние лица, чувствующего себя несчастным в коллективе, и слезливость отдельных лиц. Идея защищенности должна особенно присутствовать в коллективе и украшать его стиль. Она должна быть создана там, где есть гордость коллектива, где есть требование к каждой личности, т. е. где каждая личность чувствует себя защищенной от насилия и самодурства, от издевательства.

И эта защищенность вытекает из опыта. Я добился, что самые маленькие, самые нежные мальчики и девочки, 10—12 лет, не чувствовали себя младшими членами коллектива. В работе — да, в деле — да, но в самочувствии, в уверенности в себе они чувствовали себя прекрасно защищенными, так как они чув-

ствовали, что никто не сможет его обидеть, так как каждый обиженный будет защищен не только своим отрядом, бригадой, мною, а более того — первым встречным товарищем.

Очевидно, что такая идея защищенности все же сама не придет, тоже ее надо создавать и над ней работать. Создавая в этом стиле постоянный мажор, способность к движению, к энергии, к действию, надо одновременно создавать и способность к торможению. Как раз это то, что сравнительно редко удается обычному воспитателю. Тормозить себя — это очень трудное дело, особенно в детстве, оно не приходит от простой биологии, оно может быть только воспитано. И если воспитатель не позаботился о воспитании торможения, то оно не получится. Тормозить себя нужно на каждом шагу, и это должно превратиться в привычку. И коммунары прекрасно знают, что человек без тормоза — это испорченная машина. Это торможение выражается в каждом физическом и психическом движении, в особенности оно проявляется в спорах и ссорах. Как часто ссорятся дети потому, что у них нет способности торможения.

Воспитать привычку уступить товарищу — это очень трудное дело. Я добился этой уступчивости исключительно из соображений коллективной пользы. Я добился того, что раньше, чем дети перессорятся, — стоп! тормоз! И уже ссора не происходит. Поэтому я добился того, что в коммуне по целым месяцам не было ссор между товарищами, а тем более драк, сплетен, интриг друг против друга. И я добился этого не упором на то, кто прав, кто виноват, а исключительно умением тормозить себя.

Каждый из вас понимает прекрасно, каких случаев жизни это касается и к чему это может привести. Конечно, все эти данные стиля, его особенностей воспитываются во всех решительно отделах жизни коллектива, но они воспитываются и в правилах и нормах внешнего поведения, — то, над чем многие смеялись, рассматривая мою работу, и не могли помириться, это внешние нормы поведения.

Я до сих пор считаю чрезвычайно важным условием то, что коммунар не должен держаться за перила лестницы, не должен прислоняться к стене, то, что он всегда надеется на свою талию и для этого она крепко стянута у него ремнем; то, что он мне, командиру, обязан на всякое приказание ответить: «Есть!», и пока он этого не сказал, считается, что он не понял приказания.

Все это имеет большое значение. Так у нас было принято. Сегодня Землянский назначен командиром домашних работ. И он говорит: «Николай, пойди принеси мне бумагу и карандаш». И если тот побежал, он скажет: «Ты как же идешь? Есть принести бумагу!».

Эта внешняя подтянутость, чувство формы, оно определяет и внутреннее содержание поведения. Тот же Землянский и Николай могли потом целый день играть в лапту, в футбол, но здесь он командир над своим товарищем. И должна быть определенная внешняя форма их отношений.

И если я накладывал взыскания, я не считал, что его приняли, если мне не скажут: «Есть!».

Эта установленная форма вежливости в деловых отношениях чрезвычайно полезна, она мобилизует волю, она заставляет человека себя чувствовать собранным, она подчеркивает тип деловых отношений, она учит человека различать: это дружба, это соседство, это любовь, это приятельство, а вот это — дела. И это вызывает особое уважение к делу.

Я считаю, что, может быть, без этого можно обойтись, конечно, но это наиболее экономная форма делового воспитания, внешняя форма деловых отношений. А внешняя форма часто определяет и самую сущность.

Потом в коммуне это сделалось настолько повседневным, естественным совершенно явлением, что иначе и быть не могло. У самых маленьких пацанов рефлекс салюта так точно выработался, что никто никогда в конце концов не сказал бы: это вы шутите, играете, — а как только он становится в деловые отношения, у него это естественно вытекает, этот рефлекс делового отношения.

Тут же мальчик играет на площадке, увлечен, разгорячен. И случайно проскальзывая мимо своего дежурного командира, слышит какое-то небольшое распоряжение. Он обязательно сразу вытянется. И я считаю, что это очень важно и полезно.

Вот эти нормы внешнего поведения не имеют смысла, если нет и не воспитывается общий определенный стиль. И там, где захотели бы ввести такую внешность, не воспитывая ни способности ориентироваться, ни способности торможения, ни ответственности, ни четкости в работе, ни единоначальной ответственности, ни идеи защищенности, — там, конечно, такой внешней формы не будет, иначе говоря, она будет работать впустую. И только там, где есть общий стиль, стиль, построенный на постоянном коллективном движении и содержании, — там, конечно, форма внешней вежливости, может быть, несколько напоминающая военизацию, но в общем не выходящая даже за принцип пионерского движения, там она необходима, полезна и чрезвычайно украшает коллектив. А украшая коллектив, она уже производит повторное, обратное действие, она уже делает коллектив притягательным и с эстетической стороны.

Я не представляю себе коллектив, в котором ребенку хотелось бы жить, которым он гордился бы, не представляю себе такой коллектив некрасивым с внешней стороны. Нельзя пренебрегать эстетическими сторонами жизни. А как раз мы, педагоги, очень часто страдаем некоторым нигилизмом по отношению к эстетике.

Эстетика костюма, комнаты, лестницы, станка имеет нисколько не меньшее значение, чем эстетика поведения. А что такое эстетика поведения? Это именно поведение оформленное, получившее какую-то форму. Форма сама является признаком более высокой культуры.

Поэтому здесь еще один отдел забот. Приходя к эстетике,

как к результату стиля, как показателю стиля, мы эту эстетику потом начинаем рассматривать и как фактор, сам по себе воспитывающий.

Я не могу вам перечислить всех этих норм красивой жизни, но эта красивая жизнь должна быть обязательной. И красивая жизнь детей это не то, что красивая жизнь взрослых. Дети имеют свой тип эмоциональности, свою степень выразительности духовных движений. И красота в детском коллективе не вполне может повторять красоту коллектива взрослых.

Вот хотя бы игра. Игра обязательно должна присутствовать в детском коллективе. Детский коллектив неиграющий не будет настоящим детским коллективом. Игра должна заключаться не только в том, что мальчик бегает по площадке и играет в футбол, а в том, что каждую минуту своей жизни он немного играет, он приближается к какой-то лишь ступеньке воображения, фантазии, он что-то из себя немного изображает, он чем-то более высоким себя чувствует, играя. Воображение развивается только в коллективе, обязательно играющем. И я, как педагог, должен с ним немножко играть. Если я буду только приучать, требовать, настаивать, я буду посторонней силой, может быть, полезной, но не близкой. Я должен обязательно немного играть, и я этого требовал от всех своих коллег.

Конечно, разговаривая сейчас с вами, я совсем иной человек, но, когда я с ребятами, я должен добавить немного этого мажора, и остроумия, и улыбки, не какой-нибудь подыгрывающей улыбки, но приветливой просто улыбки, достаточно наполненной воображением. Я должен быть таким членом коллектива, который не только довлел бы над коллективом, но который также радовал бы коллектив. Я должен быть эстетически выразителен, поэтому я ни разу не вышел с невычищенными сапогами или без пояса. Я тоже должен иметь какой-то блеск, — по силе и возможности, конечно. Я тоже должен быть таким же радостным, как коллектив. Я никогда не позволял себе иметь печальную физиономию, грустное лицо. Даже если у меня были неприятности, если я болен, я должен уметь не выкладывать все это перед детьми.

С другой стороны, я должен уметь разразиться. В прошлом году я читал в вашем педагогическом журнале, каким тоном надо разговаривать с воспитанниками. Там сказано: педагог должен разговаривать с воспитанниками ровным голосом. С какой стати? Почему ровным голосом? Я считаю, что педагог должен быть весел, бодр, а когда не то делается, должен и прикрикнуть, чтобы чувствовали, что, если я сердит, так сердит по-настоящему, а не так что — не то сердится, не то педагогическую мораль разводит.

Это требование относится ко всем педагогическим работникам. Я без жалости увольнял прекрасных педагогических работников только потому, что постоянно такую грусть они разводили. Взрослый человек в детском коллективе должен уметь тормозить, скрывать свои неприятности.

Коллектив надо украшать и внешним образом. Поэтому я даже

тогда, когда коллектив наш был очень беден, первым долгом всегда строил оранжерею, и не как-нибудь, а с расчетом на гектар цветов, как бы дорого это ни стоило. И обязательно розы, не какие-нибудь дрянные цветочки, а хризантемы, розы. У нас был действительно гектар цветов, и не каких-нибудь, а настоящих. Не только в спальнях, столовых, классах, кабинетах стояли цветы, но даже и на лестницах. Мы делали из жести специальные корзинки и все бордюры лестницы уставляли цветами. Это очень важно. Причем каждый отряд вовсе не получал цветы по какому-нибудь наряду, а просто — завял цветок, он идет в оранжерею и берет себе следующий горшок или два.

Вот эти цветы, костюмы, чистота комнат, чистота обуви — это должно быть в детском коллективе. Ботинки должны быть всегда вычищены, без этого какое может быть воспитание. Не только зубы, но ботинки. На костюме не должно быть никакой пыли. И требование прически. Пожалуйста, носи какую угодно прическу, но прическа должна быть действительно прической. Поэтому раз в месяц ДЧСК (дежурный член санитарной комиссии) брал машинку и шел по спальням. Чуть не причесан — провел машинкой: иди в парикмахерскую. Поэтому всегда все ходили причесанные.

Вот это требование чистоты должно очень строго проводиться. Через полгода после того, как я оставил коммуну им. Дзержинского, я приехал туда с ревизией из Киева. Конечно, все выбежали, пожимали мне руки, было милое отношение и т. д. Я пошел по спальням. Вижу — что-то не то: пыль, там носовой платок валяется, у самого лучшего моего командира Яновского открыл шкаф — оттуда целую кучу грязи можно вывезти. Я тут ровным голосом ничего не говорил, а настоящим голосом сказал: 10 часов ареста, а больше я никуда не иду, завтра утром буду принимать уборку сам. И вот они присылают за мной в половине пятого машину в Харьков, и, когда я приехал, я не мог найти ни пылинки. Я спрашиваю: когда же вы успели? Говорят: спать не ложились.

Я же понимаю, что у меня требования такие, а у другого требования другие. Чуть уменьшил требования,— нет тона, нет стиля. Все это надо помнить. В классе во время урока ДЧСК прежде всего обращается к учителю: «Вы довольны чистотой в вашем классе?». Вот положение учителя. Скажет: доволен, а ДЧСК найдет тысячу недостатков. Учитель доволен, а там грязь, у того ногти не стрижены, парта изрезана. Так что поневоле каждый учитель требовал в классе чистоты.

И я не допускал к уроку учителя, неряшливо одетого. И поэтому у нас вошло в обыкновение ходить на работу в лучшем костюме. И я сам выходил на работу в лучшем своем костюме, который у меня был. Так что все наши педагоги, инженер и архитектор ходили франтами.

Все это очень важно. Вот стол. Можно положить клеенку, хорошо, гигиенично, можно что угодно положить, а потом вымыл и чисто. Нет, только белая скатерть, только белая скатерть может

научить есть аккуратно, а клеенка — развращение. Скатерть в первые дни всегда будет грязная, вся в пятнах, а через полгода она станет чистая. Невозможно воспитать умение аккуратно есть, если вы не дадите белую скатерть.

Так что серьезные требования надо предъявлять ко всякому пустяку, на каждом шагу — к учебнику, к ручке, к карандашу. Объеденный карандаш — что это такое? Карандаш должен быть очинен прекрасно. Что такое заржавевшее перо, которое не пишет, что такое муха в чернильнице и т. д.? Ко всем педагогическим устремлениям, которые у нас есть, прибавьте миллиарды этих мелочей. Конечно, одиночка за ними не уследит, а когда коллектив за этим следит и знает цену этим мелочам, с этим вполне можно справиться.

В дверях стоит человек с винтовкой и есть дежурный сторожевой отряд. Он стоит в парадном костюме. В парадном костюме должны находиться дежурный командир, дежурный трубач, весь отряд. Он должен следить, чтобы каждый вытирал ноги. Все равно — сухо на дворе или грязно, ни один человек не может притти в комнату, не вытерев ноги. И этот коммунар, который следит за этим, стоя на часах, прекрасно понимает, почему он должен следить за этим, — потому, что он каждый день вытирает пыль, а если вытирать ноги, пыли не будет в коммуне совсем. Поэтому напоминать коммунарам об этом не приходится. А посторонние часто удивляются: зачем мне вытирать ноги, я прошел по чистому тротуару. И мальчик должен ему объяснить: да, но вы приносите нам два грамма пыли.

Или такая мелочь, как носовой платок. Как это не дать человеку чистого платка и не переменить его каждый день. Я видел детские дома, где носовые платки меняются раз в месяц, т. е. специально приучают человека вытирать нос грязной тряпкой. А ведь это же пустяк, это же стоит гроши.

Плевательница. Казалось бы, какое достижение санитарии — в каждом углу расставить плевательницы. Для чего люди должны ходить и плевать? Ребята так и говорят: ты хочешь плевать? В больницу ложись, ты болен, ты заболел какой-то верблюжьей болезнью, а здоровый человек никогда не плюется. Я курю. — Какой же ты курильщик, бросай курить, хороший курильщик никогда не плюет.

А я видел детские дома, где стоят плевательницы. И они обозначают только то место, которое можно заплевывать. И вся стена около действительно заплевана.

Вот таких мелочей в жизни коллектива очень много, и из них и составляется та эстетика поведения, которая должна быть в коллективе. Мальчик, который не плюет, который не вычищает нос при помощи двух пальцев,—это уже воспитанный мальчик. И эти принципиальные мелочи должны быть не только доведены до конца, но должны быть строго продуманы и сгармонированы с какими-то общими принципами. Сюда относятся многие мелочи,

которые нельзя здесь перечислить, но все они могут исполняться красиво, здорово и в связи с общим движением коллектива.

Я считаю, что то, что делал я и мои сотрудники, это делалось очень многими людьми в Советском Союзе. Я от них отличаюсь только тем, что я чувствую потребность требовать этого от всех, т. е. чувствую потребность проповедывать вот такие обычные положения,— не мои личные положения, а имеющиеся у очень многих педагогов Советского Союза.

Я чувствую тоже потребность их систематизировать. Я сам наблюдал очень красивый опыт во многих наших школах, у нас есть прекрасные коллективы, очень хорошо организованные, с центром, со стилем, с красотой. Я думаю, что этот опыт требует систематизации. Жалко, если этот опыт, большой советский педагогический двадцатилетний опыт, будет потерян. Это дело надо двигать, дело пропаганды советского педагогического опыта.

„ПЕДАГОГИКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ"

Переход от коллективного воздействия, от организации коллектива к личности, к организации личности особым способом, мною в первые годы моего опыта был понят ошибочно. Я полагал, что нужно иметь в виду воздействие на целый коллектив, во-первых, и воздействие на отдельную личность, как корректив к развитию коллектива, во-вторых. В развитии моего опыта я пришел к глубокому убеждению, которое было подтверждено потом практикой, что непосредственного перехода от целого коллектива к личности нет, а есть только переход через посредство первичного коллектива, специально организованного в педагогических целях. Мне кажется, что будущая теория педагогики особое внимание уделит теории первичного коллектива.

Что нужно разуметь под этим первичным коллективом? Первичным коллективом нужно называть такой коллектив, в котором отдельные его члены оказываются в постоянном деловом, дружеском, бытовом и идеологическом объединении. Это тот коллектив, который наша педагогическая теория предлагала назвать «контактным коллективом». В школах наших такие коллективы естественно существуют: это класс, и недостаток его в нашей школе, пожалуй, заключается только в том, что он не играет роли первичного коллектива, т. е. связующего звена между личностью и целым коллективом, а очень часто является и последним коллективом. В некоторых школах мне приходилось наблюдать, что класс завершает коллектив школы, и целого коллектива не наблюдается.

У меня были условия более благоприятные, так как у меня была коммуна с общежитием, с производством, и мои коммунары имели много логических и практических оснований интересоваться делами общего коллектива и жить его интересами. Но зато у меня не было такого естественного первичного коллектива, каким

является класс. Я его должен был создать. В дальнейшем у меня развернулась десятилетка, и я бы мог основываться на первичном коллективе типа класса. Но я не пошел на этот путь вот почему. Класс объединяет детей в постоянной дневной работе, и соблазн воспользоваться этим обстоятельством приводил к тому, что такой первичный коллектив отходил от интересов общего коллектива. Было слишком много солидных оснований для того, чтобы уединиться от общего коллектива в границах отдельных классных интересов. Поэтому в последние годы я отказался от построения первичного коллектива по признаку класса и даже от построения первичного коллектива по признаку производственной бригады. Моя попытка организовать коммуну в виде все-таки таких первичных коллективов, объединенных такими сильными скрепами, как скрепы класса и производства, приводила к печальным результатам. Такой первичный коллектив, объединенный в своих границах, всегда имеет тенденцию отойти от интересов общего коллектива, уединиться в своих интересах первичного коллектива. В таких случаях первичный коллектив теряет свою ценность, как первичный коллектив, и становится поглощающим интересы общего коллектива, и переход к интересам общего коллектива оказывается затруднительным.

В чем выражаются потери при такой организации коллектива, когда он является слишком контактным или единственным, я скажу потом. На чем я остановился? Я остановился на том, что первичный коллектив не покрывал ни классных школьных интересов, ни производственных интересов, а являлся такой ячейкой, в которой и школьные и производственные интересы приходили от разных групп. Вот почему я в последнее время остановился на таком отряде или на такой бригаде, в которую входят и школьники разных классов, и работники разных производственных бригад.

Я очень хорошо понимаю, что для вас логика такого строения недостаточно убедительна. Я не имею времени развивать ее подробно, но вкратце укажу на некоторые обстоятельства. Например, меня интересовало практически, я исследовал в статике, в движении, в поведении такой вопрос, вопрос возраста. Я в первое время своей работы был большим сторонником строения первичного коллектива по возрастному принципу. Это вытекало отчасти из школьных интересов, как я исторически тогда понимал. Но потом я увидел, что это ошибка. Малыши, обособленные от старшего возраста, попадают, казалось бы, в наиболее правильное и естественное положение. В таком возрасте ребята 11 — 12 лет должны находиться в одном коллективе, иметь свои интересы, свои органы, и мне казалось, что это наиболее правильная педагогическая точка зрения.

Но я увидел, что малыши, обособленные от других возрастов, попадают в искусственное состояние. Выражалось это в том, что у них не организовывалось влияния более старшего возраста, не получалось преемственности, пополнения, не получалось мораль-

ного и эстетического импульса, который исходит от старших братьев, от людей более опытных и организованных, и главное, от людей, которые в известном смысле составляют образец.

Когда я попробовал в качестве опыта объединить разные возрасты, малышей и более взрослых, у меня получилось лучше.

Я на этой форме и остановился. Мой отряд в последние 7—8 лет состоял обязательно из самых старших, наиболее опытных, политически развитых и грамотных комсомольцев и из самых маленьких моих коммунаров, включая и некоторые средние возрасты. Такой коллектив, составленный по типу различных возрастов, приносил мне гораздо больший воспитательный эффект, во-первых, а во-вторых, в моих руках получался коллектив более подвижный и точный, которым я мог легко руководить.

Коллектив, составленный из ребят одного возраста, всегда имеет тенденцию замыкаться в интересах данного возраста и уходить и от меня, руководителя, и от общего коллектива. Если все малыши увлекаются, допустим, коньками в зимнее время, то это коньковое увлечение, естественно, их замыкает в чем-то отдельном, обособленном. Но если у меня составлен коллектив из разных возрастов, то там типы увлечений разные, более сложная, более трудная жизнь первичного коллектива, требующая больше усилий от отдельных его членов, более старших и более молодых, предъявляющих большие требования и, следовательно, допускающая больший эффект, большие результаты. Такой коллектив, составленный из разных возрастов, я составил в последнее время по принципу, кто с кем хочет. Сначала я сам испугался этого принципа, а потом увидел, что это наиболее естественная и здоровая постановка, при том условии, что в таком естественном первичном коллективе у меня будут представители разных групп и разных школьных бригад.

В последние годы я пришел к окончательной организации такого первичного коллектива, которая заключалась в следующем. В отряде—10—12 человек, добровольно объединившихся. Это делалось, конечно, постепенно, и всегда в обще-коммунарском коллективе оставались мальчики, с которыми никто не хотел добровольно объединяться. Для меня было удобство в том, что я сразу видел, кто является элементом, с трудом втягивающимся в общий коллектив. Таких мальчиков набиралось на 500 человек человек 15—20, которых ни один отряд в своем составе иметь не желал по добровольному принципу. Девочек бывало меньше таких, с которыми не желали объединяться в первичном коллективе, в отряде. Их находилось на 150 человек человека 3—4, несмотря на то, что обычно у девочек отношения менее дружественные, чем у мальчиков. Происходила такая разница потому, что мальчики были как-то принципиальнее девочек и иногда поэтому впадали в различные загибы, не желая брать такого-то,—он нам будет портить коньки, бить малышей. Девочки были более оптимистичны в своих надеждах на воспитание, более ласковы и скорее соглашались принять в свой коллектив лицо, относительно которого есть некоторые сомнения.

Что я делал в таких случаях? Я приводил их на общее собрание и говорил: — «Вот вам 15 человек, которых ни один отряд не хочет брать. Вот Землянский. Он хотел быть в первом отряде, первый отряд от него отказался. Он хотел быть во втором отряде, второй отряд отказался. Он хотел быть в пятнадцатом отряде, пятнадцатый отряд отказался. Как поступить?». Обычно прения идут по такому пути. Поднимается представитель какого-нибудь отряда и говорит: — «С какой стати первый отряд будет отказываться его брать, второй также, пятнадцатый также. Почему они не берут. Они должны дать объяснение». Объяснение дается, причем дается кратко:—«Если вы так говорите, то возьмите в свой четырнадцатый отряд. Отвечайте за него и возитесь с ним!» В таком случае находятся аргументы такого порядка:— «Мы с ним дела не имели. Он был у вас. Он корешок такого-то. Ты хвастался, что с ним что-то сделаешь!» И выясняется, что ни один отряд не желает его брать.

Это был мой педагогический хлеб. Что я с ними делал? Естественно, что отряд, который не желает его брать, переживает положение трудное и неприятное, тем более, что никто ничего не говорит, но говорят—пусть тот возьмет, пусть тот возьмет, а он стоит, как человек, которого коллектив не принимает. Он начинает клясться, божиться и обещать всякие блага и подвиги в дальнейшем. Но нужно как-то кончать. И тогда обычно руководящие лица, члены комсомольского бюро, командиры начинают высказываться, в какой отряд его лучше всего поместить. Обычно такие разговоры кончаются ничем.

Переходят к Иванову, Романову, Петренко и стараются распределить 15 человек между всеми отрядами по одному. И тогда начинается другой процесс. Каждый из 15 отрядов хочет из этих 15 получить более сносного. Тогда делается перерыв, и после перерыва командир какого-нибудь отряда говорит:—«Я возьму такого-то». Самый сносный является уже приманкой для остальных, и получается, что тот самый Землянский, которого никто не хотел брать, сейчас делается объектом аппетита всех отрядов, так как есть еще Петренко и Шаповалов, которые хуже Землянского в 30 раз, и такой Землянский отдается буквально по жребию. Жребий получает первый отряд. Тогда мы говорим:— «Вы за него ручаетесь. Вы его выпросили, вы за него отвечаете».

Затем переходим ко второму. Второй является также лучшим из оставшихся 14, и за него снова идет борьба. И так идет дальше, пока не остаются двое, Воскобойников и Шаповалов. Из этих двух каждый отряд старается схватить наименее вредного.

Этот процесс распределения давал возможность мне видеть всех. Они образовывали для меня особое общество, которое я заносил на особый лист, и этот лист лежал у меня под рукой каждый день, и я знал, что эти 15 составляют мой наиболее опасный состав, хотя преступлений за ними не водилось, но для меня важно было указание, что некоторых не хотели брать. Ребята, составляя отряд, очень хорошо чувствуют глубинную сущность Петренко, и если они не желают его брать, значит, он

заслуживает моего особого внимания. Затем я выигрывал в том отношении, что отряд, выбравший Петренко, естественно, за него отвечает. Так составлялся первичный коллектив. Тут, конечно, нужна была еще очень сложная инструментовка, чтобы такой первичный коллектив приносил наибольшую пользу. Она заключалась в тоне и стиле организации отряда.

Что такое первичный коллектив — отряд? В нашей практике, в коммуне Горького и в коммуне Дзержинского, мы пришли к такому положению. Я, как центр коммуны, и все коммунарские органы, и комсомольское бюро, и совет командиров, и общее собрание, обычно старались дела с отдельными личностями не иметь. Это формально. Мне очень трудно вам эту логику доказывать. Я называю эту логику логикой параллельного педагогического действия. Мне очень трудно объяснить, так как я никогда не писал об этом, поэтому не искал и не находил формулировок.

Что такое параллельное педагогическое действие? Мы имеем дело только с отрядом. Мы с личностью не имеем дела. Такова официальная формулировка. В сущности, это есть форма воздействия именно на личность, но формулировка идет параллельно сущности. На самом деле, мы имеем дело с личностью, но утверждаем, что до личности нам нет никакого дела.

Каким образом это получается? Мы не хотели, чтобы каждая отдельная личность чувствовала себя объектом воспитания. Я исходил из тех соображений, что человек 12 — 15 лет живет, он живет, наслаждается жизнью, получает какую-то радость жизни, у него есть какие-то жизненные впечатления. Для нас он объект воспитания, а для себя он живой человек, и убеждать его в том, что ты не человек, а только будущий человек, что ты явление педагогическое, а не жизненное, было бы мне невыгодно. Я старался убедить, что я не столько педагог, сколько я тебя учу, чтобы ты был грамотным, чтобы ты работал на производстве, ты участник производственного процесса, ты гражданин, а я твой уполномоченный, старший, который в каждом учреждении руководит при твоей же помощи, при твоем же участии. Меньше всего я старался убедить его, что он только воспитанник, т. е. явление только педагогическое, а не общественное и не личное. На самом деле, для меня он — явление педагогическое.

Так же и отряд. Мы утверждали, что отряд есть маленькая советская ячейка, которая имеет большие общественные задачи. Она имеет общественные задачи, она старается коммуну доводить до возможно лучшего состояния. Она помогает бывшим коммунарам, она помогает бывшим беспризорным, которые в коммуну приходят и нуждаются в помощи. Отряд — общественный деятель и первичная ячейка общественной работы.

Чтобы не выпячивать искусственное педагогическое содержание ребенка, чтобы оставить его для моего педагогического мышления, чтобы он себя чувствовал прежде всего гражданином, чтобы он чувствовал себя прежде всего человеком, мы с моими сотрудниками-педагогами пришли к глубокому убеждению, что прикасать-

ся к личности нужно с особо сложной инструментовкой. В дальнейшей нашей работе это сделалось традицией.

Петренко опоздал на завод. Вечером я получаю об этом рапорт. Я вызываю командира того отряда, в котором находится Петренко, и говорю:

— У тебя опоздание на заводе.

— Да, Петренко опоздал.

— Чтобы этого больше не было!

— Есть, больше не будет.

На второй раз Петренко опять опоздал. Я собираю отряд.

— У вас Петренко опаздывает второй раз на завод.

Я делаю замечание всему отряду. Они говорят: этого не будет.

— Можете итти!

Затем я слежу, что там делается. Отряд сам будет воспитывать Петренко и говорить ему:

— Ты опоздал на завод, значит, наш отряд опаздывает!

Отряд будет предъявлять огромные требования к Петренко, как к члену своего отряда, как к члену всего коллектива. Мы довели это требование к отряду до совершенного вида. Например, совет командиров. Туда приходили командиры, избранные общим собранием люди, лица, уполномоченные советом. Но у нас был закон, — сидят ли в совете командиров командиры или кто-нибудь другой, мы проверяли, представлены ли в совете все отряды. Обычно это проверял председатель совета. Есть первый отряд. Есть, но не командир, а другое лицо, так как командир занят, и это лицо имело право участвовать в собрании и иметь голос, как командир отряда.

Затем, например, Волков украл. С Волковым ведется отдельная работа в этом случае, но замечания, известные минусы ставятся не Волкову, а отряду. Отряд отвечает целиком за то, что Волков что-то украл.

В отряде в большинстве отличники. Из 12 человек 10 отличников. Отряд выдвигается на первое место. Отряд получает известные преимущества, премию или наслаждение, например, несколько походов в оперный театр. Мы имели каждый день несколько билетов в театр. Все равно, идет весь отряд. И отличники идут, и те, которые не имели «отлично», а имели даже плохие отметки. Они пользуются тем, что получил отряд. Казалось бы, — несправедливо, а на самом деле, чрезвычайно полезно, так как такой Петя, который среди 10 отличников идет в театр, чувствует себя неловко. Он не заработал, а пользуется и получает то, что заработали его товарищи, и это является для него молчаливым нравственным обязательством. На следующий месяц он из кожи вылезет, а выйдет. Иногда такой Петя приходит и говорит:— «Переведите в другой отряд. Там все отличники, а я не хочу. Они все в театр идут и мне говорят, — вот билет, что он пропадать что ли будет, иди!»

Такое авансирование личности через отряд нам очень помогало, и если в отряде 12 человек, из них 5 хорошо, нормально рабо-

тают, а 7 тянут отряд вниз до того, что отряд занимает последнее место, то весь отряд отвечал за это.

У нас было 30—35 отрядов. Каждый месяц первый отряд, получивший по всем показателям лучшее место, объявлялся первым. Каждый месяц отряд, получивший наихудшие показатели, объявлялся последним. На диаграмме это известным образом показывалось. Второго числа каждого месяца устраивалось собрание, на котором лучший отряд прошлого месяца в присутствии всего собрания под команду — «Встать, смирно!» передавал знамя лучшему отряду этого месяца, как победителю. Это специально сделанное, богатое, прекрасное знамя, которое отряд держал у себя в спальной.

Я вам говорил, что первые 7 отрядов получали билеты в театр. Мы никогда не жили на государственный счет, всегда жили за счет своего заработка. Поэтому мы были богаты. Поэтому мы могли иметь в Харьковский оперный театр, в драматический театр, в молодежный театр 31 место каждый день. Это значит, что лучший отряд получал 7 билетов, следующий 6 билетов, затем 5, затем 4, затем 3, 2 и 1. Это значит, первый отряд получал на целую шестидневку каждый день, получал по 7 билетов, второй отряд получал 6 билетов и т. д. Мы не следили за тем, кому эти билеты даются, ходят ли те, которые тянут отряд вперед или которые тянут отряд назад. Это дело не наше. Ходили все. Каждый день подавался автобус, и все, имевшие билеты, подходили к автобусу, а дежурный командир проверял билеты, имеет ли он билет, одет ли он в форму и имеет ли он рубль, чтобы воспользоваться буфетом. Вот три требования, которые предъявлялись к идущим в театр: билет, костюм и рубль, и никто не спрашивал — ты в отряде последний или первый.

Такое значение имел отряд и при всех других случаях. Например, при распределении уборки. В коммуне не было уборщиков, а коммуну нужно было содержать в чистоте, натирать полы, чистить медные ручки, зеркала, иметь всегда свежие цветы, нужно было производить огромную работу, и эта работа выполнялась не отдельными лицами, не уборщиками, а авралом. На работу выходили все 500 человек с четверть седьмого до без четверти семь.

Такую работу, чтобы она протекала хорошо, было трудно организовать. Нужно было иметь известный опыт по работе, и это достигалось тем, что она распределялась на полгода вперед между отрядами. Менять работу часто было нельзя. Один отряд получал щетку, ведро, тряпку, для уборной он получал другие приспособления, для уборки театрального зала он получал все, что нужно для чистки и натирки полов и уборки пыли. И затем при распределении обязанностей принималось во внимание, какой отряд, хороший или плохой. Например, лучший отряд получал задание привести уборную в порядок, на это требовалось 12 минут, а худший отряд получал театральный зал, который нужно было убирать очень долго, и, чтобы привести в порядок, надо было потеть почти всем. Обычно, самый плохой отряд получал работу самую чистую,

но самую объемистую, причем за плохо произведенную уборку садился под арест только командир отряда. Мы не интересовались, кто не вытер пыль на батарее. Получает арест командир, он получал наказание за то, что делалось в отряде.

Во всех случаях жизни отряд являлся тем местом, с которым я, как старший в коммуне, имел тесное соприкосновение, но для меня становилось трудным вопросом проверить внимательно психику отряда. И здесь выступает на первый план личность воспитателя, прикрепленного к этому отряду.

Я мог бы долго говорить о таком значении первичного коллектива. Я хочу вот что сказать. В школе у нас меньшая возможность звучания такого первичного коллектива. Там должна быть какая-то другая методика. Но тем не менее я убежден в следующем. Первичный коллектив не должен оттеснять общий коллектив и заменять его, и, во-вторых, первичный коллектив должен быть основным путем прикосновения к отдельной личности. Это общая моя теорема, а более детальный метод для коммуны должен быть один, а для школы совершенно другой. Только через такой первичный коллектив официально мы прикасались к индивидуальности. На деле мы всегда имели в виду прежде всего отдельного воспитанника.

Как организовал я и мои коллеги работу с отдельными воспитанниками, с отдельной личностью? Для того чтобы работать с отдельной личностью, нужно ее знать и ее культивировать. Если в моем представлении отдельные личности будут насыпаны, как отдельные горошины, без коллективного масштаба, если я буду подходить к ним без этой коллективной мерки, я с ними не справлюсь. У меня было 500 личностей. Тут было такое важное обстоятельство. В первый год я, как начинающий педагог, совершил обычную ошибку. Я обращал внимание на личность, выпадающую из коллектива. У меня был неправильный взгляд, направленный в самые опасные места, и я этими опасными местами занимался. Естественно, моим особым вниманием пользовался тот, кто украл, тот, кто хулиганил, кто идет против коллектива, кто хочет убежать, т. е. то, что выбрасывалось из коллектива, как выпадающее. Естественно, что я на этих людей направлял свое особое внимание. Так я делал как педагог, убежденный, что он педагог и умеет работать с отдельной личностью. Я каждого вызывал, с каждым разговаривал, убеждал и т. д.

В последние годы я изменил такой тон работы. Я увидел, что наиболее опасным элементом в моей работе является не тот, который обращает на себя особое внимание, а тот, кто от меня прячется, а таких было больше половины. Это я видел. Почему я пришел к мысли об этом? Потому что уже я выпустил людей, я выпустил 15 выпусков, и я следил за этими выпусками и видел, что те люди, которых я считал самыми опасными и плохими, в жизни идут блестяще, активно, по-советски, иногда совершают и ошибки, но в общем они удовлетворяли меня вполне, как продукт воспитания. А те, которые у меня в классе, в коллективе учились удовлетворительно, не хулиганили, не крали, не имели

конфликтов, в жизни идут совсем как мещане, из комсомола обычно выходят, обращаются в серейких существ, относительно которых нельзя сказать, что они такое или чем они пахнут.

Такие случаи в первые годы своей жизни я наблюдал много, и я пришел к глубокому убеждению, что именно тот, кто от меня прячется и старается не попадаться на глаза, тот является самым опасным объектом, на того я должен обратить особое внимание. Между прочим натолкнули меня на это сами коммунары. В некоторых случаях они прямо утверждали, что тот, кто покроет матом инструктора, все-таки он коммунар, а тот, кто сидит в своем отряде, зубрит, но на собраниях не выступает, не высказывается, в случае пожара также сидит и зубрит или свой радиоприемник чинит, это самый вредный, так как он достаточно умен, достаточно дипломатичен, чтобы не попадаться на глаза и вести свою тихую линию и выйти в жизнь нетронутым и невоспитанным.

Когда я пришел к известному успеху, когда меня перестали потрясать воровство и хулиганство, я понял, что цель моей воспитательной работы заключалась не в том, чтобы привести в порядок 2—3 воров и хулиганов, а положительная цель моей работы в том, чтобы воспитать определенный тип гражданина, выпустить боевой, активный, жизненный характер, и эта цель может быть достигнута только в том случае, если я воспитаю каждого, а не только приведу в порядок каждую личность.

Такую ошибку совершают и некоторые педагоги в школе. Есть такие педагоги в школе, которые считают своей обязанностью возиться с теми, кто либо протестует, либо отстает, а так называемая «норма» сама идет. Но куда она идет и куда она выходит — это вопрос.

Мне помогли коммунары даже в терминологии. Постоянный анализ коллектива, записанный на листе бумаги, известный всей коммуне, производился не мною, а советом командиров. Все коммунары в моих глазах делились на такие группы: 1. Действующий актив. 2. Резерв актива.

Действующий актив — это те, которые явно для всех ведут коммуну, которые на каждый вопрос отзываются с чувством, со страстью, с убеждением, с требованиями. В обычном смысле, они коммуну ведут. Но в случае опасности, большой кампании, штурма или реагирования на какой-нибудь скандал, у них всегда есть резерв, который еще не актив, не командир, не имеет еще формально официального места, но который приходит к ним на помощь немедленно. Это тот резерв актива, который всегда сменяет действующий актив.

Затем у меня была отмечена группа «здорового пассива». Это те, которые не доросли, но в кружках участвуют, и в физкультурной работе, и в фотокружке, и в стенной газете, но которые идут послушно за более старшими.

Затем у меня была группа «гнющего актива». Это получалось так. Он командир, он член комиссии, он член бюро комсомола, но мы видим, я и ребята видят просто по глазам, по походке, — и для них, и для меня даже не нужны были факты, — мы видим

некоторую тонкую дипломатию, — там интрига, там клевета, там уклонился от работы, там станок не убрал, а за него убирает какой-нибудь малыш, назавтра опять то же самое: и гниение начинается с пользования привилегиями, с уклонений, с требовательного тона. Иногда такое гниение доходит до более солидной величины. Смотришь, от него пахнет вином, а к вину у нас было беспощадное отношение. В коммуне был такой закон: за первый случай пьянства — на все четыре стороны! Спросишь его, почему пахнет вином:

— Я был в городе, выпил стакан пива.

Стакан пива — это не страшно, но является подозрение — пиво ли это? Был ли он в городе или в притоне в деревне, где бывали такие целые групповые пьянки.

Таков «гниющий актив». Мы туда формально не заносили людей, но секретарь комсомольского бюро и 2 — 3 человека из комсомольцев знали, что тут начинается какое-то гниение.

Наконец, была группа, которую некоторые коммунары называли красочно — «шпана». Это значит, держи карманы, и все внимание нужно остановить на них. Эти могут и кассу взломать, и залезть на завод и детали украсть. Обычно, это новенькие, более старшего возраста. Таких бывало человек 15—20. Они ничего не делали, но все знали, что это «шпана», и если ее выпустить из глаз, то обязательно что-нибудь она устроит.

И, наконец, термин, подсказанный Великой Французской революцией, — «болото». Здесь человек 50, которые кое-как бредут, кое-как выполняют нормы, а чем они живут и что у них в голове и на душе, как они относятся к коммуне, не узнаешь.

Являлось особенно радостным и приятным наблюдение за этим составом и наблюдение за движением. Мы видим, что такой-то Петров был у нас в болоте, причем мы говорили ему, что ты у нас в болоте, ты ничего не делаешь, ничем не болеешь, ничем не интересуешься, ты скучный, вялый, тебя ничто не волнует, а отряд дальше его активизирует. Смотришь, — он чем-то себя проявил, чем-то заинтересовался, еще раз себя проявил, и вот он уже переходит в резерв актива или в «здоровый пассив».

Вся наша задача в том и заключалась, чтобы совершенно уничтожить этот элемент болота и элемент шпаны. Со шпаной шел бой в лоб. Там никаких прикрытий не было. Шпану брали прямой лобовой атакой. С ней говорили по каждому пустяку, вызывали на общее собрание. Это была работа настойчивости и требований.

Что касается более трудных моментов, т. е. «болота» и «гниющего актива», то приходилось вести тут разнообразную индивидуальную работу.

Переходим к индивидуальной работе. Здесь-то и является важнейшим институтом педагогический коллектив. Очень трудно определить работу педагогического коллектива в каких-нибудь точных выражениях. Это, может быть, самый трудный вопрос в нашей педагогике — работа педагогического коллектива. У нас сплошь и рядом и в педагогической литературе слово «воспита-

тель» появляется в единственном числе: «воспитатель должен быть таким-то», «воспитатель должен так-то действовать», «воспитатель должен так-то разговаривать».

Я не представляю себе, чтобы педагогика могла рассчитывать на обособленного воспитателя. Конечно, без талантливого воспитателя, способного руководить, обладающего зорким глазом, настойчивостью, обладающего умом, опытом, одним словом, хорошего воспитателя, нам трудно. Но в воспитании 35 миллионов наших детей и юношей можем ли делать ставку на случайную картину таких воспитателей? Если делать ставку на отдельного воспитателя, то значит — итти сознательно на то, что хороший воспитатель будет воспитывать хорошо, а плохой — плохо. Кто подсчитывал, сколько талантливых воспитателей и сколько бесталанных? И затем давайте решим вопрос — воспитатель должен быть сам воспитан. Как он должен быть воспитан, что у него за характер, чем он руководствуется, чем он живет? Сколько таких воспитателей, против которых нужно ставить такие минусы, никто не подсчитал. Может быть, 80 проц. таких плохих воспитателей. А мы делаем ставку на воспитателя в единственном числе.

Так как мне в своей жизни, главным образом, приходилось ставить ставку на воспитательные цели и проблемы, я очень страдал от этого вопроса. Воспитатели мне попадали, обычно, сами не воспитанные. Потом я пришел к глубокому убеждению, что лучше совсем не иметь воспитателя, чем иметь воспитателя, который сам не воспитан. Я считал, что лучше иметь в коллективе 4 талантливых воспитателей, чем 40 бесталанных и невоспитанных. Я видел сам примеры, когда 40 таких бесталанных, невоспитанных людей работали в коллективе. Какие результаты могли быть от такой работы? Только разложение коллектива.

Значит, чрезвычайно важным является вопрос о выборе воспитателя. Как же выбирать, по каким признакам? У нас почему-то на этот вопрос обращают мало внимания. У нас считают, что любой человек, любой, кто угодно, стоит его только назначить на должность воспитателя и заплатить воспитательское жалованье, он может воспитывать. А между тем это работа самая трудная, в итоге, возможно, работа самая ответственная и требующая от личности не только наибольшего напряжения, но и больших сил, больших способностей. Никто так не вредил, никто так не портил моей работы, никто так не сбивал в сторону налаженной годами работы, как плохой воспитатель. Поэтому я в последние годы пришел к твердой линии — пользоваться только теми воспитателями, которые действительно могут воспитывать. Это была неожиданная прибавка к моему плану. Потом я совсем отказался от отдельных воспитателей. Я обычно пользовался помощью одних школьных учителей, но и над ними нужно было вести большую работу, чтобы научить их воспитывать. Я убежден, что научить воспитывать так же легко, может быть, как научить математике, как научить читать, как научить быть хорошим фрезеровщиком или токарем, и я учил.

В чем заключалась такая учеба? Прежде всего в организации характера, воспитании его поведения, а затем в организации его специальных знаний и навыков, без которых ни один воспитатель не может быть хорошим воспитателем, не может работать, так как у него не поставлен голос, он не умеет разговаривать с ребенком и не знает, в каких случаях как нужно говорить. Без этих моментов не может быть хорошего воспитателя. Не может быть хорошим воспитатель, который не владеет мимикой, который не может придать своему лицу необходимого выражения или сдержать свое настроение. Воспитатель должен уметь организовывать, ходить, шутить, быть веселым, сердитым. Воспитатель должен себя так вести, чтобы каждое движение его воспитывало, и всегда должен знать, чего он хочет в данный момент и чего он не хочет. Если воспитатель не знает этого, кого он может воспитывать?

Я убежден, что у наших педагогов в будущих педагогических вузах обязательно будет преподаваться и постановка голоса, и поза, и владение своим организмом, и владение своим лицом, и без такой работы я не представляю себе работы воспитателя. Конечно, постановка голоса имеет значение не только для того, чтобы красиво петь или разговаривать, а чтобы уметь наиболее точно, внушительно, повелительно уметь выражать свои мысли и чувства. Все это вопросы воспитательной техники.

Например, относительно голоса, как нужно делать выговор, в каких границах вы имеете право показать свой гнев или негодование, имеете ли право показать или не имеете права, и если имеете право, то как вы должны показать? Это постоянное действие организма и есть воспитание. Воспитанник воспринимает вашу душу и ваши мысли не потому, что знает, что у вас в душе происходит, а потому, что видит вас, слушает вас, и если мы идем в театр и любуемся актерами, которые играют прекрасно, то там эта игра — это ваше эстетическое наслаждение, а здесь воспитанник имеет перед собой такой живой организм, но не играющий, а воспитывающий. Воспитатель должен быть активно действующим организмом, сознательно направленным на воспитательскую работу.

Во-вторых, ни один преподаватель не имеет права действовать в одиночку, на свой собственный риск и на свою собственную ответственность. Здесь должен быть коллектив воспитателей, и там, где воспитатели не соединены в коллектив и коллектив не имеет единого плана работы, единого тона, единого точного подхода к ребенку, там не может быть никакого воспитательного процесса. Поэтому лучше иметь 5 слабых воспитателей, объединенных в коллектив, воодушевленных одной мыслью, одним принципом, одним стилем и работающих едино, чем 10 хороших воспитателей, которые работают все в одиночку, как кто хочет. Здесь может быть очень много всяких искривлений.

Вы, наверно, знаете такое явление, как явление любимого учителя. Я учитель в школе и я воображаю, что я любимый учитель. Я воображаю, что я любимый, а все мои коллеги — нелюби-

мые. Незаметно для самого себя я веду определенную линию. Меня любят, я стараюсь заслужить любовь, я стараюсь понравиться воспитанникам. Вообще, я любимый, а те — нелюбимые!

Какой это воспитательный процесс? Человек выбил себя из коллектива. Человек вообразил, что его любят, и поэтому он может работать, как ему нравится и как он хочет. Я убеждал своих помощников, а у меня были просто гении в воспитательной работе, но я их убеждал, что меньше всего нужно быть любимым воспитателем. Я лично никогда не добивался детской любви и считаю, что эта любовь, организуемая педагогом для собственного удовольствия, является преступлением. Может быть, некоторые коммунары меня и любят, но я полагал, что 500 человек, которых я воспитываю, должны выйти гражданами и настоящими людьми, зачем же к этому еще прибавлять какую-то припадочную любовь ко мне дополнительно к моему плану? Это кокетничанье, эта погоня за любовью, эта хвастливость любовью приносит большой вред воспитателю. Пусть любовь придет незаметно от ваших усилий. Но если человек видит цель в любви, то это только вред. Педагог, работая над воспитанием своих воспитанников, не должен добиваться их любви. И если он их любви не добивается, то он может быть требовательным и справедливым и по отношению к воспитанникам и по отношению к самому себе.

Такой коллектив, объединенный общим мнением, убеждением, помощью друг друга, свободный от зависти друг другу, свободный от индивидуальной и личной погони за любовью воспитанников, только такой коллектив и может воспитывать детей.

Недавно мне прислали из редакции издательства «Советский писатель» книгу, написанную одним московским педагогом. В этой книге изображается учительница, работающая в школе, изображается учебный год, педагогический состав, ученики и она. Книга написана от первого лица. В «Советском писателе» мнения по поводу этой книги разделились. Одни сказали, что это пошлость, а другие сказали, что это замечательная книга. Меня выбрали арбитром. Книгу следовало бы издать. Там такая отвратительная фигура учительницы, что, собственно говоря, очень полезно, чтобы люди читали и видели, какой не должна быть учительница. Но она описана с похвалой автора. Автор в восторге от этой учительницы. А она — педагогическая бестия, которая только и занимается тем, что гоняется за любовью воспитанников. И родители там все ужасные. Она их не называет иначе, как «папаша» и «мамаша» с глубоким презрением, что родители — серая семья, а она — педагог. Все учителя также отрицательные — один задавлен своею гордостью, другой интересуется, как он нравится девочкам, третий — интриган, четвертый — ленив; директор бездеятелен и туп. Одна она гениальна.

Такие педагогические бестии, которые кокетничают в одиночку и перед учениками и перед обществом, они никого воспитывать не могут. И чтобы из педагогического персонала получился ответственный, серьезный воспитатель, есть только один путь — объединения их в коллектив, объединения их вокруг определен-

ной фигуры, центра педагогического коллектива. Это тоже очень серьезная проблема, на которую наши педагоги также должны обратить большое внимание.

Чрезвычайно важным является такое обстоятельство — стабильность педагогического коллектива, и я считаю, что наши педагоги уделяют этому вопросу мало внимания. Если у нас в коммуне живет энное количество коммунаров и средний срок их пребывания в коммуне 5 лет, то и средний срок пребывания одного воспитателя не может быть меньше 5 лет. Если коллектив живет и сбит по-настоящему, то каждый новенький является новеньким — не только воспитанник, но и педагог, и воображать, что сегодня пришедший педагог может воспитывать,— это ошибка. Это зависит от того, насколько он старый член коллектива, насколько у него заложено в прошлом сил и энергии, чтобы вести коллектив, и если коллектив педагогов будет моложе коллектива воспитанников, естественно, что он будет слаб. Но это не значит, что в коллектив нужно собирать только стариков. Тут наши педагоги должны заняться вопросом об особенностях звучания старого педагога и новенького педагога. Поэтому коллектив должен быть собран не случайно, а составлен разумно. Должно быть определенное количество стариков, опытных педагогов, и обязательно должна быть одна девочка, только что окончившая педагогический вуз, которая еще и ступить не может. Но она должна быть обязательно, потому что тут совершается мистерия педагогики, так как, когда такая девочка приходит и попадает в старый коллектив и педагогов и воспитанников, то начинается неуловимо тонкая история, которая определяет успех педагогический. Такая девочка будет учиться и у старых педагогов и у старых учеников, и то, что она будет учиться у старых педагогов, сообщает и им ответственность и ее определенную нормальную работу.

Тут нужно разрешить вопрос, сколько должно быть женщин и сколько мужчин в педагогическом коллективе. Об этом нужно серьезно подумать, так как бывает преобладание мужчин и это создает нехороший тон. Слишком много женщин — также какое-то однобокое развитие.

Я бы сказал, что очень большое значение имеет еще и просто внешний вид педагога.

Нужно обсудить вопрос, сколько должно быть из педагогов людей веселых и сколько угрюмых. Я не представляю себе коллектива, составленного из угрюмых людей. Должен быть хоть один весельчак, хоть один остроумец. По законам построения педагогического коллектива в будущей педагогике должен быть составлен целый том.

У меня был педагог — Терский. Я дрожал, как бы его у меня не сманили. Он был удивительно веселый человек. Он меня заражал и воспитанников заражал своим буйным весельем. Он был не собран, но я добился, что он стал хорошим, настоящим педагогом. Он без веселья и минуты не мог ничего делать, причем он оказался удивительным мастером на всякие выдумки, ребусники и т. д. Например, ребусник — это большой плакат на

полстены. Я даже удивлялся гению этого человека, как можно так много придумать! Весь плакат забит разными вопросами и короткими, и длинными, и с рисунками, и с чертежами, и вопросами типа шуток. И не он один придумывает эти вопросы, а у него человек 250 работает, целая коллегия редакционная, находят в журналах, тащат, сами придумывают и т. д. И там целая система была. Висит задача — за задачу тысяча очков. Решит задачу один человек — тысяча очков тому, кто решил, и тысяча тому, кто ее предложил. Решит задачу 100 человек, значит, по 10 очков на каждого, потому что задача более легкая.

Вокруг этих ребусников он сумел объединить всех коммунаров, и сюда он не мог не внести своей огневой бодрости. Например, серия кончается. Налеплена такая задача — «Я буду в выходной день на северо-восток от коммуны на расстоянии 4-х км, и у меня в правом кармане будет такая интересная вещь. Кто меня найдет, тот получит тысячу очков». И вот в выходной день вся коммуна отправляется за 4 км на северо-восток от коммуны и ищет Терского. Ребята запасаются компасами, завтраками. Но он исчез. Я отменяю обед. Где ребята? Оказывается, ищут Терского на северо-восток от коммуны.

Вдруг он объявляет коммунарам и всей коммуне, — собственно говоря, перпетуум мобиле можно сделать. И он так сумеет сыграть, что смотришь — и инженеры находятся под его влиянием, инструктора, все начинают делать перпетуум мобиле. Я ему говорю:

— «Зачем это вы? Ведь всем же известно, что нельзя сделать перпетуум мобиле». А он отвечает: — «Ну пускай попробуют». И я сам чуть ли не начинаю верить, что можно сделать перпетуум мобиле.

В моей практике я был убежден, что педагог воспитатель или учитель не должен иметь права наказания, и я никогда не давал ему права наказания, даже выговора. Во-первых, это очень трудная вещь. Во-вторых, я считал, что право наказания должно быть сосредоточено у одного лица, чтобы не путать и не мешать друг другу. Их работа делалась труднее, ибо они не имели никаких прав, а затем они должны были иметь авторитет.

Говоря об авторитете, многие педагоги убеждены, что авторитет либо дается от бога, — родился человек с авторитетом, все смотрят и видят, что он авторитетен, либо должен быть искусственно организован. Поэтому многие говорят: «Что это вы при мне сделали замечание учителю? Вы подрываете его авторитет».

По-моему, авторитет проистекает только от ответственности. Если человек должен отвечать за свое дело и отвечает, то вот его авторитет. На этой базе он и должен строить свое поведение достаточно авторитетно. Работа педагога должна заключаться в наибольшем приближении к первичному коллективу, в наибольшей дружбе с ним, в товарищеском воспитании. Инструментовка педагога вообще сложная и длительная история. Например, если один член коллектива нарушил дисциплину, показал себя не с хорошей стороны, я требовал, чтобы педагог добивался

прежде всего, чтобы отряд занялся этим вопросом. Его работа должна заключаться в возбуждении активности отряда, в возбуждении требований коллектива к отдельной личности.

По отношению к отдельной личности я предпочитал и рекомендовал другим предпочесть все-таки «удар в лоб». Это значит, если мальчик совершил плохой поступок, отвратительный, я ему так и говорю:

— «Ты совершил отвратительный поступок». Тот знаменитый педагогический такт, о котором так много пишут, должен заключаться в искренности вашего мнения. Я не позволю себе ничего скрывать, я говорю то, что я на самом деле думаю. Это наиболее искренно, просто, легко и наиболее эффективно, но как раз не всегда можно говорить. Я считаю, что разговор меньше всего помогает. Поэтому, когда я раз увидел, что мои разговоры не нужны, я уже ничего не говорил. Например, мальчик оскорбил девочку. Я об этом узнал. Нужно об этом говорить? Для меня важно, чтобы и без разговора он понял, в чем дело. Я ему пишу записочку в конверте. Нужно сказать, что у меня были такие «связисты». Это 10-летние мальчики с глазами, сложными, как у мухи. Они всегда знают, где кого можно найти. Обычно такой связист, хорошенький, эстетичный мальчик, имеет большое значение. Я передаю ему конверт. В конверте написано. — «Тов. Евстигнеев, прошу тебя зайти сегодня в 11 ч. веч.» Мой связист прекрасно знает, о чем написана записка, что случилось, почему я его зову и т. д., всю подноготную знает, но и виду не подает. Я ему говорю: «Отдай записку». И больше ничего не говорю. Я знаю, как это делается. Он придет в столовую: «Вам письмо». — «Что такое?»

— Вас Антон Семенович зовет.

— Почему?

— Я сейчас тебе объясню. А помнишь, как ты вчера крыл такую-то?

А в половине 11-го этот связист придет:

— Ты готов?

— Готов.

— Тебя ждут.

Иногда этот Евстигнеев не вытерпит и зайдет ко мне не в 11 час. вечера, а в 3 часа дня.

— Антон Семенович, вы меня звали?

— Нет, не сейчас, а в 11 час. вечера.

Он идет в отряд. А там уже спрашивают:

— Что такое? Отдуваться?

— Отдуваться.

— А за что?

И до 11 часов вечера его разделают в отряде под орех. В 11 час. он приходит ко мне, бледный, дрожащий, испуганный всем сегодняшним днем. Я его спрашиваю:

— Ты понял?

— Понял.

— Иди.

И больше ничего не нужно.

В других случаях я поступаю иначе. Немедленно бросить все, станок и т. д., и я говорю связисту — «немедленно явиться». И когда он приходит, я говорю все, что я думаю. Если это человек трудный, который мне не верит, который против меня настроен, который недоверчиво ко мне относится, я с тем разговаривать не буду. Я соберу старших, вызову его, предложу папиросу и в самом официальном, приветливом тоне буду с ним говорить. Для меня важно не то, что я говорю, а как другие на него смотрят. Он на меня поднимет глаза, а на товарищей боится смотреть. Я говорю: — «А дальше товарищи тебе расскажут». И товарищи расскажут ему то, чему я их раньше научил, и они будут воображать, что это они сами придумали.

Иногда требуется особая система. Были случаи, когда я приглашал весь отряд, но чтобы не показать виду, что я приглашаю весь отряд для того, чтобы разделаться с одним, я приглашаю весь отряд на чашку чая, т. е. ставится стол, чай, пирожные, ситро. Обычно каждую неделю какой-нибудь отряд бывал у меня. И обычно отряд не знает, в чем дело, и страшно интересуется. И тут в беседе, за чашкой чая, за шутками, они думают, кто же виноват? И иногда даже и виду не покажешь, кто виноват, а они сами в разговоре расскажут, кто в чем виноват, и тут же за чаем пошутят, и после чая с хорошими чувствами, настроениями они идут в спальную. «Все было прекрасно, но вот видишь, как ты нас подвел». На следующую шестидневку я опять приглашаю этот же отряд чай пить. Они понимают, что это проверка, проверочное чаепитие. И они сами рассказывают мне, как они с ним поговорили, что он дал обещание, что назначили ему шефа, — не беспокойтесь! Все будет благополучно! Иногда такое чаепитие бывает школьное. И так как обычно отряды не знают, когда будет чай и кто будет приглашен, то они готовятся все, чтобы быть хорошо одетыми, одеколон у них был, и обычно такой отряд и отдельные лица стеснялись, что вдруг они будут приглашены к чаю, и у них полный развал в отряде.

Один раз был такой случай, что началось чаепитие, и вдруг обнаружилась такая гадость, что дежурный командир предложил прекратить чай. И это было заслуженно. И весь коллектив страдал на другое утро, так как его встречали вопросом:

— Ну, были в гостях? Пили чай?

— Нет...

Это все формы индивидуальной обработки. Особенно важны такие формы, которые приходят от самого воспитанника. Это обычно мальчик или девочка, которые приходят и говорят: «Мне нужно поговорить с вами по секрету». Это самая дружеская и лучшая форма.

Но в некоторых случаях я позволял себе изменить ту систему удара в лоб, фронтальную атаку, а заняться обходным движением. Это тогда, когда против личности восстановлен весь коллектив. Тогда бить фронтально человека нельзя, он остается без

защиты. Коллектив против него, я против него, и человек может сломаться.

Был такой случай. Была девочка, милая, хорошая, но побывавшая на улице, побывавшая в руках мужчин. Далась нам она очень трудно, но через год начала выправляться, и вдруг пропали 50 руб. из тумбочки у ее подруги. Все сказали, что их взяла Лена. Я дал разрешение на обыск. Произвели обыск. Не нашли. Я предложил историю считать исчерпанной. Но через несколько дней в клубе, в читальне эти деньги были найдены под гардиной, спрятанные в особые приспособления для закрывания окон, и ребята сказали, что они видели, как Лена вертелась около этих окон и даже в руках что-то держала. Совет командиров вызвал ее и все ребята сказали:

— «Ты украла!»

Я вижу, что ребята действительно убеждены. Они требуют увольнения за кражу. Я вижу, что ни один человек не склонен стоять за нее, даже девочки, которые обычно в таких случаях защищают свою подругу, и те настаивают на увольнении, и я вижу, что действительно она украла. Это вне всяких сомнений. В таких случаях приходится применять обходное движение. Я говорю: «Нет, вы не доказали, что она украла. Я не могу разрешить уволить». Они смотрят на меня дикими глазами. Я говорю: — «Я убежден, что украла не она». И пока они доказывают, что украла она, я доказываю, что украла не она. — «Почему вы убеждены?» — По глазам вижу. А они знают, что я действительно вижу по глазам. Она приходит ко мне на другой день. «Спасибо вам, вы меня защитили, они напрасно на меня нападали». Я говорю: «Как это так? Ведь ты украла». Тут я ее взял этим неожиданным поворотом. Она расплакалась и призналась. Но этот секрет, что мы только двое знаем, она и я, что я на общем собрании лгал, чтобы ее защитить, зная, что она украла, отдал ее в мое полное педагогическое распоряжение.

Это ложь. Но я гнев коллектива видел. Ее могли выгнать, и чтобы этого избежать, надо было пойти на такую штуку. Вообще я противник таких обходных движений. Это опасная вещь, но девочка поняла, что я лгу, я обманываю общее собрание для нее, у нас есть общий секрет, и это отдает ее целиком мне, как педагогический объект. Но эти обходные движения очень трудны и сложны. И на них можно решаться только в редких случаях.

ДИСЦИПЛИНА, РЕЖИМ, НАКАЗАНИЯ И ПООЩРЕНИЯ

Что такое дисциплина? В нашей практике у некоторых учителей и у некоторых педагогов-мыслителей дисциплина иногда рисуется, как средство воспитания. Я считаю, что дисциплина является не средством воспитания, а результатом воспитания, и как средство воспитания должна отличаться от режима. Режим — это есть определенная система коллектива, определенная система средств

и методов, которые помогают воспитывать. Результатом же воспитания является именно дисциплина.

Я при этом предлагаю дисциплину понимать несколько шире, чем она понималась до революции. В дореволюционной школе и в дореволюционном обществе дисциплина была внешним явлением, это была форма властвования, форма подавления личности, личной воли и личных стремлений, наконец, это был метод приведения личности к покорности по отношению к элементам власти. Так рассматривалась дисциплина и всеми нами, кто пережил старый режим, кто был в школе, в гимназии, в реальном училище, и все знают, что и мы, и учителя также смотрели на дисциплину одинаково, — дисциплина —это кодекс некоторых обязательных положений, которые необходимы для удобства, для порядка, для какого-то благополучия, чисто внешнего, благополучия, скорее, типа связи, чем типа нравственного.

Дисциплина в нашем обществе — это явление нравственное и политическое. Вместе с тем я наблюдаю некоторых учителей, которые и теперь не могут отвыкнуть от старого взгляда на дисциплину. Человек недисциплинированный в старом обществе никем не рассматривался как человек безнравственный, как человек, нарушающий какую-то общественную мораль. Вы помните, что у нас в школах такая недисциплинированность рассматривалась нами и товарищами как некоторое геройство, как некоторый подвиг или во всяком случае как некоторое остроумное, веселящее представление. Всякая проказливость не только учениками, но даже и самими учителями не рассматривалась иначе как проявление какой-то живости характера или проявление какого-то революционного порядка.

В нашем обществе недисциплинированность, недисциплинированный человек — это человек, выступающий против общества, и такого человека мы рассматриваем не только с точки зрения внешнего технического удобства, но с точки зрения политической и нравственной. Такую точку зрения на дисциплину я считаю необходимым иметь каждому педагогу, но это только тогда, когда дисциплина рассматривается как результат воспитания.

Прежде всего, как вам уже известно, наша дисциплина всегда должна быть дисциплиной сознательной. Дисциплина должна вытекать из сознания, но определяться сознанием дисциплина не может, так как она является результатом всего воспитательного процесса, а не отдельных специальных мер. Думать, что дисциплины можно добиться при помощи каких-то специальных методов, направленных на создание дисциплины, — ошибка. Дисциплина является продуктом всей суммы воспитательного воздействия, включая сюда и образовательный процесс, и процесс политического образования, и процесс организации характера, и процесс столкновения, конфликтов и разрешения конфликтов в коллективе, в процессе дружбы и доверия и всего воспитательного процесса, считая здесь также такие процессы, как процесс физкультурного воспитания, физического развития и т. д.

Рассчитывать, что дисциплину можно создать только одной

проповедью, одними разъяснениями, это значит рассчитывать на результаты чрезвычайно слабые. Воспитание дисциплины при помощи рассуждений и убеждения может обратиться только в бесконечные споры. Тем не менее, я первый настаиваю, что наша дисциплина в отличие от старой дисциплины, как явление нравственное и политическое, должна сопровождаться сознанием, т. е. полным пониманием того, что такое дисциплина и для чего она нужна.

Какими способами можно достигать этой сознательности дисциплины? В нашей школе нет такого предмета, такого лица, которое бы преподавало теорию морали или было бы обязано по известной программе сообщать ее детям. В старой школе был закон божий, предмет дикий, предмет, отрицаемый не только учениками, но сплошь и рядом и самими батюшками, которые относились к нему как к чему-то не заслуживающему уважения, но вместе с тем в нем было много моральных проблем, которых так или иначе касались. Другой вопрос: имела эта теория морали положительный результат или нет? В своей практике я пришел к убеждению, что и для нас необходима теория морали. В наших современных школах такого предмета нет. Есть воспитательный коллектив, есть комсорги, пионервожатые, которые имеют возможность при небольшом желании систематическую теорию морали, теорию поведения ученикам преподнести. Я уверен, что и в развитии нашей школы в будущем мы придем к такой форме. В своей практике я принужден был такую теорию морали в определенном виде, в программном виде, своим ученикам предлагать. Я сам не имел права вести такой предмет — мораль, но я имел перед собой программу, мною лично составленную, которую я излагал моим воспитанникам на общих собраниях, пользуясь различными поводами.

Я видел очень хорошие результаты такой теории морали. Возьмем вопрос о воровстве. Мы имеем возможность теорию честности, теорию отношения к вещам чужим, своим и государственным развить с бесконечной убедительностью, с очень строгой логикой, с большой внушаемостью, и вся конкретная теория поступков по отношению к вещам, теория запрещения воровства по своей убедительноти и силе не имеет сравнения со старыми разглагольствованиями о том, что нельзя украсть, так как старая логика, что нельзя украсть, так как бог накажет, мало кого убеждала. Она могла сотрясать представление о воровстве, но не действовать, как торможение. Сдержанность, уважение к женщине, к ребенку, к старику, уважение к себе, вся теория поступков, которые относятся к целому обществу или к коллективу, может быть предложена нашим ученикам в чрезвычайно убедительной и сильной форме.

Я считаю, что такая теория поведения, теория советского поведения, имеет настолько много данных в общественной жизни, в нашей общественной практике, в истории нашей гражданской войны, в истории нашей советской борьбы и в особенности в истории коммунистической партии, что немного нужно усилий, чтобы

такой предмет, как теория поступков, мораль, мог быть легко, красиво и убедительно предложен нашим ученикам.

Коллектив, перед которым такая теория морали излагается, несомненно воспримет все это, и в каждом отдельном случае каждый отдельный ученик и воспитанник должен сам для себя находить какие-то обязательные формы и формулы морали. Я помню, как быстро и радостно возрождался мой коллектив в отдельных моральных случаях и проблемах после единственной беседы на такую моральную тему. Целый ряд бесед, целый цикл таких бесед производил просто большое философское оздоровление в моем коллективе, в моем детском обществе.

Какие общие положения могут служить доводом в такой теории морали? Прежде всего дисциплина, как форма нашего политического и нравственного благополучия. Дисциплина должна требоваться от коллектива. Нельзя рассчитывать, что дисциплина придет сама благодаря внешним мерам, приемам или отдельным разговорчикам. Нет, перед коллективом задачу дисциплины, цель дисциплины нужно требовать прямо, ясно и определенно. Каждый ученик должен быть убежден, что дисциплина является формой для наилучшего достижения целей коллектива. Та логика достижений цели целого коллектива, утверждающая, что без дисциплины коллектив своей цели добиться не может, если она излагается четко и горячо (я против холодных рассуждений о дисциплине), — такая логика будет первым камнем, положенным в основание определенной теории поступка, т. е. определенной теории морали.

Во-вторых, логика нашей дисциплины утверждает, что дисциплина ставит каждую отдельную личность, каждого отдельного человека в более защитное, более свободное положение. Представьте себе, что это парадоксальное утверждение, что дисциплина есть свобода, понимается самими ребятами очень легко, и на практике ребята вспоминают это утверждение, они на каждом шагу получают подтверждение, что это верно, и многие говорят в своих активных выступлениях за дисциплину, что дисциплина — это свобода. Дисциплина в коллективе — это полная защищенность, полная уверенность в своем праве, путях и возможностях именно для каждой отдельной личности. Конечно, в нашей общественной жизни, в нашей советской истории очень много можно найти доказательств этого положения, и сама наша революция, само наше общество являются подтверждением этого закона.

Это — второй тип общеморальных требований, который нужно предложить детскому коллективу, и такой тип требований помогает потом воспитателю разрешить каждый отдельный конфликт. В каждом отдельном случае нарушитель дисциплины обвиняется не только мною, но и всем коллективом в том, что он нарушает интересы других членов коллектива, лишает их той свободы, на которую они имеют право.

Я рассказал бы вам об очень ярких случаях почти мгновенного человеческого возрождения благодаря тому, что мальчик

попадал в дисциплинированную среду. В 1932 г. я взял на вокзале в Харькове по распоряжению НКВД со всех проходящих через Харьков скорых поездов 50 беспризорных. Я взял их в очень тяжелом состоянии. Прежде всего, — что меня поразило, — они все друг друга знали, хотя я взял их с разных поездов, главным образом идущих с Кавказа и из Крыма, но они все были знакомы. Это было курортное общество, которое разъезжало, встречалось, пересекалось и имело какие-то внутренние отношения. Эти 50 человек, когда я их привел, помыл, постриг и т. д., на другой день передрались между собой. Оказывается, у них очень много счетов. Тот у того-то украл, тот не заплатил проигрыш, тот не поделился добычей, тот оскорбил, тот не выполнил слова, и я сразу увидел, что в этой группе 50 человек есть вожаки, есть эксплоататоры, есть власть имеющие, и есть эксплоатируемые, подавленные. Это увидел не только я, но и мои коммунары, и мы увидели, что допустили ошибку, слив эти 50 человек в отдельный маленький коллектив. На другой день вечером мы их распределили между остальными 400 коммунарами, причем распределили, придерживаясь правила: кто позлее — в сильный коллектив, а тех, кто помягче, — в более слабый.

Мы в течение недели наблюдали, как при встречах они старались еще сводить прежние счеты. Но под давлением коллектива эти счеты были прекращены, но несколько человек убежали из коммуны, не будучи в состоянии перенести свои расчеты с врагами, более сильными, чем они.

В комсомольской организации мы этот вопрос крепко продискутировали и выяснили очень многие обстоятельства этой недисциплинированной жизни, этого страдания отдельной личности от отсутствия дисциплины, причем в конце концов, воспользовавшись этим случаем, мы провели целую кампанию по разъяснению этого морального принципа, что дисциплина является свободой для отдельной личности, и кто с наибольшей страстностью, убедительностью и наибольшей слезой выступал за утверждение этого принципа, это как раз новенькие, которых я подобрал на Харьковском вокзале, которые рассказывали, как трудно жить, когда нет дисциплины, которые доказали за две недели новой жизни на своем примере, что такое дисциплина. Если бы мы об этом не говорили, они могли бы ощущать всю тяжесть бездисциплинированной жизни, но понять этого они не могли бы.

Из таких детей, пострадавших от анархии беспризорного общества, у меня вырастали наибольшие сторонники дисциплины, наиболее горячие ее защитники, наиболее преданные ее проповедники. И если я вспомню всех юношей, которые были у меня правой рукой в моем педагогическом коллективе, то это как раз те дети, которые в своей жизни больше всего претерпели от анархии недисциплинированного общества.

Третий пункт морального теоретического утверждения, который должен быть предложен коллективу и всегда быть ему известен и всегда направлять его на борьбу за дисциплинированность, это такой: интересы коллектива выше интересов личности.

Казалось бы, вполне понятная для нас, советских граждан, теорема. Однако на практике она далеко не понятна очень многим интеллигентным, образованным, культурным и даже социально-культурным людям. Мы утверждаем, что интересы коллектива стоят выше интересов личности там, где личность выступает против коллектива, но, когда дело приходит к практическому случаю, дело решается как раз наоборот.

В моей жизни был такой сложный случай. В коммуне Дзержинского в последние годы не было воспитателей, работали педагоги-учителя, а в самом коллективе отдельных воспитателей у нас не было, и вся воспитательная работа велась старшими коммунарами, главным образом комсомольцами, причем этому помогала структура коллектива. Коллектив делился на отряды, во главе которых стояли командиры. Один из командиров отвечал за всю работу коллектива в течение дня: уборка, обед, приемка гостей, порядок, чистота, вся работа школы, прием пищи и производство. Назывался он дежурный командир, носил красную повязку и имел очень большую власть, которая была ему необходима для единоличного руководства порядком дня. Власть заключалась в том, что его приказы должны были выполняться беспрекословно, и только вечером он мог дать отчет о всех своих приказаниях. Никто не имел права разговаривать с ним сидя, а должен был стоять, и никто не имел права возражать ему в какой-либо форме. Обычно дежурным командиром был уважаемый, заслуженный товарищ, и никаких конфликтов с ним не происходило.

Однажды дежурным командиром был мальчик, которого условно назовем Ивановым. Он был комсомолец, один из видных культурных работников, член драмкружка, хороший производственник, пользовался полным уважением всех, в том числе и моим, один из старых беспризорников, имевший большой стаж правонарушений и бродяжничества, которого я лично подобрал в Симферополе. Этот дежурный командир вечером во время рапорта доложил мне, что у мальчика Мезяка украден только что купленный им радиоприемник. Это был первый радиоприемник в коммуне. Мезяк заплатил за него 70 руб., которые собирал в течение полугода из своего заработка. Радиоприемник стоял около кровати в спальной и оттуда исчез. Спальная не запиралась, так как замки в коммуне были запрещены, но в течение дня вход туда был не разрешен, и коммунары не могли войти туда, так как были на работе.

По моему предложению было созвано общее собрание, на котором дежурный командир разобрал вопрос, куда мог деваться радиоприемник. Он очень тактично вел разговор, указал, кто мог бы войти в спальную за инструментом, и т. д., высказал несколько подозрений, предложил избрать комиссию, уговаривал общее собрание выяснить до конца это дело, так как было жалко Мезяка и затем тревожил поступок — кража вещи, на которую человек полгода собирал деньги из своего заработка. Но ничего не удалось открыть, и с тем и легли спать. На утро ко мне пришли

несколько пионеров-малышей и сообщили, что они встали в 5 часов, обследовали всю коммуну и нашли под сценой радиоприемник, в театре. Они попросили освободить их от работы, чтобы они могли понаблюдать, что там происходит. Они стояли весь день, потом пришли ко мне и сказали прямо: радиоприемник украл Иванов, так как они видели, как он один подходил несколько раз к суфлерской будке, стоял там и что-то слушал. Больше никаких доказательств они не имели, только то, что он стоял, не будучи дежурным командиром, над этой дыркой и слушал.

Я сыграл ва-банк. Я позвал Иванова и говорю:

— Ты украл радиоприемник — и баста!

Он побледнел, сел на стул и говорит:

— Да, я украл.

Этот случай сделался предметом обсуждения общего собрания. Комсомол исключил его и передал дело на общее собрание коммунаров. Общее собрание происходило под председательством мальчика, которого называли «Робеспьер», он всегда предлагал одно — выгнать из коммуны. На этот раз также постановили выгнать, но постановили выгнать буквально, — открыть двери и спустить Иванова с лестницы. Я возражал против изгнания, вспоминал всякие случаи, но ничего не добился. Я позвонил в НКВД и сообщил, что есть такое постановление общего собрания, что выгнать и выгнать символически таким-то образом. Они мне ответили, что этого постановления не утвердят и что я должен добиться отмены его.

Я обладал очень большим авторитетом у коммунаров и мог добиться, чего хотел, иногда очень трудных вещей. Тут я ничего не мог сделать, — они меня лишили слова в первый раз за всю жизнь коммуны:

— Антон Семенович, мы вас лишаем слова!

И кончено. Я все-таки им сказал, что они не имеют права выгнать, пока они не получат утверждения НКВД. Тут они со мной согласились и перенесли вопрос на завтра с тем, что прибудут представители НКВД, а они при них подтвердят свое решение.

На другой день несколько видных чекистов приехали в коммуну. Их встретили так:

— Вы чего приехали? Защищать Иванова?

— Нет, добиться справедливости.

И тут произошел у меня в кабинете между коммунарами и чекистами диспут о дисциплине, который может и теперь служить для меня каркасом для разработки этой важнейшей проблемы.

На общем собрании чекисты так говорили:

— Что вы хотите показать вашим постановлением? Иванов — ваш передовик, ваш активист, вы его вооружили доверием, вы ему доверили коммуну, вы подчинялись его распоряжениям беспрекословно. А теперь, когда он один раз украл, вы его выгоняете. И затем: куда он пойдет? Он пойдет на улицу, а это зна-

чит — бандит! Неужели вы так слабы, что не можете перевоспитать Иванова?

Причем сам Иванов, «бандит», в истерике бьется целый день. С ним больше доктора возятся, чем комсомольцы.

Показывают на него:

— Вот, человек болен! Вы, такой сильный коллектив, вы перековали столько человек, — неужели вы боитесь, что он плохо на вас повлияет. Ведь вас 456 человек! А он один.

Это убийственные доводы, это единая логика.

И вот что отвечали им коммунары, не такие опытные, не такие нравственные люди, но люди, отвечающие за свой коллектив, тот же Робеспьер и другие. Они говорили:

— Если Иванов пропадет, — правильно. Пусть пропадает. Если бы он украл что-нибудь — одно дело. Но он был дежурным командиром, мы ему доверили коммуну, он председательствовал на общем собрании и упрашивал нас — говорите то, что знаете. Тут не воровство. Это он один, нахально, цинично, нагло пошел против всех, соблазнившись 70 рублями, пошел против нас, против Мезяка, который 6 месяцев собирал по 10 рублей из своего заработка. Если он пропадет, нам не жалко его!

И, во-вторых, мы с ним, конечно, справимся. Мы его не боимся, но нас это не интересует. Мы потому и справимся с ним, что мы можем его выгнать. И если мы его не выгоним и другого не выгоним, тогда наш коллектив потеряет свою силу и ни с кем не справится. Мы его выгоним, а таких, как он, у нас 70 человек, и мы с ними справимся, именно потому, что мы его выгоним!

Чекисты возражали, что вы все-таки теряете члена коллектива, у вас пятно на коллективе, он пропадет. Им возражали беспризорные: посмотрите на такую-то колонию, на такую-то колонию, где нет дисциплины, сколько они теряют в год. Там бежит в год 50 проц. Значит, если мы настаиваем так резко на дисциплине, то потеря будет больше, а здесь мы согласны его потерять, но зато справимся с другими.

Спор шел долго, целый вечер. Наконец коммунары перестали возражать и даже аплодировали хорошим речам чекистов. Но когда дело доходило до голосования и председатель говорил: «кто за то, чтобы выгнать Иванова», — все сразу поднимали руки. Опять брали чекисты слово, опять убеждали, и я видел по их лицам, что они улыбаются, потому что знают, что все равно Иванова выгонят. И в 12 ч. ночи постановили: выгнать и именно так, как постановили вчера, — открыть дверь и спустить с лестницы. И единственно, чего мы добились, что не физически выгнать, а взять под стражу и отправить в Харьков.

Так и выгнали. Конечно, потом я и другие приняли меры, чтобы Иванова отправить в другую колонию, но чтобы никто не знал, так как когда через год узнали об этом, то меня спрашивали, как это я нарушил постановление общего собрания, — мы постановили выгнать, а он ходил и хлопотал.

Этот случай явился для меня толчком, после которого я долго думал, до каких пор интересы коллектива должны стоять впереди

интересов отдельной личности. И сейчас я склонен думать, что предпочтение интересов коллектива должно быть доведено до конца, даже до беспощадного конца, и только в этом случае будет настоящее воспитание коллектива и отдельной личности.

На эту тему я в конце буду говорить. Сейчас только скажу, что этот беспощадный конец на самом деле должен быть беспощаден только в логике, т. е. физически беспощадным он может и не быть, т. е. нужно так организовать технику беспощадности, чтобы интересы коллектива стояли впереди интересов личности, но и чтобы личность не оказалась в тяжелом, катастрофическом положении.

Наконец, четвертая теорема, которая должна быть внушаема и предлагаться детям, как чистая теория: дисциплина украшает коллектив. Эта сторона дисциплины,—красота дисциплины, эстетика дисциплины, — является очень значительной. Как раз в нашем детском коллективе, насколько я знаю, делается очень мало в этом отношении. У нас порой бывает дисциплина, выражаясь беспризорным языком, «занудная», скучная, дисциплина разглагольствования, понукания, надоедания болтовней. Вопрос о том, как сделать дисциплину приятной, увлекательной, задевающей за живое, является вопросом просто педагогической техники.

Я в своей истории не так скоро пришел к окончательной форме такой красивой дисциплины, причем, конечно, здесь есть опасность, чтобы дисциплина не была просто внешним украшением, чтобы красота дисциплины вытекала из ее сущности. Во всяком случае, в последнее время я имел уже у себя довольно сложную распланировку такой эстетической стороны дисциплины. Для примера приведу несколько приемов, форм, которыми я пользовался уже не для воспитания дисциплины, а для проверки и поддержания эстетичности.

Например, опоздал завтрак. Дали сигнал на завтрак по вине кухни или по вине дежурного, или по вине кого-нибудь из воспитанников, так как они проспали, на 10 минут позднее. Является вопрос, как же поступить дальше — задержать ли сигнал на работу на 10 минут, задержать ли работу, или поступиться завтраком? Вопрос на практике бывает очень тяжелый. У меня было много наемного персонала: инженеры, мастера, инструктора, до 200 человек персонала, который также дорожит своим временем. Они пришли в 8 часов на работу, и в 8 часов я должен дать гудок. А тут завтрак запоздал на 20 минут, коммунары не выходят, и получается, что я должен задержать на 20 минут рабочих и инженеров. Многие живут по железной дороге, опаздывают на поезд и т. д. И вообще тут закон точности.

Я не сомневался ни разу за последние годы, как поступить, и у ребят также не было сомнений. Опоздал завтрак. Я даю гудок ровно в 8 часов — в столовую. Многие ребята бегут, некоторые еще только начинают завтракать. Я прихожу в столовую и говорю — завтрак окончен. Я прекрасно понимаю, что я их оставляю без завтрака, и прекрасно знаю, что и физически это нехорошо, и как хотите. Но тем не менее у меня ни разу сомнений не было.

Если бы я поступил так с коллективом, не чувствующим красоты дисциплины, мне бы кто-нибудь сказал:

«Что же, мы голодные будем?»

Мне никто никогда не говорил таких вещей. Все прекрасно понимают, что нужно так поступить, и то, что я могу войти и потребовать, показывает, что я доверяю коллективу, требуя, чтобы он не завтракал.

Как-то стали обращаться ко мне дежурные, говоря, что ребята задерживаются в спальной и не спешат приходить в столовую, опаздывают на завтрак. Я никогда не поднимал по этому поводу никаких теоретических рассуждений и никому ничего не говорил. Я просто подходил к столовой на другой день и начинал разговаривать с кем-нибудь рядом стоящим по совершенно другому делу, и все опаздывавшие 100 — 150 человек, обычно старшие, комсомольцы, спускаясь с лестницы, не заворачивали в столовую, а прямо на завод: «Здравствуйте, Антон Семенович». И никто не сделает вида, что опоздал на завтрак. А вечером только иногда скажет:

— Ну, и проморили вы нас сегодня!

На этой основе я мог проделывать такие упражнения. Ждут картину «Броненосец «Потемкин». Пришла картина, сели в зал. Идет третья часть. Я говорю:

— Первый, второй, третий отряды, выйдете из зала.

— Что такое?

— Я получил сведения, что какие-то подозрительные личности ходят вокруг коммуны. Проверьте.

— Есть проверить.

Они не знают, ходят или не ходят подозрительные личности, допускают, что это проба, но если кто-нибудь скажет, что это проба, то другие его взгреют. Пойдут, проверят, возвратятся, пропустили часть любимой картины, и никто ничего не скажет, что пропустили любимую картину, а идут и смотрят дальше.

Таких упражнений может быть много. Всегда в частности известно, какой отряд в коллективе лучший. У нас была традиция лучшему отряду поручать самую тяжелую и неприятную работу при распределении уборки. А уборка — это довольно напряженное дело, так как в коммуне каждый день несколько иностранных делегаций, и коммуну нужно было держать в лоске, до полного блеска.

— Какой лучший у нас отряд?

— Шестой.

Значит, самую неприятную уборку производит шестой отряд за то, что он самый лучший. За это ты и совершай самую неприятную работу. И это было у нас вполне естественной логикой. Это самый лучший отряд, и ему поручается самая тяжелая работа.

Или в походах очень часто бывало тяжелое положение, требующее физического напряжения, быстроты, энергии. Какой отряд посылается? — Самый лучший, и этот лучший отряд терпел очень много, но этим он гордился. Трудно представить, что это лучший отряд, и я бы постеснялся поручить ему лишнюю нагрузку, вне-

очередное задание. Я именно ему это поручаю без всякого сомнения, без всяких слов, потому что он лучший, и он это доверие чувствует. Он чувствует в этом особую красоту, эту эстетичность.

Эта эстетичность к себе будет последней филигранной работой дисциплинированности, и не каждый коллектив придет к ней, но если коллектив пришел к ней и если логика такова, что чем выше ты стоишь, тем больше от тебя требуется, если эта логика делается настоящей живой логикой, то значит вопросы дисциплинированности и воспитания доведены до известного удовлетворительного предела.

Наконец, последнее теоретическое общее положение о дисциплине, которое я считал необходимым своим воспитанникам предлагать как можно чаще: в простой форме, доступной для детского понимания, если человеку нужно сделать что-нибудь для себя приятное, он всегда сделает это и без дисциплины. Дисциплина именно то, когда человек делает и неприятное для себя с удовольствием. Это очень важное дисциплинарное положение. Его также нужно отметить и подчеркивать как можно чаще, подчеркивать при всяком случае.

Вот коротко та общая теория поведения, мораль, которую необходимо детям предъявить, как определенное знание, о котором нужно всегда говорить, подчеркивать и добиваться понимания этих теорем и положений. Только таким образом, при таком общем теоретизировании дисциплина будет получаться сознательная.

Во всех этих теоремах и аксиомах дисциплины нужно всегда подчеркнуть главное и основное — это политическое значение дисциплины. Здесь наша советская действительность дает очень много блестящих примеров. Наибольшие достижения, самые славные страницы нашей истории связаны с великолепным блеском дисциплины. Вспомните наши арктические походы, Папанинскую группу, все подвиги Героев Советского Союза, возьмите историю колхозного движения, возьмите историю нашей индустриализации, — здесь даже в художественной литературе вы увидите блестящие примеры, которые вы можете предъявить вашим воспитанникам, как пример советской дисциплины, основанной именно на этих 5 принципах дисциплины.

Говоря просто, чтобы не зарываться в глубь психологических изысканий, основанием дисциплины является требование. Если бы кто-нибудь спросил, как бы я мог в краткой формуле определить сущность моего педагогического опыта, я бы ответил, что как можно больше требований к человеку и как можно больше уважения к нему. Я убежден, что эта формула есть формула вообще советской дисциплины, есть формула вообще нашего общества. От буржуазного общества наше общество именно отличается тем, что мы к человеку предъявляем гораздо большие требования, чем буржуазное общество, и наши требования шире по объему. В буржуазном обществе вы можете открыть лавочку, вы можете эксплоатировать, спекулировать, быть рантье и жить на проценты. Там предъявляется гораздо меньше требований, чем у нас.

У нас к личности предъявляются глубокие, основательные и

общие требования, но, с другой стороны, мы нашей личности оказываем и необыкновенно большое, принципиально-отличное уважение. Это соединение требований к личности и уважения к ней — не две разные вещи, а одно и то же. И наши требования, предъявляемые к личности, выражают и уважение к ее силам и возможностям, и в нашем уважении предъявляются в то же самое время и требования наши к личности. Это уважение не к чему-то внешнему, вне общества стоящему, к приятному и красивому. Это уважение к товарищам, участвовавшим в нашем общем труде, в нашей общей работе, это уважение к деятелю.

Не может быть, конечно, ни создан коллектив, ни создана дисциплина коллектива, если не будет требований к личности. Я, являюсь сторонником требования последовательного, крайнего, определенного, без поправок и без смягчений. Кто из вас читал мою книгу «Педагогическая поэма», тот знает, что я начал с таких требований, тот знает историю с побоями воспитанника Задорова. Эти побои были, конечно, преступлением и показали, во-первых, плохую мою подготовленность, как воспитателя, плохую мою вооруженность педагогической техникой и плохое состояние нервов, отчаяние. Но это не было наказание. Это также было требование. В первые годы моей работы я доводил требования до предела, до насилия, но никогда не наказывал моих воспитанников за проступки, никогда не наказывал так жестоко и таким крайним образом. То мое преступление, которое я описал, было не наказанием, а требованием.

Я не рекомендую вам повторять мой опыт, потому что сейчас не 1920 г., а 1938 г., и потому, что едва ли кто-нибудь из вас, из товарищей, которыми вы руководите, окажется в таком тяжелейшем, одиноком, затрудненном положении, в каком оказался я. Но я утверждаю, что не может быть воспитания, если нет требования. Требование не может быть половинчатым. Оно должно быть большевистски предельным, доведенным до возможного предела.

Эта организация требования, конечно, очень трудная вещь, но она вовсе не требует какой-то особой воли, как многие думают. Я лично человек вовсе не волевой и никогда не отличался достоинствами сильной личности. Вовсе нет. Обыкновенный интеллигент, обыкновенный учитель. Я был только убежден в том, что играть и кокетничать моей интеллигентностью я не имею права. И кокетничанье своей интеллигентностью у воспитателя часто происходит от незнания той линии, которую нужно утвердить. Я убежден, что эта линия, которую нужно утвердить, есть требование. Конечно, это требование должно дальше развиваться. Но я уверен, что пути тут всегда одинаковы. Если вы хотите взять коллектив детей недисциплинированных или дисциплинированных только с внешней стороны, не начинайте никаких споров. Вам нужно будет начинать с ваших индивидуальных единоличных требований. В большинстве случаев бывает так, что достаточно просто выразить решительное, не ломающееся, не гнущееся требование, чтобы дети вам уступили и поступили так, как вы хо-

тите. Тут есть некоторая доля внушаемости и некоторая доля сознания того, что вы правы. Все в дальнейшем будет зависеть от вашего интеллекта. Нельзя предъявлять грубые требования, нелогические, смешные, не связанные с требованиями коллектива.

Я боюсь, что я буду нелогичен. Для себя лично я создал такую теорему. Там, где я не уверен, можно ли потребовать чего-либо, правильно или неправильно, я делал вид, что я ничего не вижу. Я ожидал случая, когда и для меня становилось очевидным и для всякого здравого смысла становилось ясно, что я прав. В таком случае я и предъявлял до конца диктаторские требования, и так как они казались лучше от такой очевидной правды, я действовал смелее, и ребята понимали, что я прав, и легко мне уступали.

Я считаю, что такая логика требований на первых порах должна быть законом. Тот воспитатель, который дает простор своей воле и обращается в самодура в глазах коллектива, требует того, что коллектив не понимает, — тот победы не одержит. Я от своего первого коллектива не требовал, чтобы они не крали. Я понимал, что я тут не могу убедить их, не могу убедить их ни в чем. Но я требовал, чтобы они вставали, когда нужно, выполняли то, что нужно. Но они воровали, и на это воровство я смотрел до поры до времени сквозь пальцы.

Во всяком случае без искреннего, открытого, убежденного, горячего и решительного требования нельзя начинать воспитание коллектива, и тот, кто думает начать с колеблющихся, подмазывающихся уговариваний, тот делает ошибку.

Наряду с требованием должно итти и развитие теории морали, но оно ни в коем случае не должно подменять требования. Там, где вы нашли случай теоретизировать, рассказать детям, что нужно сделать, — там вы должны это сделать. Но там, где вы должны потребовать, вы никаких теорий не должны разводить, а должны требовать и добиваться выполнения ваших требований. В частности я был во многих школах, большей частью киевских. Что меня поражало в детских школьных коллективах, так это страшная крикливость, визгливость, несерьезность, истеричность детей, беганье по лестницам, разбивание стекол, носов, голов и т. д. Я не выношу этого крика. У меня нервы здоровые настолько, что я мог писать «Педагогическую поэму» в окружении ребят, в толпе. Разговоры мне не мешали. Но я считаю, что крик и визг не нужны детям. А вместе с тем я встречал такие рассуждения среди педагогов: ребенок должен кричать, в этом проявляется его натура. Я возражаю против этой теории. Ребенку это совсем не нужно. Как раз этот общий крик в школе только расстраивал все время нервы, больше никакой пользы не приносил. Наоборот, я на своем опыте убедился, что в детском коллективе можно проводить с успехом движение упорядоченное, с торможением, с уважением к соседу, к имуществу, к дверям, к окнам и т. д.

В моей коммуне вы не могли бы встретить такой галдеж. Я добился полного порядка в движении на улице, на площадке, в

здании. Я требовал полного упорядочения движения. Потребовать такую вещь в наших школах совсем не трудно. Если бы я получил сейчас школу, я поставил бы себя в положение организатора. Я всех собрал бы, сказал, чтобы больше этого я не видел. Никаких доказательств, никаких теорий! Потом я поднес бы им теорию, а тут теория могла бы только повредить. Я бы приступил в решительной форме — чтобы я больше этого не видел! Чтобы я не видел ни одного кричащего ученика в классе!

Такое требование, высказанное в форме, не допускающей возражений, необходимо на первых порах в каждом коллективе. Я не представляю себе, чтобы можно было дисциплинировать разболтанный, изнервничавшийся коллектив без такого холодного тона требования отдельного организатора. А дальше это идет гораздо легче.

Вторая стадия развития этого требования, — когда на вашу сторону перешли первый, второй, третий, четвертый активист, когда около вас организуется группа мальчиков или девочек, которые сознательно хотят поддерживать дисциплину. Я спешил с этим. Я, не глядя на то, что эти мальчики или девочки имеют также много недостатков, старался скорее набрать такую группу активистов, которые поддерживали мои требования своими требованиями, высказываемыми на общих собраниях, в своей группе, своим мнением. Это вторая стадия развития требования, когда около меня образовалось такое ядро.

И, наконец, третья стадия развития этого требования, — когда требует коллектив. Это тот результат, который вознаграждает вас за нервный труд первого периода. Когда требует коллектив, когда коллектив сбился в известном тоне и стиле, работа воспитателя становится математически точной, организованной работой. В последние 5 лет в коммуне Дзержинского я уже ничего не требовал. Напротив, я выступал уже, как тормоз для требований коллектива, так как обычно коллектив разгоняется и требует часто очень многого от отдельной личности.

Вот тут-то, когда уже требует коллектив, — тут для вас и будет простор для развертывания теории морали. Тут каждый понимает, что требования морали, политической морали и нравственной, — основные и общий итог требований, — когда каждый воспитанник требует от себя и больше всего интересуется своим поведением.

Это путь от диктаторского требования организатора до свободного требования каждой личности от себя на фоне требований коллектива; этот путь я считаю основным путем в развитии советского детского коллектива. Я убежден, что тут не может быть постоянных форм. Один коллектив может стоять на первой стадии развития, и там нужно иметь фигуру диктатора-воспитателя, и как можно скорее этот коллектив должен переходить к форме свободного коллективного требования и к требованию свободной личности к самой себе.

Конечно, нельзя ограничиваться только одними требованиями. Требование — необходимый элемент дисциплинирования коллек-

тива, но не единственный. Впрочем, все остальные элементы здесь также по существу будут требованиями, но высказанными не в такой решительной форме.

Кроме требований, есть привлечение и понуждение. Эти две формы есть выражение как бы в слабой форме требования. И, наконец, более сильная форма, чем обыкновенное требование, — это угроза. Я считаю, что все эти формы должны употребляться в нашей практике.

Что такое привлечение? Оно тоже должно испытывать некоторое развитие. Одно дело привлечение подарком, наградой, премией или какими-нибудь благами для отдельной личности, и другое дело — привлечение эстетикой поступка, его красивой внутренней сущностью.

То же самое понуждение. В первом случае понуждение может быть высказано в более примитивной форме, в форме доказательства или убеждения. В более совершенном случае понуждение высказывается намеком, улыбкой, юмором. Оно что-то ценное и зидное для детей.

То же самое угроза. Если в начале развития коллектива вы можете угрожать наказаниями, неприятностью, то в конце развития коллектива это уже не нужно. Такой угрозы в развитом коллективе нельзя допускать, и в коммуне Дзержинского я не позволял себе угрожать: я то-то сделаю с тобой! Это было бы ошибочным с моей стороны. Я угрожал осуждением, что поставлю вопрос на общем собрании, причем на общем собрании самым страшным являлось это осуждение.

Понуждение, привлечение и угроза могут иметь самые различные формы в развитии коллектива. В коммуне Дзержинского в последние годы, когда премировались воспитанники за отдельные достижения на производственном, нравственном или бытовом участке, была такая лестница в премиях: подарок, денежная премия и самая высокая награда — благодарность в приказе перед строем, и за эту благодарность в приказе перед строем, которая не сопровождалась никакими подарками, никакими материальными удовольствиями, за нее дрались самые лучшие отряды. За что дрались? За то, что специально в этот день все по приказу надевали парадные костюмы с белыми воротниками и вензелями, и по приказу на площадке строилась вся коммуна в военно-строевом порядке. Выходит оркестр, подходят все преподаватели, инженеры, инструктора, становятся отдельной шеренгой. Дается команда: «Смирно!» Выносится знамя, оркестр играет салют, и после этого выхожу я и тот, кому выносится благодарность, и читается приказ:

«На основе постановления общего собрания коммуны за то-то и за то-то такому-то выражается благодарность».

Это — высшая награда. И такая благодарность записывалась в дневник отряда, в дневник коммуны и на красную доску, что такой-то отряд или такое-то лицо в строю такого-то числа получил благодарность.

Это — высшая награда, которая возможна в богатом эмоция-

ми, в богатом чувствами, нравственными достоинствами и уважением к себе коллективе. Но к этому нужно стремиться, а начинать с этого нельзя. Начинать нужно с понуждения более примитивного типа, с некоторых материальных и других удовольствий в каждом отдельном случае, например, театр и т. д. Хороший воспитатель, конечно, для каждого случая найдет очень много нюансов, мелких движений, когда он сможет применить и привлечение, и понуждение, и угрозу, и требование.

Вопрос — что требовать? Здесь я предложил бы такую теорему, которая даже, пожалуй, не развивается, а должна быть всегда одна и та же. Прежде всего, единственное, что нужно требовать, — это подчинение коллективу. Коммунары меня этому, научили. Они, развивая свой коллектив, пришли к очень интересной форме. В последние годы мы не наказывали за воровство. Для меня это явилось также несколько неожиданным. Я натолкнулся вдруг на такой случай. Один из коммунаров, молодой еще парень, лет 16, украл у товарища 5 рублей из шкафика. Это было на четвертом месяце его пребывания. Его пригласили на общее собрание. Он должен был стать на середину. Среди многих коммунарских традиций у нас была такая старейшая традиция. Зал, вроде этого, только больше, и он имеет бесконечный диван под стеной. На этом диване все сидят, а середина свободная, и всякий, кто должен делать отчет перед общим собранием, должен выйти на середину, стать точно под люстрой. Было определенно установлено, существовал такой определенный кодекс, кто должен выходить и кто не должен выходить на середину. Например, если спрашивали кого-нибудь, как свидетеля, то тот не выходил. Если командир отвечает за отряд, он не выходит на середину, но когда он отвечает лично за себя, он должен выйти на середину, причем я не помню, чтобы разбирались поступки иначе. Отказ выйти на середину рассматривался как отказ подчиниться коллективу. Он мог бы совершить какое-нибудь мелкое преступление, и его отпустили бы с маленьким наказанием, но если бы он отказался выйти на середину, его судили бы как нарушителя высшей формы, как восставшего против коллектива.

Этот парень вышел на середину. Его спрашивают:

— Крал ты?

— Крал.

— Кто желает высказаться?

На середине полагалось стоять смирно.

Один берет слово. Это тот самый Робеспьер, который всегда требовал выгона. Берет слово и вдруг он говорит:

— Что нам с ним делать? Он дикарь. Как же он может не украсть? Слушай, ты еще два раза украдешь.

Всем это понравилось. Все говорят:

— Правильно, он еще два раза украдет. Пустите его с середины.

Тот обиделся:

— Как это я еще два раза украду? Честное слово не украду!

Робеспьер говорит:

— Ты слушай, что тебе говорят. Ты еще два раза украдешь.

Тот ушел. Приходит ко мне вечером и говорит:

— Чорт знает что такое! Даже не наказали, бандиты, издеваются, говорят, что я еще два раза украду!

Я говорю:

— Ты докажи, что над тобой издевались.

Представьте себе, что прошла неделя, и он украл резец из шкафика соседа, даже не для продажи, замок свинтил и т. д. И вот он опять стоит на середине, и когда председатель ему говорит:

— Украл резец?

Все хохочут. Встает Робеспьер и говорит:

— Я тебе говорил, что ты еще два раза украдешь, ты и украл. Зачем же ты по коммуне ходил и обижался? Ты еще раз украдешь!

Тот ушел. Месяц он держался, а через месяц зашел на кухню и украл пирожок.

Когда он опять стоял на середине, то на него смотрели сочувственными глазами, радостно. И Робеспьер говорит:

— Ну, в последний раз?

Тот просит слова и говорит:

— Теперь я вижу, что в последний раз.

И его отпустили. И оказались правы: больше он не крал.

Так всем понравилась эта история, что сделалось обычаем: когда воровство, так у нас сакраментальная фраза:

— Ты еще два раза украдешь.

Я говорю:

— Что вы придумали! Говорите, что еще два раза украдешь! Ведь у нас в коммуне 450 человек, и каждый по три раза украдет, — во что вы коммуну превратили?

Они говорят:

— Не бойтесь.

И действительно, не нужно было бояться, так как это было так убийственно, — такая сила убеждения коллектива, что ты украл и еще два раза украдешь, — что прекратилось всякое воровство, и когда один украл, то на коленях просил не ставить его на середину, никогда не будет больше красть, а то будут говорить, что он еще два раза украдет, а оказывается, что он сам раньше эти слова говорил.

За такое преступление, как мелкое воровство, мы не наказывали. Считали, что это человек больной, что у него еще старые привычки, он никак не отвыкнет и не может не украсть. И затем мы не наказывали за грубость, за некоторые хулиганские наклонности, если они проявляются у новенького, недавно к нам пришедшего.

Наказывали вот за что. Например, такой случай. Девочка, старая коммунарка, командир отряда, комсомолка, хорошенькая, живая, одна из ведущих девочек в коммуне, пользующаяся всеобщим уважением, отправилась в отпуск и не вернулась обратно ночевать, а ее подруга позвонила по телефону, что Шура забо-

лела и осталась у нее ночевать. Дежурный командир, приняв по телефону это сообщение, пришел ко мне и доложил, что вот Шура заболела и осталась ночевать там-то и там-то. Я испугался. Я сказал бывшему воспитаннику Вершневу, врачу коммуны, поехать туда и посмотреть, в чем дело. Он поехал и никого не застал, ни Шуры, ни ее подруги. А на другой день Шура стала на середину. С одной стороны, это было девичье смущенье, а с другой стороны, было что-то другое. Она говорит:

— Мне захотелось пойти в театр, а я боялась, что мне не разрешат.

И при этом такая застенчивая, приятная улыбка. Но я вижу — нет. И все коммунары видят — нет. Улыбкой тут не пахнет. Робеспьер, как всегда, предложил ее выгнать из коммуны, так как если каждый командир отряда будет уезжать в город и «заболевать», а мы будем посылать докторов, и т. д. и т. п.

— Нужно голосовать, — говорит председатель.

Я говорю:

— Вы обалдели... ведь она у нас столько лет в коммуне, а вы будете ее выгонять...

Робеспьер говорит:

— Да, мы немного перехватили, но нужно дать ей 10 часов ареста.

Так и решили — 10 часов ареста, и затем комсомольская организация за нее взялась. Вечером ее на комсомольском собрании парили, и партийная организация должна была вмешаться, чтобы ее не выгнали из комсомола, так как говорили, что лучше бы ты украла, а то ты комсомолка, командир отряда, и вдруг по телефону звонишь дежурному, что ты заболела, а на самом деле не заболела, а куда-то отправилась. Ты же солгала. Это преступление!

Такая логика приходит не сразу, а постепенно и развертывается по мере развития коллектива. Я и говорю, что наибольшие требования должны предъявляться в том случае, когда человек выступает против коллектива более или менее сознательно. Там, где поступок происходит от натуры, от характера, от несдержанности, от темноты политической и нравственной, — там требование может предъявляться не такое резкое. Там можно рассчитывать на положительное влияние опыта, на постепенное накопление привычек. Но там, где личность сознательно выступает против коллектива, отрицая его требования и его власть, — там требования должны быть предъявлены решительные, до конца, до тех пор, пока личность не признает, что нужно подчиниться коллективу.

Теперь несколько слов о наказаниях. У нас по отношению к наказаниям выходит не совсем хорошо. С одной стороны, мы уже признали, что наказания бывают и нужными и полезными. Наказания можно допустить, но, с другой стороны, у нас есть такая установка, — чисто наша, интеллигентская, главным образом, конечно, педагогов, — что наказание это допустимо, но лучше обойтись без наказания. Тот педагог хорош, который не наказывает.

Я уверен, что такая логика дезорганизует педагога. Нужно

установить точно, что такое наказание. Я лично убежден, что наказание не такое большое благо. Я убежден в следующем, что там, где нужно наказать, — там педагог не имеет права не наказать. Наказание — это не только право, но и обязанность в тех случаях, когда наказание необходимо, т. е. я утверждаю, что педагог может наказывать или не наказывать, но если его совесть, его техническая квалификация, его убеждения говорят, что он должен наказать, он не имеет права отказаться от наказания. Наказание должно быть объявлено такой же естественной, простой и логически совместимой мерой, как и всякая другая мера.

Нужно решительно забыть о христианском отношении к наказанию — наказание допустимое зло. Взгляд на наказание, как на зло, которое все же допустимо почему-то, я считаю, не соответствует ни логическим, ни теоретическим взглядам. Там, где наказание должно принести пользу, там, где другие меры нельзя применить, — там педагог никаких разговоров о зле иметь не должен, а должен чувствовать своим долгом применить наказание. Такое убеждение, такая вера, что наказание есть допустимое зло, превращает педагога в доску для упражнения в ханжестве. Никакого ханжества не должно быть. Никакой педагог не должен кокетничать, что вот я святой человек, обхожусь без наказания.

Однако это вовсе не значит, что мы утверждаем желание наказания во всех случаях и всегда.

Что такое наказание? В области наказания я считаю, что как раз советская педагогика имеет возможность найти очень много нового. Мы имеем возможность все наше общество так устроить, так много уважения у нас к человеку, так много гуманности у нас к человеку, что имеем возможность притти к той счастливой норме, какая может быть по вопросу о наказаниях. И эта счастливая норма должна быть такой. Наказание должно разрешать и уничтожать отдельные конфликты и не создавать новых конфликтов. Все зло старого наказания было в том, что наказание, уничтожая один конфликт, создавало другой конфликт, который приходилось разрешать еще более сложным путем. Я утверждаю, что не выработано еще наказание, уничтожающее до конца конфликт. Ясно, что наказание в одном случае имеет смысл, а в другом случае не имеет смысла.

Каковы же отличия советского наказания от других? Во-первых, ни в коем случае оно не должно иметь в виду причинения страдания. Обычная логика говорит, что я тебя накажу, ты будешь страдать, а другие будут смотреть и думать: «Вот ты страдаешь, и нам нужно воздержаться от этого поступка». Никакого физического и нравственного страдания не должно быть. В чем же сущность наказания? Сущность наказания в том, что человек переживает то, что он осужден коллективом, зная, что он поступил неправильно, т. е. в наказании нет подавленности, а есть переживание ошибки, есть переживание отрешения от коллектива, хотя бы минимального.

Поэтому и к наказанию нужно прибегать только в том случае, когда вопрос логически ясен, и только в том случае, когда

общественное мнение стоит на стороне наказания. Там, где коллектив не на вашей стороне, там, где коллектив вы не перетянули на свою сторону, наказывать нельзя. Там, где ваше решение будет решением, отрицаемым всеми, — там наказание производит не полезное, а вредное впечатление; только когда вы чувствуете, что коллектив за вашими плечами и коллектив думает так же, как вы, и осуждает так же, как и вы, — тогда только можно наказывать.

Это то, что касается сущности наказания.

Что такое форма наказания?

Я противник каких бы то ни было регламентированных форм. Наказание должно быть чрезвычайно индивидуальным, чрезвычайно приспособленным к отдельной личности, тем не менее и в области наказания могут быть определенные законы и формы, ограничивающие право наказания.

Я в своей практике считаю, что прежде всего имеет право наказывать либо весь коллектив, его общее собрание, либо один человек, уполномоченный коллектива. Я не представляю себе здорового коллектива, где имеют право наказывать 10 человек. В коммуне Дзержинского, где я руководил и производством, и бытом, и школой, только я один мог наказывать. Это необходимо. Необходимо, чтобы была единая логика наказания и чтобы наказание не было таким частым.

Во-вторых, в наказании должны быть также известные традиция и норма для того, кто применяет наказание. В коммуне Дзержинского был такой закон. Каждый новенький имел звание воспитанника. Когда он становился всем известным и когда все видели, что он идет параллельно с коллективом, не возражая ему, он получал звание коммунара и значок с надписью ФЭД. Этот значок утверждал, что он коммунар. Воспитанника я мог наказывать — дать наряд. Это получасовая работа, главным образом на кухне, по уборке, в оранжерее, но не на производстве. Затем лишение отпуска в выходной день, лишение карманных денег, т. е. заработанные карманные деньги не выдавались, а шли в сберкассу на его имя, а получить из сберкассы деньги он не мог без моей подписи. И самое страшное наказание, которое можно было применить, — это увольнение с производства и перевод на хозяйственные работы. Вот наказания, которые я мог применить и имел право применить только по отношению к воспитанникам. По отношению к коммунарам я не имел права применять эти наказания. Там было только одно наказание — арест. Воспитанник же не мог быть арестован. Арест — это единственная форма наказания, которую я мог применить к коммунару.

Эта система имела огромное значение. Каждый старался как можно скорее получить звание коммунара. Тогда он получал такую привилегию — быть арестованным. А я с арестами не стеснялся. За мелочь, за маленький проступок, за то, что пуговица не застегнута, — час ареста. Я не имел права садиться или сидеть, наказывая коммунара. Я должен был встать и сказать по отношению к нему:

— Такой-то, получай час ареста.

И он говорит:

— Есть, час ареста.

И я мог до 10 часов наказывать.

Что это значит? В выходной день он обязательно отдает пояс дежурному командиру, приходит ко мне в кабинет и говорит:

— Я прибыл под арест.

А раз он прибыл, я не мог его отпустить, так как в 1933 году меня общее собрание лишило права прощать. Сегодня я прощу, а завтра накажу, какой же порядок? Поэтому я прощать не мог, и он имел право сидеть и заниматься в моем кабинете. Разговаривать с ним мог только я, больше никто не имел права с ним говорить, причем тут нельзя было говорить о его проступке. Это считалось дурным тоном, это считалось вульгарным, если бы я заговорил с ним о его проступке. Он сидит под арестом, он отдувается, и разговаривать об этом было в высшей степени неприлично.

Обычно мы разговаривали о коммунарских делах, о производстве и т. д. Я не имел права напоминать ему, что он арестован, и не имел права смотреть на часы, сколько он просидел, и считалось, что он сам должен был организовать свой арест. И то, что это поручалось ему самому, меня очень устраивало.

Вы не знаете, что это такое арест. Просидеть в течение целого выходного дня у меня в кабинете, разговаривать со мной. Попробуйте-ка даром наказать! Никто ни за что не сядет, а ведь это приятный арест. Девочки относились к аресту с каким-то ужасом; сесть под арест — это значило быть опозоренной перед всей коммуной. Поэтому девочки-коммунарки, имеющие значок, обычно никогда не попадали под арест. Когда я одну хорошенькую, умненькую, приятную девочку, командира отряда, посадил под арест на 4 часа, она все 4 часа плакала у меня в кабинете, как теперь появится перед общим собранием. Она теперь драматическая актриса в Харьковском театре. Арест — это применение той теоремы, о которой я говорил: как можно больше требований к человеку и как можно больше к нему уважения, и арест был делом священным.

Когда я был срочно, в течение одного часа, откомандирован по телеграмме из Киева из коммуны Дзержинского и должен был уехать в Киев, я имел только полчаса в своем распоряжении, чтобы проститься с коллективом, с которым я провел 8 лет. Конечно, говорить тут было невозможно, и мне и им было трудно. Девочки плакали, состояние было нервного потрясения, и все же рефлекс сыграл свою роль. Я прервал свою прощальную речь, увидев, что рояль в пыли, и говорю:

— Кто дежурит по театру?

— Первый отряд.

— Командиру 1-го отряда пять часов ареста.

Командир 1-го отряда — мой давний соратник. Все 8 лет мы с ним вместе провели. Но почему пыль? Он не досмотрел, и вот получай 5 часов ареста.

Я сел и уехал, а через 2 месяца приехал с ревизией, и командир 1-го отряда является в кабинет:

— Прибыл под арест.

— Почему?

— За пыль на рояле.

— А почему ты не отсидел до сих пор?

— А я хотел отсидеть, когда вы приедете.

И я должен был сидеть из-за него 5 часов, пока он кончит арест.

Это то, что относится к формальному наказанию.

Там, где коллектив объединен в общем тоне, в стиле доверия, там наказание может быть очень оригинальным и интересным, если накладывается общим собранием.

На общем собрании коммунаров был такой случай: старший комсомолец выругал матом инструктора. Он был прав, но выругал неприлично. Общее собрание постановило: «Пионеру Киренко, самому маленькому, объяснить комсомольцу такому-то, как нужно поступать в таких случаях».

Серьезное постановление. И после этого дежурный командир приглашает Киренко и этого комсомольца и говорит:

— Садись и слушай.

И тот объяснял, причем пионер сознательно выполнил свои обязанности, а тот сознательно слушал.

На собрании дежурный командир доложил:

— Постановление общего собрания Киренко выполнил.

— Ты понял, что тебе говорил Киренко?

— Понял.

— Иди.

И все кончено.

Другое постановление: гулял с девочкой один командир, увидел, что в публике началась драка. Он не удержался от драки и также вступил в драку. Дело кончилось скандалом.

Постановили:

«В следующий выходной день такого-то числа в 3 часа 15 минут такому-то подумать над своим поступком и доложить об этом командиру».

Поневоле будешь думать. Ведь нужно же будет сказать, что надумал. И вот заставили человека целую неделю думать. И в конце концов он придумал, пришел и доложил.

Такое наказание является не наказанием, а толчком, где коллектив шутя, играючись, показывает свои силы. Но, конечно, главным в моей практике было не наказание, хотя я и был обязан применять наказание, но оно становилось украшением дисциплины. Главным в моей практике были не наказания, а беседы индивидуального характера.

НЕКОТОРЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ИЗ МОЕГО ОПЫТА

Доклад на встрече с ленинградскими учителями в Областном доме учителя 16 октября 1938 г.

Я позволю себе сделать некоторые чисто педагогические выводы из моего опыта и предложить его вашему вниманию, как специалистов и моих коллег.

В течение всей своей жизни и работы я прежде всего был всегда убежден, что я вовсе никакой педагогический талант, что я не белая ворона и что со мной вместе более или менее одинаково думает все наше советское учительство. В этом я продолжаю быть убежденным и на сегодня. И поэтому я никогда не считал себя ни новатором в педагогической области, ни реформатором, ни чудаком, ни тем более еретиком. Сколько мне ни приходилось встречаться с учителями, я не помню, чтобы между мною и ими были какие-нибудь принципиальные расхождения; бывали учителя ленивые и были не ленивые, и ленивые со мной иногда ссорились, но не принципиально. Точно так же, встречаясь очень часто и на Украине, и в Москве с учительским обществом, я не помню еще ни одного случая какого-нибудь категорического расхождения с моими взглядами, высказанными в «Педагогической поэме».

Однако до сих пор мне не приходилось видеть такой школы — десятилетки или семилетки, — где бы мои педагогические убеждения были претворены и понимались так же глубоко, как они претворены в детских колониях и в коммунах, в особенности в тех коммунах, которыми мне приходилось руководить.

Очень возможно, что методика работы с бывшими безнадзорными чем-то должна отличаться от работы с нормальными детьми. Но это — только возможно, в этом я до сих пор не убежден, и у меня самого есть такая задирка — попробовать, а может быть, можно применить те методы, которые я применял к правонарушителям, и к нормальным детям.

Почему мне в этом хочется быть убежденным? Потому, что в самой логике моей работы я никогда не исходил из элемента правонарушения или беспризорности и считал, что если бы я вырабатывал свои методы по логике, где большой посылкой являлось бы преступление или, более того — преступный характер, то тем самым я уходил бы от нашей советской идеологии и приближался бы к ломброзовской идеологии. И поэтому такого соблазна — решить, что получилось преступление и произошло искривление характера в сторону преступления, исходя из чего и нужно навести метод, — у меня никогда не было. Это проистекает из моей излишней доверчивости к человеку или, скорее, из любви к нему.

Меня некоторые критики часто упрекают, заявляя: «Почему у вас все молодые люди и девушки и все люди вообще красивые?» А я такие упреки встречаю с широко раскрытыми глазами, в свою очередь спрашивая: — А разве вообще все люди не красивы?

Действительно, по крайней мере, молодежь мне всегда кажется красивой. Трудно представить себе юношу или девушку, чтобы они казались безобразными. Ну, в нашем возрасте всякие случаи бывают (смех), а молодежь всегда красива, если она правильно воспитывается, правильно живет, правильно работает, правильно радуется.

Вот в этой формуле, если хотите, может быть, и заключается ересь. Но какая же? Я считаю, что каждый советский педагог, каждый советский человек от каждого советского нормального гражданина и ребенка должен требовать нормального поступка, а ненормальными мы считаем только тех, которые физически ущемлены.

В своей практике я такое вполне развернутое, без всяких скидок, требование и предъявил к моим воспитанникам и считаю, что это должно быть законом правильной советской педагогики: непреклонное, ясное, прямое, категорическое требование.

Мне кажется при этом, что в этом требовании иногда (а может быть, и всегда) мерещится риск, и поэтому страшновато предъявить такое категорическое требование: а вдруг личность взвоет, а вдруг личность побежит вешаться? И вот именно на фоне этого страха у нас и развернулась педологическая наука и педологическая тенденция. В чем они заключаются? В том, чтобы никакого рискованного требования не предъявлять, а приспособить такую серию средств, чтобы сам чорт не разобрал — к чему эти средства ведут, и чтобы потом нельзя было установить — а кто же в случившемся виноват? Воспитывал человека, учил, учил, а вышел хулиган. Можно предъявить требование к профессору педагогики, создавшему такую систему? Нельзя. А к учителю? Тоже нельзя, потому что нет никакого действия, а есть только рассуждения о действиях и аргументация.

Так вот, раз мы откажемся от такой логики, не вытекающей из каких-то наших гражданских требований, мы тем самым откажемся и от воспитательной работы.

Моим основным принципом (а я считал, что это принцип не только мой, но и всех советских педагогов) всегда было: как можно больше требований к человеку, но вместе с тем и как можно больше уважения к нему. В нашей диалектике это, собственно говоря, одно и то же: нельзя требовать большого от человека, которого мы не уважаем. Когда мы от человека много требуем, то в этом самом и заключается наше уважение; именно потому, что мы требуем, именно потому, что это требование выполняется, мы и уважаем человека.

Если это положение провести по всем линиям воспитательной работы, то мы увидим, как воспитательная работа начнет принимать строгие и четкие организационные формы. Еще раз повторяю — всегда при этом будет присутствовать некоторый страх риска. Вы обратили, вероятно, внимание на то, что недавно в «Правде» появилось несколько статей о производственном риске. Нужно сказать, что у нас эта проблема выглядит, конечно, страшнее. Можно рисковать материальными ценностями, можно рисковать

продукцией, хотя преступно рисковать и там, где дело касается материальных ценностей (разве можно рисковать, когда мы делаем самолеты или танки?). Но мы признаем риск, если в нем заложено стремление к какой-то правильной советской цели.

Возможен ли такой риск в педагогическом процессе? Если мы спросим об этом человека, сидящего в кабинете за книжками, то он скажет: «Рисковать человеком в педагогической работе нельзя», а если вы спросите меня, человека, работающего на этом фронте, у которого несколько десятков этих живых людей, то я скажу — обязательно, потому что отказаться от риска — значит отказаться от творчества. А мы имеем право отказаться от творчества в нашей воспитательной работе? Нет. Поэтому я утверждаю, что в педагогической работе педагог имеет такое же право на смелость и даже на риск, как и всякий другой работник.

Возьмем простой, обыкновенный средний случай. Да, пожалуй, даже не нужно брать никакого случая: возьмем одну из консультаций, которая была напечатана (правда, года три тому назад) в одном педагогическом журнале. Один педагог задает вопрос: «Каким тоном нужно разговаривать с учеником, который нарушил дисциплину?» И консультант «всем, всем, всем», на весь Союз отвечает: «Надо разговаривать с ним ровным голосом, чтобы ученик понял, что вы делаете ему замечание не потому, что вы на него гневаетесь или сердитесь, а потому, что вы так должны поступить». Конечно, при таком способе, применяемом в отношении ученика, нарушившего дисциплину, нет никакого риска. (Смех). Какой же тут риск? Что бы ни случилось, ученик потом опять будет нарушать дисциплину: будет бить окна, оскорблять учителя, товарищей, бросит школу, станет хулиганом. Спросим этого учителя, который последует совету консультанта: почему у тебя вышел такой хулиган? И он ответит: «Не знаю, я применял правильные приемы: я с ним разговаривал ровным голосом, я ему показывал, что у меня нет гнева, что я сделал все, что я обязан делать». Вы скажете — да, он не виноват, он все делал ровным голосом. А если бы он разгневался (потому что бывают такие поступки у учеников, которые должны вызывать ваше негодование), показали бы ученику, что вы негодуете и у вас не может быть ровного голоса, раз вы имеете нарушение дисциплины и интересов коллектива, — то это не повторилось бы. Но тут будет риск! Какой риск? — Риск, вызванный отсутствием так называемого педагогического такта. Вот вы разгневались, показали ученику, что вы гневаетесь, а у него произошли какие-то такие трансформации, что-то у него в душе начало переворачиваться-переворачиваться и — пропал человек.

Но по моему глубокому убеждению, ни вопрос о риске, ни вопрос о тактике не может быть разрешен на одной паре, на одном примере, когда с одной стороны стоит воспитатель, а с другой — воспитанник. И все споры, которые были у меня с педологами и со старыми наркомпросовскими работниками, и проистекали из такого представления о паре — учитель плюс ученик. Повторяю: такой пары нет. А что есть? Есть школа, организация, кол-

лектив, общий стиль всей работы. И если у вас в школе будет правильный стиль, правильный тон, правильный коллектив, то никакой риск не делается страшным и всякий риск необходим и возможен.

Это второе положение моей теории, если хотите: никакой метод не может быть выведен из представления о паре — учитель плюс ученик, а может быть выведен только из общего представления об организации — школы и коллектива.

В таком случае вопросы воспитательной работы никогда не могут быть разрешены порядком рекомендации метода каждому отдельному учителю по отношению к отдельному ученику, а могут быть разрешены рекомендацией формы стиля и тона для всей организации.

И первой такой формой, необходимой у нас в советском воспитании, является коллектив. Ни для кого не секрет, что задача нашего воспитания сводится к тому, чтобы воспитать коллективиста.

Какие мы отсюда сделали выводы? До сих пор многими делаются только такие выводы, что с учеником нужно говорить о коллективе, воспитывать его в смысле политических представлений и идей. Но они будут правильно усвоены только тогда, когда и на практике вы будете следовать этим идеям и принципам. А для того, чтобы наше политическое воспитание и на практике немедленно претворялось в жизнь наших учеников и учителей, нельзя обойтись без коллектива. Наша советская педагогическая логика не сможет выдержать никакой критики, если мы вычеркнем в логическом построении коллектив.

Тогда поставим вопрос: а что такое коллектив? Нельзя представить себе коллектив, если взять попросту сумму отдельных лиц. Коллектив — это социальный живой организм, который потому и организм, что он имеет органы, что там есть полномочия, ответственность, соотношение частей, взаимозависимость, и если ничего этого нет, то нет и коллектива, а есть просто толпа или сборище.

И вот я все свои 16 лет педагогической работы (с беспризорными) главные свои силы потратил на решение вопроса о строении коллектива, его органов, о системе полномочий и о системе ответственности.

При этом я делал для себя еще один вывод: я не представлял и не представляю себе — можно ли воспитать коллективиста или, по крайней мере, детский коллектив, если не будет коллектива педагогов. Совершенно несомненно, что нельзя воспитать коллектив, если 15 педагогов будут каждый воспитывать, как кто умеет и как кто хочет. Понятно поэтому, что должен быть и коллектив педагогов.

А что у нас написано о коллективе педагогов? Что мы, я и вы, знаем о нем? Если нас спросить с научной точки зрения о коллективе педагогов, то мы не знаем ни одного слова, хотя нам прекрасно известно, что там, где есть коллектив, там работа идет успешнее, там и вопрос о дисциплине не становится, пожалуй.

Я готов итти еще дальше: я готов разработать и такие вопросы, как вопрос длительности работы педагогического коллектива, как вопрос о длительном сроке занятий педагогической работой отдельных членов коллектива, потому что если вы построите весь коллектив из педагогов с одногодичным стажем работы, то несомненно, что это будет слабый коллектив. И вот этот вопрос, вопрос о соотношении, о том, сколько должно быть старых и новых педагогов, — тоже научно-педагогический вопрос.

А можно итти еще дальше. Я очень часто переживал в своей работе напряжения следующего порядка: вот у меня имеется одно вакантное место педагога. Кого пригласить? И очень часто решал этот вопрос так: никого не приглашайте! Используйте человека, которого мы вам прислали, говорили мне. Я спрашивал: а почему именно этого человека вы прислали? — «Да подвернулся под руку». Вот этот случайный принцип комплектования педагогического коллектива бывает иногда удачен, иногда нет.

Я помню — иногда я знал, что мне обязательно нужно пригласить молодого человека (стариков у меня достаточно), а иногда я втайне грешил (это я побоялся написать даже в «Педагогической поэме»), я считал, что мне нужна хорошенькая девушка в коллективе. Почему? Да потому, что собрались все такие вот вроде меня, и у учеников глазам отдохнуть не на чем. (Общий смех). Эта хорошенькая девушка внесет и молодость, и свежесть, и известный задор. Пусть даже пойдут разговоры, что в нее вот такой-то педагог влюбился. Это только оживит общий тонус коллектива. А кто подсчитал — какое значение имеет общий тонус? У нас еще не успели этого подсчитать за 20 лет, в Западной Европе тоже ничего в этой части не имеется.

Надо, чтобы в коллективе был и сердитый, строгий дед, который никому ничего не прощает, который никому не делает никаких уступок. Нужно, чтобы была и «мягкая душа», — человек, который всех любит, всем все прощает... (Смех). Такой, честное слово, нужен. Теперь это смешно, а я не смеялся и искал такого старика. Я знал, что такой человек уменьшит трения, возникающие иногда в коллективе.

Так вот коллектив учителей и коллектив детей — это не два коллектива, а один коллектив и, кроме того, коллектив педагогический. Причем я не считаю, что нужно воспитывать отдельного человека, я считаю, что нужно воспитывать целый коллектив. Это единственный путь правильного воспитания. Я сам стал учителем с 17 лет, и сам долго думал, что лучше всего организовать ученика, воспитать его, воспитать второго, третьего, десятого, и когда все будут воспитаны, то будет хороший коллектив. А потом я пришел к выводу, что нужно иногда не говорить с отдельным учеником, а сказать всем, построить такие формы, чтобы каждый был вынужден находиться в общем движении. Вот при этом мы воспитываем коллектив, сбиваем его, придаем ему крепость, после чего он сам становится большой воспитательной силой. В этом я глубоко убежден. И меня убедила в этом не колония им. Горького, — там я был во многом диктатором, а

вторая коммуна — Дзержинка. В Дзержинке я добился того, что коллектив сам стал замечательной, творящей, строгой, точной и знающей силой. Это нельзя сделать законом, такой коллектив нельзя создать и за два, и за три года, такой коллектив создается за несколько лет. Это дорогая, исключительно дорогая вещь. Но когда такой коллектив создан, тогда нужно его беречь, и тогда весь воспитательный процесс проходит очень легко.

Но тут встает вопрос, наш педагогический вопрос — а как же беречь людей? Представьте себе, что вы, группа учителей, воспитали коллектив, создали традиции, создали законы, которым все верят, добились того, что каждый в каждую минуту своей жизни физически чувствует, что за ним стоит коллектив. И вот перед вами задача — как это не потерять. Это чрезвычайно нервная, чрезвычайно сильная вещь. А развалить его, испортить, перемешать части может первый попавшийся самодур. Как спасти его от самодура? А ведь он может выскочить из-за любого угла, предъявит вам мандат и скажет: «Делайте так, делайте так, делайте так». И вот тут-то необходимы наши общие формы, наши общие советские традиции, и у нас они нарастают. Сейчас это еще во многих случаях принимает форму болезненного явления, но я убежден, что через самый короткий промежуток времени у нас будут такие традиции воспитательной работы, которые не скоро поломаешь. Их не много, но у нас они уже есть, и они делают свое дело.

Вот то, что я хотел сказать о коллективе.

Отсюда вытекает и вопрос о дисциплине — самый больной вопрос нашего педагогического сегодня.

Как раз по вопросу о дисциплине я переболел больше вас всех и раньше вас начал болеть. Я начал с преступления. Если вы читали «Педагогическую поэму», — вы знаете. Это был удар, это было избиение воспитанника. Это было очень тяжелое переживание, тяжелое во многих отношениях. Я уже не говорю о том, что это было уголовное преступление против нашего советского уголовного закона и что я имел все шансы на то, что меня могут на 3 года посадить. Не это меня мучило, а другое — я испугался самой мысли, что, может быть, это — педагогический закон: не ударишь — не поедешь. Причем я находился в таком положении, когда я не мог мучиться, заперевшись в комнате, я должен был работать. Таким образом, для меня стояла ясная проблема — бить дальше или, испугавшись, отступить? Что делать? Вот такой вид приняла для меня проблема дисциплины — вид отчаяния, позора и преступления. И я, дав слово Алексею Максимовичу писать только правду, написал, без всяких утаек, как было дело, я написал: — да, ударил, и все-таки махнул рукой и сказал — пойдем дальше! И я только через три или четыре года понял, что и мой удар, и моя растерянность, и все мои мучения проистекали оттого, что у меня в руках ничего не было: ни знания, ни навыков, ни привычек, ни мастерства.

Вот рядом с коллективом и нужно поставить мастерство. Даю вам честное слово: я себя не считал и не считаю сколько-

нибудь талантливым педагогом. Говорю вам это попросту. Но я много работал, считал себя и считаю работоспособным, я добивался освоения этого мастерства и сначала даже не верил — да есть ли такое мастерство или нужно говорить о так называемом педагогическом таланте. Но разве мы можем положиться на случайное распределение талантов? Сколько у нас таких особенно талантливых воспитателей? И почему должен отвечать ребенок, который попал неталантливому педагогу? И можем ли мы строить воспитание всего нашего советского детства и юношества в расчете на талант? — Нет! Нужно говорить только о мастерстве, т. е. о действительном знании воспитательного процесса, о воспитательном уменьи. Я на опыте пришел к убеждению, что решает вопрос мастерство, основанное на уменьи, на квалификации.

Но и здесь я пришел к некоторым, если хотите, новым убеждениям. Я считаю, что наших педагогов в вузах, где они учатся, нужно как-то по-иному воспитывать. Для меня в моей практике, как и для вас, многих опытных учителей, такие пустяки стали решающими: а как стоять, а как сидеть, а как подняться со стула за столом, а как повысить голос, а как улыбнуться, а как посмотреть? Нас этому никто не учил, а этому можно и нужно учить, и в этом есть и должно быть большое мастерство. Здесь мы сталкиваемся с той областью, которая всем известна в драматическом или даже в балетном искусстве: это искусство постановки голоса, искусство тона, взгляда, поворота. Все это нужно, и без этого не может быть хорошего воспитателя. Это пустяк, а есть много таких признаков мастерства, прямых привычек, средств, которые каждый педагог, каждый воспитатель должен знать.

У нас в школах, — вы сами знаете, — иногда у одного учителя хорошо сидят на уроках, а у другого — плохо. И это вовсе не потому, что один талантлив, а другой — нет, а просто потому, что один мастер, а другой — нет. И нужно воспитывать педагогов, а не только образовывать. Какое бы образование ни давали педагогу, но если мы его не воспитываем, то, естественно, мы можем рассчитывать только на его талант.

Кроме мастерства, здесь требуется еще и большое знание самой организации. Поднимается ли у нас в нашей педагогической теории вопрос о таком пустяке, как школьный центр? Не поднимается, и мы совершенно не знакомы с этим вопросом, а между тем функционирование школьного центра, зависимость отдельных элементов этого центра во многом решает вопрос о дисциплине.

Я не знаю, как это можно сделать в школе, но у меня в коммуне был центр, во-первых, на определенном, самом лучшем месте, а во-вторых, он никогда не оставался без ответственного лица. Каждый коммунар знал, что в мое отсутствие на моем месте сидит лицо, которое отвечает за данную колонию, все мои коммунары знали, что есть центр, который не прекращает работу, и что всегда есть кого позвать, к кому обратиться. А от этого

центра идут какие-то уполномоченные лица. Таким уполномоченным лицом у меня в коммуне был дежурный командир. Это мальчик, самый обыкновенный, который дежурит два раза в месяц. Вообще он не имеет никаких прав, но когда он надевает повязку, он получает очень большие права. И если у вас в коллективе создана традиция, утверждающая, что эта «магистратура» нужна и что эти права идут на пользу коллективу, если вы воспитали в коллективе уважение к своему уполномоченному, — тогда ваша фигура делает очень большое дело. Это — лицо, отвечающее за рабочий день, за каждый случай в течение рабочего дня. И уже одно то, что среди школьников этот мальчик умеет пронести свою власть, как власть коллектива, не поступившись этой властью, не оскорбивши ее, не позволив ее никому оскорбить, — уже одно это делает колоссальные повороты.

Этот мальчик в коммуне имел право приказа, и приказа безапелляционного. Мы не побоялись на это пойти. Вот такой пятнадцатилетний дежурный командир может приказать старшему комсомольцу: «Убери тряпку». Потом его могли «проветрить» в комсомольском бюро, но отказаться выполнить приказ было нельзя.

Мы пошли дальше. Полномочия этого мальчика были настолько почетны, что общее собрание постановило: рапорт дежурного командира проверять нельзя, полное доверие рапорту. Если мне дежурный командир или бригадир придет и за столом скажет что-нибудь на ушко, — я могу проверить, но если он мне рапортует в определенной торжественной обстановке, подчеркивающей, что он говорит не просто как живая личность, а как уполномоченный коллектива, — считалось, что в этом случае командир соврать не может, и правильно — не может, как бы он ни хотел соврать. И вот эта идея уполномоченного с большими функциями и строгой ответственностью, — разве это не та самая, на которой дальше сбивается коллектив!

Это все относится к вопросу организации центра.

Я не стану вас затруднять такими моментами, которые, может быть, для школы не подойдут, но я обращаю ваше внимание на то, что вопрос о том, кто у вас в центре и в какой зависимости эти уполномоченные стоят, — вовсе не простой вопрос.

Имейте в виду, что функции этого центра затрагивают другую очень важную область педагогики, которую мы все давно признаем и уважаем, но в серьезной государственной школьной организации не всегда применяем, — это наши взгляды на детскую игру. Мы считаем, что ребенок должен поиграть, и игрушек у нас сколько угодно, но в то же время мы почему-то убеждены, что для игры должно быть какое-то отдельное место, и этим все участие игры в вашем воспитании ограничивается. А я утверждаю, что детская организация должна быть пропитана этой игрой. Учтите, что речь идет о детском возрасте, у него есть позыв к игре, и его нужно удовлетворить, и не потому, что «делу — время, потехе — час!», а потому, что как ребенок играет, так он

будет и работать. И я был сторонником того, что вся организация детского коллектива должна быть проникнута этой игрой, а вы, педагоги, должны в этой игре принимать участие.

Когда ко мне приезжали наркомпросовские комиссии и крокодиловыми глазами наблюдали систему моих рапортов, конечно, в душе я увядал, потому что я прекрасно представлял себе, что они смотрели на меня и думали: господи, как будто бы и взрослый человек, как будто бы и не дурак, а посмотрите, что он выделывает! (Смех). А я выделывал! Я говорил: есть! есть! есть! есть! И так я «играл» 16 лет, и не в этом только случае, а во многих случаях, в ту самую пресловутую военизацию, за которую меня в свое время «ели», — в этих командиров, в эти салюты и т. д. Настоящая военизация была в стрелковых кружках, а это была игра, в которой я принимал участие, принимал участие потому, что я пришел к убеждению, что без такой игры труднее создать настоящий веселый и бодрый коллектив.

Причем я с удовлетворением отмечаю, что эта «игра» постепенно внедряется. Возьмите, например, школы подготовки артиллеристов. Там уже ввели немножко эту игру.

А вы думаете, мы с вами не играем? Играем! Возьмите все эти галстучки, булавочки, кошечки, собачки! Это тоже игра. Как будто бы это принято, а на самом деле мы играем — иногда играем в важность в своем кабинете, иногда играем в книжность, когда мы обставимся книжками и думаем, что у нас есть библиотека. Ведь играем же мы в библиотеку? Играем. Разложим книжки, а очередной номер журнала держим под подушкой. А в гостиную разве мы не играем? Играем. И в столовый прибор, и в ножички для разрезания лимона и апельсина играем, хотя никогда никакого лимона и апельсина этим ножом не разрежешь! (Смех). А почему как только дети — так сплошная серьезность, сплошная мораль, мораль, учеба и учеба. А поиграть? «Он на перемене поиграет», — говорит педагог. «Пойди, побегай, но только, чтобы стекло не разбил, чтобы грязи не нанес, чтобы нос не разбил!» (Смех).

И вот, я считаю, что это привлечение игры в детский коллектив совершенно необходимо. Я дошел бы еще до больших чортиков в этом отношении, но, во-первых, мне не позволяли, а во-вторых, я чувствую, что я буду играться один, потому что никто больше не хочет. (Смех).

Но вот, наконец, еще два важных обстоятельства, на которых я хотел остановиться, это — наказание и труд.

Если вы помните, я написал в «Правде» о наказании два фельетона. Один из них так и назывался — «Наказание». Я не скажу, насколько это нужно в школе, и, пожалуйста, прошу не принимать моего слова, как рекомендацию какого-то наказания, я скажу, какие наказания я применял и какая от этого была польза, а по секрету вам скажу: я лично убежден, что это было бы полезно и в школе.

Я применял два вида наказаний.

Все мои коммунары делились на два отдела: огромное, по-

давляющее большинство — коммунары, а те, кто не получил такого звания, — воспитанники («мы тебя воспитываем, а коммунары уже воспитаны»). И вот воспитанника я имел право наказывать, «греть» (как у нас говорили): я мог дать ему вне очереди наряд.

Что такое «наряд»? Наряд — это самая разнообразная работа, которая от меня даже не зависела. Я имел право назначить наряд. Дежурные командиры всегда записывали: такой-то имеет, скажем, два наряда, такой-то — один наряд. Причем никто никогда не гонялся за имеющим наряды, а было так: нет работы, «нарядные» находятся в запасе, а прошел, скажем, дождь, нужно поставить бочки, — пожалуйста, ставь бочки; или — нужно поехать в город получить деньги, — отправляйся в город; или — уборка на кухне, — помогай на кухне.

Воспитанника я мог оставить без отпуска, в выходной день он не мог никуда уйти; я мог удержать воспитаннику выдачу карманных денег, т. е. не дать ему деньги на руки из его заработка, а положить в сберкассу, откуда он без моей подписи ничего получить не мог.

Накладывать такие наказания на коммунаров я не мог, не имел права. Для коммунаров было одно наказание — арест, а на воспитанника я не мог наложить арест, он еще до этого не дорос. (Смех).

Коммунар мог ходить в отпуск без разрешения, доложив только, до какого часа; он мог быть избран уполномоченным, а воспитанник — нет.

И еще одним правом пользовались коммунары: коммунару я обязан верить на слово — если он сказал, что он дал слово, то неудобно, неприлично не верить на слово.

Значит, коммунар мог быть наказан только арестом. Что такое арест? Так же, как и в случае с нарядами, я мог только наложить арест; причем считалось законом, что я должен в это время встать, т. е. не мог сидя, развалившись в кресле, сказать: «2 часа ареста!», а коммунар должен был мне ответить обязательно салютом: «Есть 2 часа ареста!». Если коммунар не сказал, значит он не принял моего наказания, значит он не согласен, и тогда я имею право передать вопрос на общее собрание. Но должен вам сказать, что я не помню такого случая. И обычно наказание накладывать нужно очень редко. Получив арест, коммунар уходил, и никто никогда это не записывал (наряды дежурный командир записывал и следил, чтобы они были выполнены, а арест — нет). Сам коммунар должен помнить, сам должен выбрать для себя удобное время, чтобы отбыть наказание. Вот тогда он приходил и говорил: «Прибыл под арест!» Арест заключается в том, что он приходил и должен был сидеть положенное время в моем кабинете. Арест — это внешняя инструментовка, а главное — это то, что кабинет — центр, где протекает вся жизнь колонии: где звонит телефон, куда приходят заказчики и т. д. И вот сидящий следит, как проходит жизнь. Причем мне заказывается очень важная методика: я все разговоры веду так, что

то-и-дело вверну что-нибудь специально для отбывающего арест коммунара. Если он, скажем, разбил стекло, то я в разговоре с кем-нибудь скажу: «Если будете ехать в город, купите, пожалуйста, ящик стекла, а то вот у нас стекла стали бить». (Смех). Если он девочку затронул или оскорбил, то на эту тему нужно несколько раз пройтись. Но я никогда не позволял себе допекать провинившегося прямо в глаза: вот ты сделал то-то и то-то, — как это нехорошо! В коммуне было такое правило: раз наказан и сказано «Есть!» — больше о проступке говорить нельзя, это считалось неприличным. Пока наказание не наложено, тут мы и собрания устраиваем и чего только ни говорим, но как только есть постановление, как только наложено определенное наказание, — кончено, считалось совершенно неприличным, неэтичным говорить о том проступке, за который уже наложено наказание. Это весьма важная традиция, она спасает наказанного от каких бы то ни было издевательств над ним.

Это то, что касается наказания.

Но тут я бы внес такой корректив. Я считаю совершенно неправильной такую постановку вопроса: «Наказывать, конечно, нужно, но...». Эти «но» сводятся к тому, что, во-первых, надо стараться не наказывать, а во-вторых, хороший учитель никогда не будет наказывать. Старайтесь сделать без наказания, педагогическим тактом, а в крайнем случае (значит, в скобках: если вы никуда негодный учитель) — наказывайте. Дело обстоит совсем не так. Во-первых, плохой учитель не должен наказывать ни в коем случае. Право наказания у меня в колонии имел только один человек, право наказания должно быть сосредоточено в одном геометрическом центре, чтобы было какое-то единство, и, во-вторых, наказывать необходимо всегда, когда нужно наказывать, ни в коем случае нельзя заменять наказание простым разговором. Логика такая: если нужно наказание, если наказание в данном случае полезно, значит оно и должно быть применено, ибо что такое «педагогический такт» в том понимании, в каком это у нас часто употребляется, т. е. в кавычках? «Педагогический такт» есть особый способ увильнуть от воспитательской работы и от ответственности, и только. (Смех). Больше никакого значения это слово не имеет. А учитель не имеет права отворачиваться ни от работы, ни от ответственности.

Я лично, тем не менее, считаю, что много наказаний быть не должно, но по другой логике: наказания не должны оглушать весь коллектив и делаться бытом в коллективе, наказания должны быть настолько редки, чтобы весь коллектив обратил на наложенное наказание внимание. Только поэтому наказания необходимо применять не часто. Поэтому, если у нас получился такой отрезок времени, когда что-то такое в коллективе расстроилось, — я бил наказанием просто без остановки, пока не наступало изменение.

Это наказание накладывал, как правило, я как старший уполномоченный коллектива. Но самое строгое и жестокое наказание,

такое наказание, как исключение из коллектива, я всегда считал необходимым проводить через общее собрание.

Тут мы подошли к очень интересному вопросу — общее собрание. Я не знаю, насколько это в школе возможно. На практике я этого не испробовал и сомневаюсь, потому что в школе слишком большая разница в возрастах, кроме того, там слишком недостаточное общение между старшими и младшими возрастами, и я не знаю, какой вид могло бы иметь общее собрание в школе, но я уверен, что если бы в школе был единый, сплоченный коллектив, то это было бы возможно.

Я имел право в колонии уволить воспитанника, но я никогда этим без общего собрания не воспользовался. Конечно, вы понимаете, что на общем собрании вы должны добиться такого постановления, какое вы считаете необходимым, и если коллектив вас уважает и понимает вас, то общее собрание всегда будет на вашей стороне. Для чего же тогда нужно общее собрание? Я считаю, что общее собрание нужно не столько для того, чтобы наложить правильное наказание, сколько для того, чтобы каждый член общего собрания считал себя ответственным за решение. Вот это переживание ответственности воспитывается в коллективе с наибольшим трудом, но зато, когда оно воспитано, оно творит чудеса. А это переживание ответственности вырабатывается очень большой точностью работы и четкостью.

В коммуне на общих собраниях был установлен такой регламент: речь могла продолжаться одну-две минуты. И вот даже в этом пустяке воспитывалась ответственность.

Ее можно воспитывать еще при помощи, главным образом, персональных поручений. В школе мне не приходилось наблюдать такие персональные поручения, а я их практиковал очень часто. Это значит — в каждом случае обязательно поручается кому-нибудь что-нибудь сделать с обязательным отчетом на общем собрании и с обязательной проверкой. Я не стану затруднять вас слишком детальным описанием таких поручений, но я уверен, что каждый директор школы и каждый коллектив педагогов всегда найдет, что поручить.

Наконец, я хочу обратить ваше внимание еще на один момент — на значение личного центра. Я лично убежден в том, что во главе школьного педагогического коллектива должен стоять единый полномочный педагог-директор. В своей практике (а я 16 лет работал в больших колониях и хозяйствах) я имел право пригласить заведующего педагогической частью и никогда его не приглашал и считаю, — и буду и дальше считать на месте директора, — что всю воспитательскую и хозяйственную власть необходимо объединить в одних руках, как бы трудно, как бы тяжело это ни было. Через год такой работы директору станет гораздо легче: он все держит в своих руках, он все знает. Я считаю, что и воспитателем и хозяйственником должно быть одно лицо. Это нелегко. Но как это ни трудно, все-таки лучше истратить предельное время и сохранить качество детского коллектива.

Вот, товарищи, все, что я хотел сказать вам по основным, главным вопросам.

Прошу вас, ни в какой мере не смотрите на то, что я сказал, как на какие-то советы или как на какую-то рекомендацию. Это то, что делал я в исключительных условиях и в исключительном коллективе, воспитывая правонарушителей, беспризорных или детей, выбывших из семьи.

Кроме того, учтите одно важное примечание: для того, чтобы создать все эти формы, нужно несколько лет. Ни в коем случае нельзя думать, что можно притти, изобрести и осуществить это в течение нескольких дней. Но если бы меня спросили — с чего бы я начал в нормальной школе, я сказал бы: я начал бы не с формы и не с нарушения традиций, а начал бы с хорошего общего собрания, где так, от души, в лоб сказал бы ребятам: во-первых, чего я от них хочу; во-вторых, чего я от них требую, и, в-третьих, я предсказал бы им, что у них будет через два года. Я убежден, что хорошо сказанное детям, деловое, крепкое слово имеет громадное значение, и, может быть, у нас так много ошибок в организационных формах потому, что мы еще и говорить часто с ребятами по-настоящему не умеем. А нужно уметь сказать так, чтобы они в вашем слове почувствовали вашу волю, вашу культуру, вашу личность. Этому нужно учиться.

Заканчивая, я от души желаю вам в вашей работе успеха. Уверен, что у вас в вашей практике и в ваших головах не меньше всяких мыслей и изобретений, чем, скажем, у меня, только я отличаюсь многословием — пишу книги, а вы, может быть, помалкиваете, хотя у каждого из вас есть очень интересные новеллы. (Продолжительные аплодисменты).

Заключительное слово

Я думаю, что не нужно никакого заключительного слова, а я просто отвечу на вопросы и записки.

Вот одна записка, касающаяся очень важного вопроса. «В Ленинграде был случай: ученик реагировал на плохую отметку учителя самоубийством — выбросился из окна класса. Как быть с такими «накладными расходами»?».

Совершенно правильно поставленный вопрос. Но в самом вопросе заключается и ответ. Какой риск был в том, что ученику была поставлена плохая отметка? Это совершенно узаконенная нормальная, средняя мера. Никто же не думает, что как только ставишь отметку, так и отнимай у ученика нож или смотри, чтобы он не выбросился из окна. Это самая нерискованная мера, а все-таки ученик выбросился. Что это значит? Это именно и значит, что какие-то другие меры, еще менее рискованные, в общей сумме привели к тому, что маленькая плохая отметка оказалась только лишь последней каплей. Вот это есть самый безобразный риск, который часто у нас имеет место. Мы

накапливаем в своей работе мелкие, совершенно нерискованные влияния, будучи уверены, что в каждом из них нет риска. Мы гладим мальчика по голове, мы портим ему нервы, хотя бы тем, что у нас в школе — содом и визг. Может быть, мы своим «ровным» голосом вызываем у него отвращение к жизни, и потом ко всему этому прибавляется еще совершенно нерискованная мера — плохая отметка, — и мальчик бросается из окна! Я и думаю, что гораздо больший риск по сути дела часто заключается в нашем непротивленчестве, чем в прямой, искренней и открытой борьбе с некоторыми тенденциями в его развитии.

У меня тоже были самоубийцы, но они были именно тогда, когда я думал, что нет никакого риска. И ошибался я чаще всего тогда, когда я был мягкотелым, неискренним, неправдивым. Учтите следующее важнейшее обстоятельство: если ваши ученики, зная, что вы, директор, и все ваши помощники, учителя, весь педагогический коллектив — люди с открытой душой, люди справедливые, прямые, то в таком школьном коллективе не может возникнуть мысль о самоубийстве. Как бы вы ни поступили, у учеников всегда будет ясное представление, что это сделали вы — человек, известный каждому ученику, как открытая личность, и всегда у него возникнет мысль о том, что вы правы, и именно к вам он пойдет за советом, поговорить о том, что ему делать. А вот когда вы прячетесь от ученика за ровным голосом, он никогда к вам не пойдет, он самое тайное, самое опасное переживание обязательно от вас спрячет. Да и кого же потянет к человеку с ровным голосом!

Я в своей жизни из коммуны Дзержинского, за 8 лет, выгнал безжалостно на все четыре стороны, наверное, человек 15, причем выгнал, не замазывая ничем. Им было сказано: выгоняем на все четыре стороны потому, что ты негоден, ты оскорбляешь и обижаешь нас своим существованием. Мы прямо говорим, что ты низко стоишь, как человек. И что вы думаете, я не дрожал несколько ночей, думая, чем все это кончится? Дрожал, но я чувствовал внутреннюю потребность так поступить, мой поступок был поддержан моей совестью. И вы знаете, что все эти выгнанные потом через 5—6—7 лет прислали мне письма. Совсем недавно, например, перед отъездом сюда, получаю письмо. Пытаюсь вспомнить — кто же это? Вспоминаю: я его выгнал несколько лет тому назад. Он пишет: я участвовал в боях на озере Хасан и поэтому сейчас должен написать письмо. Спасибо вам, что вы меня тогда выгнали. Если бы вы меня не выгнали, я бы так и остался никуда не годным человеком. А когда вы меня выгнали, я понял, как я низко пал, и решил доказать, что я могу быть человеком.

Через 8 лет я потерял из виду этого человека, и вот теперь он написал, написал, когда он оказался победителем у озера Хасан; именно в этот момент он вспомнил обо мне, как об одной из причин его сегодняшнего блеска.

Попробуйте поэтому предсказать, куда ведет каждый поступок!

Конечно, если коллектив слабый, то каждый нарывчик мешает, и в таком коллективе приходится выгонять с ласковой физиономией, но без достаточных поводов, а из сильного коллектива вы выгоните тогда, когда человек действительно пошел против коллектива, и тогда ваш поступок и на того, кого вы выгоняете, подействует в высокой степени отрезвляюще.

Кроме того, говоря о риске, я сказал с самого начала, что, чем сильнее коллектив, чем правильнее он организован, тем сильнее вы можете его поворачивать и тем меньше будет риска, а в слабом, плохо организованном коллективе, я сказал бы так: каждое ваше движение рискованно. Вы не можете отвечать ни за что, если нет общей системы, вы не можете сказать, где у вас риск и где у вас его нет.

Затем одно мое возражение. Я не говорил, что у меня нет мастерства. Я говорил, что у меня нет таланта, его у меня, поверьте мне на слово, нет, а мастерства я добился. Мастерство — это то, чего можно добиться, и как может быть известный мастер-токарь, прекрасный мастер-врач, так должен и может быть прекрасным мастером педагог.

А что такое педагогический талант? Чего стоит педагогический талант, если нет мастерства? Ничего не стоит. Я, конечно, говорю о воспитательском таланте, в отличие, скажем, от талантов преподавательских. А мастерство — это очень достижимая вещь.

У меня был такой помощник — Тимофей Денисович Татарин. Он со мной долго работал. Это было нежнейшее существо, иначе он ни к кому не обращался, как «хлопятки» (хлопец), «девчатки». Это была полная мне противоположность. Хороший учитель. Я взял его из сельской школы. Причем человек замечательной работоспособности, исключительной ловкости, многое умеющий изготовить, над многим умеющий подумать. Его многие любили, но в его мягкости видели какое-то противоречие. Потом он постепенно вырос и стал моим заместителем. И вот что удивительно. Я часто уезжал по делам, а он был на моем месте. По нашим законам и традициям, пока я в колонии, я имею все права, а я уезжаю — все права переходят к нему. И вот Тимофей Денисович научился у меня целому ряду приемов. Я имел, надо сказать, грешные непедагогические приемы, любил иногда сказать: «чорт бы вас забрал!» Так что же вы думаете? И он стал так говорить, но он говорил так: «Чорт бы вас забрал» (тихим, мягким, добрым тоном). (Общий смех). И что удивительно — это производило свое действие. В его характере это было негодование, и все понимали, что он негодует. (Смех). Это было мастерство. Я потом его спрашиваю: тут вот говорят, ты кулаком стучал по столу и кричать не кричал, а «честные» слова говорил. А он мне отвечает: «Да я понарочно робыв». То есть человек по своей натуре приспособил к себе внешние формы гнева (смех), и все говорили: «Ой, сердитый Тимофей Денисович!» А это значит — нехорошо.

Так что я уверен, что все мы с вами — люди одинаковые. Я

проработал 32 года, и всякий учитель, который проработал более или менее длительно, — мастер, если он не лентяй. И каждый из вас, молодых педагогов, будет обязательно мастером, если не бросите вашего дела, а насколько больше или меньше мастером — зависит от собственного напора и вашего присматривания.

Теперь о педагогическом гневе.

Не подумайте, пожалуйста, что я вас призываю вместо ровного голоса к громовому стуку кулаком по столу, крику и т. д. Это не может произвести полезное действие.

Что же такое гнев? Все мы понимаем с вами диалектически, ибо мы с вами — партийные или непартийные большевики. Говорили о мастерстве. Признали, что оно нужно. А при мастерстве гнев звучит иначе. Если вы мастер, то вы будете переживать негодование, но у вас это не примет никаких антипедагогических форм. Это будет искреннее проявление вашего настоящего человеческого чувства, но не вообще человека, а мастера-педагога.

Я хочу несколько развернуть эту тему.

Не только гнев противополагается ровному голосу, а вообще живое переживание человека. Разве можно представить всю лестницу от простого недовольства до гнева! Я должен сказать, что я тут приобрел выучку поневоле, и я знал, что значит сказать «здравствуй» сухим, сдержанным тоном и «здравствуй» спокойным, добрым тоном, или: «Все. Можешь итти» суровым, холодным тоном, или: «Все. Можешь итти» сдержанным, но мягким тоном. Все это — практика. И если вы поставите перед собой несколько таких интересных задач и поупражняетесь, то это будет очень неплохо. Я неоднократно заставлял упражняться своих сотрудников в подобного рода вещах. Я говорил иногда: я — директор, ты — ученик, ты украл 3 рубля. Вот я буду с тобой разговаривать, а остальные слушайте, как я с ним разговариваю. Задавайте мне вопросы. Как вы будете спрашивать: «Скажи, ты украл 3 рубля?» или — «Ты украл 3 рубля. Я знаю!» (Смех). Вот, попробуйте. Вещь пустяковая, а встречается на каждом шагу. И без постановки голоса, без мимики здесь ничего не выйдет.

Вот почему не нужно ровного голоса. А негодование, если вы мастер, вы знаете, когда потушить и когда дать ему ход. И, когда нужно, негодование может делать больше, чем даже ласка, потому что в негодовании вы проявляете себя, как гражданин, как человек, как представитель учреждения, как представитель идеи, как представитель права, вы отстаиваете что-то большое. А что вы представляете собой, когда вы гладите по головке? Педагогическую идею, и притом вам неизвестную! (Смех.)

Теперь вопрос «коллектив и семья» — чрезвычайно важный вопрос, который задал последний из выступавших товарищей. Тут я вам скажу, но тоже прошу не следовать моему совету, потому что это вам покажется, откровенно скажу, парадоксом.

У меня было тоже много семейных. И вот не я придумал эту теорему, которую я вам предложу, а сама жизнь.

Какие у меня дети? Приходят родители — отец и мать, похожие даже на ответственных, приходят такие нежные и ласковые. «Нельзя ли как-нибудь нашего сына взять?» Почему вы хотите его к нам поместить? «Да, знаете, не ночует дома, матери грубит, украл радиоаппарат, продал облигации» и т. д. И вот, когда возьмешь, то говоришь: я возьму, но чтобы вас и близко не было, и машины вашей чтобы не было, и чтобы бензина вашего не было слышно. (Смех).

Говорить так я имел основание. Я считаю так: раз вы мальчика довели до того, что мальчик вас обокрал дочиста, то вы уже больше не участвуете в воспитании. Давайте так и условимся: я воспитываю, а вы дожидаетесь продукции. (Смех).

Мне дают мальчика, доведенного до известной степени «совершенства». И вот я подводил его к какой идее: он должен был нести в семью мою государственную идею. Таким образом, не я ожидал, что мне семья принесет какую-то свою идею, а мой воспитанник, мой мальчик. Когда он уходил в отпуск, я говорил ему: отцу — полное уважение, матери — полное уважение, ручку целуй! Помогай! Завтра встанешь, спросишь: «Может, что-нибудь сделать?» Говорю: ты должен произвести на своих родителей сильное впечатление, понимаешь? «Понимаю». И вот приходит к родителям и спрашивает: «Ну, что вам тут сделать? Может, помыть что-нибудь?» (Аплодисменты, смех). И вот тогда и родители понимают, что будущего своего сына, если он у них родится, нужно воспитывать иначе.

И вот я пришел к такому убеждению, что мы, учителя, представляем государственное социалистическое учреждение, социалистический сектор, и естественно, что наши воспитанники — тоже члены этого сектора, и они должны вносить в семью нашу правильную культурную и моральную идею. Если семья достаточно культурная, она всегда пойдет навстречу, и у нас будет одна идея; если семья малокультурная, она подчинится влиянию не этого мальчика, а влиянию вашего коллектива, вашей организации.

Теперь вопрос в том, а как же так устроить, чтобы мальчик нес эти ваши государственные идеи в семью? А это — дело вашего мастерства и всех остальных методов и приемов. Но иногда для этого бывает достаточно просто сказать ребятам: вы должны вести себя так-то и так-то, потому что я не представляю себе, что может стоять вопрос о дезорганизаторах. Нет дезорганизаторов, не может быть!

Я говорю об этом вот в связи с каким фактом. Я был недавно в детском суде. Сидят пятеро из 5-х классов. Говорят, магазин ограбили, апельсины где-то рассыпали, покрали и поели и вот попали на скамью подсудимых. Приходит завуч. Судья спрашивает его: «Можете характеризовать вот этого?» Завуч говорит: «Ужасный мальчик, дезорганизатор! Он опаздывает на занятия, курит и других учит. Веревки какие-то в класс прино-

сит». Вот веревки меня сразу заставили насторожиться: что за изверг такой, с веревками в класс ходит. (Смех). И вот судья вызывает: «Семенов». Он встает. Судья, женщина, прекрасного стиля большевичка, спрашивает:

— Отчего у тебя уши покраснели?

— Неловко как-то, — говорит он со слезами.

— А ты пионер?

— Пионер (жмется).

— А галстук где?

— В кармане.

— Почему?

— Стыдно...

— Садись...

Все понятно, говорит она. А вот завучу не было понятно, что у Семенова уши от стыда краснеют, что он жмется, что у него на глазах выступают слезы. Какой же он дезорганизатор? Такому «дезорганизатору» вы, учитель, можете сказать: «Чтобы этого больше не было. Понял?» Можете быть уверены, что этого не будет. А, конечно, когда вы веревку увидели у него в руках и — руки вверх, то он папиросу после этого закурит и вам дым в глаза пустит! (Смех). Вот такие—«дезорганизаторы» — очень удобный материал, чтобы вносить в семью ваши правильные моральные идеи; вот вы позовите его и скажите: ты ученик такой-то нашей славной школы, семья — это твоя близкая родня, так вот покажи ей, как нужно себя вести. Это очень нетрудно. Но опять при двух условиях — когда есть коллектив и когда есть мастерство.

Что я предлагаю применять в школе? Я ничего не предлагаю и не имею права предлагать. Но если бы я был в школе, я и аресты применял бы, но у меня в кабинете, и арестовывал бы только лучших. (Смех). Да, товарищи, и наказывать вообще нужно не худших, а лучших, а худших нужно прощать, но чтобы все знали, что такой-то самый лучший и я ему пустяка не простил. Попробуйте наказывать не за самые тяжелые проступки, а за самые мелкие. А за воровство, например, у нас в коммуне Дзержинского не наказывали совершенно в последнее время. Что же делать — человек привык! И говорили даже так: «Еще раз украдешь». «Нет, не украду». «Украдешь, обязательно украдешь». «Да никогда, да ни за что». А через две недели стоит на середине. «Ну, что, украл?» «Украл». (Хохот). «Ну вот, видишь, мы же тебе говорили, что ты украдешь, и украл. А вот теперь говорим, что больше не украдешь». И действительно, не крадет. (Смех).

Так что наказывать нужно за мелкие проступки.

Могу вам привести в пример одного моего воспитанника Ключнева, оканчивающего сейчас в Москве Военную академию. Он был 4 года командиром взвода и 4 года не выходил из-под ареста, — значит, виноват был весь взвод.

Я помню, был такой случай. Получаю я как-то из Москвы телеграмму о выезде. Нужно уезжать. И вот прощаемся. У само-

го все кипит, и они ревут, и пацаны и девчата. И вдруг я замечаю пыль на рояле. И я совершенно искренне, без всякого педагогического трюка, приостановил свою прощальную речь и спрашиваю: «Кто дежурит по залу?» «4-й взвод». «Кто командир?» «Я». «Почему пыль? Пять часов ареста». И он отсидел 5 часов, хотя он не виноват, а виноват взвод, а он просто недосмотрел. Вот тех, на кого возложена ответственность, и нужно греть. Конечно, такая система наказания с первого раза не пойдет, нужно, чтобы коллектив знал, что в наказании тоже проявляется уважение. Это безусловно трудная и сложная философия, и ее не стоило бы сегодня даже затрагивать.

Мне задан вопрос: «Как сохранить созданный коллектив?» Очень просто: во-первых, сохраняйте его живое ядро, следите, чтобы всегда поколение сменялось при наличии подготовленного поколения, т. е. чтобы всегда было несколько слоев все повышающихся членов коллектива — и учителей и учеников, а во-вторых, сберегайте правила, традиции.

Вы знаете, у нас когда-то было в приказе написано: «С утра все по нарядам командиров на работу». Давно уже стали ходить на работу без нарядов, а в приказе все писалось: «С утра все по нарядам командиров на работу».

Другая традиция: приказ читается — встать. Может быть, никакой пользы нет, а сохраняется по традиции. И это сохранение традиции — очень важная логика.

Следующий вопрос: «Как поступить в том случае, если уполномоченные или, как вы называете, командиры нарушают порядок?».

Также в первую очередь «греть», а самая главная ответственность — перед общим собранием, и еще более главной у них должна быть честь, гордость.

Очень вам, товарищи, благодарен за внимание. Простите, если у меня плохо формулировались некоторые положения. Это потому, что в один вечер всего, конечно, не скажешь. Нам хорошо бы еще и вас послушать, потому что у вас, я уверен, есть что рассказать.

Желаю вам успеха, товарищи.

12 MAR 1917

3 р. 10 коп.

2011122044